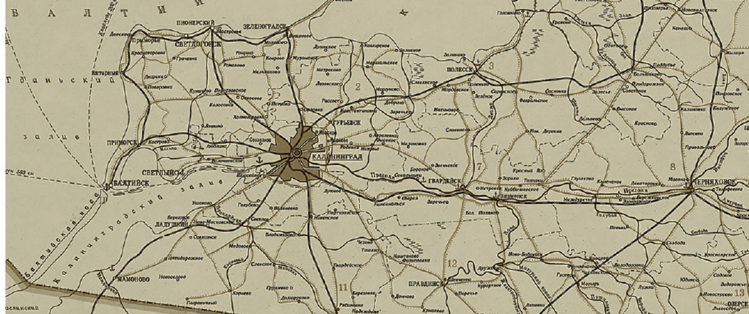

БФУ

ИМЕНИ И. КАНТА

ОТ БАЛКАН
ДО БАЛТИКИ

К ЮБИЛЕЮ
ЮРИЯ КОСТЯШОВА

ОТ БАЛКАН ДО БАЛТИКИ

К ЮБИЛЕЮ ЮРИЯ КОСТЯШОВА

БФУ
ИМЕНИ И. КАНТА

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. И. КАНТА

ОТ БАЛКАН ДО БАЛТИКИ
К ЮБИЛЕЮ
ЮРИЯ КОСТЯШОВА

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2025

УДК930.9(08)
ББК 63.1
О-80

*Издано при поддержке Российской федеральной программы
академического лидерства «Приоритет 2030»*

Редакционная коллегия:

В. И. Гальцов, канд. ист. наук, проф.; *А. А. Давиденко*, канд. ист. наук, доц.;
И. О. Дементьев, канд. ист. наук, доц. (отв. редактор);
В. В. Сергеев, д-р ист. наук, проф.

Рецензенты:

Л. М. Аржакова, д-р ист. наук, ведущ. науч. сотр.
Института славяноведения РАН (Москва);
Г. В. Кретинин, д-р ист. наук, проф. БФУ им. И. Канта (Калининград)

О-80 От Балкан до Балтики. К юбилею Юрия Костяшова : сборник научных статей / отв. ред. И. О. Дементьев ; Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта. — Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2025. — 262 с. : ил., [2] с. ил.

ISBN 978-5-9971-0981-3

В сборник включены статьи коллег и учеников доктора исторических наук, профессора БФУ им. И. Канта Юрия Владимировича Костяшова. Материалы отражают широту научных интересов юбиляра, занимающегося различными проблемами истории большого региона «от Балкан до Балтики» — Сербии, Польши, Восточной Пруссии и Калининградской области, а также историей международных отношений. Публикуются две написанные нейросетями ретрорецензии на монографию Ю. В. Костяшова о сербах в Австрийской монархии в XVIII в. В отдельном разделе размещены мемуарные опыты коллег юбиляра.

Адресован всем, кто интересуется современным состоянием исторической науки, актуальными проблемами отечественной и зарубежной истории.

УДК 930.9(08)
ББК 63.1

Содержание

<i>Гальцов В. И., Сергеев В. В.</i> (Калининград) Во славу исторического образования и исторической науки. К юбилею Юрия Владимировича Костяшова	5
--	---

Р а з д е л 1. Новейшая история Польши

<i>Матвеев Г. Ф., Матвеева Е. Ю.</i> (Москва) Становление Регентской Польши (сентябрь 1917 — март 1918 года)	13
<i>Кузьмичева А. Е.</i> (Москва) Франция во внешней политике Польши в 1920-е годы	31
<i>Жиров А. А.</i> (Калининград) К вопросу об экспроприации имущества на польских Возвращенных землях в первые послевоенные годы	48
<i>Колмагоров К. Н.</i> (Калининград) Польский фактор в трансформации газового рынка Европы	57

Р а з д е л 2. История Восточной Пруссии в XVII — первой половине XX века

<i>Белинцева И. В.</i> (Москва) Дворцы Кёнигсберга конца XVII — XVIII века	69
<i>Маслов В. Н.</i> (Калининград) Теодор Готлиб фон Гиппель: обзор материалов к 3D-реконструкции портрета	93
<i>Шепель Я. Г.</i> (Калининград) Между Талмудом и скальпелем: российские диссертанты в Кёнигсбергском университете во второй половине XIX — начале XX века	108
<i>Строганова Н. А.</i> (Озёрск) Польское национальное меньшинство в Восточной Пруссии между мировыми войнами: проблемы самоопределения	128
<i>Дементьев И. О.</i> (Калининград) Вильгельм Воррингер: «внутренний эмигрант» в Кёнигсберге	142

Р а з д е л 3. Советская Калининградская область (1946–1991)

<i>Соколова Е. А., Баранова Е. В.</i> (Калининград) Восстановление вагоностроительного завода в Калининграде	165
<i>Постникова С. М., Ярцев А. А.</i> (Калининград) Библиотечная система Калининградской области: начало	174
<i>Саенко А. В.</i> (Калининград) Заселение Калининградской области в отражении газеты «Калининградская правда» в 1946–1991 годах	180
<i>Полх П. П.</i> (Калининград) Организация карточного снабжения в формирующейся Калининградской области: взгляд на процесс изнутри системы	196
<i>Филёв М. В.</i> (Калининград) Дети в колхозе «Новая жизнь» Правдинского района (1946–1991)	210
<i>Фостова С. А.</i> (Калининград) «Мы не только новый город строим, мы делаем политику»: отражение проблемы застройки Калининграда в повести А. М. Старцева «Притча о счастье»	219

Р а з д е л 4. «Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке»: ретрорецензии

<i>ChatGPT</i> «Событие в российской славистике»	235
<i>Qwen</i> «Выдающийся вклад в историографию»	243

Р а з д е л 5. Слово о юбиляре

<i>Чумаков А. Д.</i> (Калининград) «Восточный вопрос в международных отношениях»: о спецдисциплине, объединившей многих (мемуарный опыт)	249
<i>Тишакова Е. Н.</i> (Калининград) Проводник в мир истории культуры XX века	256

*В. И. Гальцов
В. В. Сергеев*

**Во славу исторического образования
и исторической науки.
К юбилею Юрия Владимировича Костяшова**

В 2025 г. исполняется 70 лет известному российскому ученому-слависту, ведущему специалисту по истории Калининградской области, доктору исторических наук, профессору Балтийского федерального университета им. И. Канта Юрию Владимировичу Костяшову.

Юбиляр родился 6 января 1955 г. в городе Юрга Кемеровской области. После окончания средней школы сибирский юноша отправился в Москву, где поступил на исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Под влиянием учителей — кандидата исторических наук Е. С. Маковой (1934–2013), профессоров Л. П. Лаптевой (1926–2016) и В. Г. Карасева (1922–1991) — Юрий Костяшов увлекся историческими проблемами славистики. В 1977 г. он получил диплом

молодого специалиста. С этого времени его профессиональная деятельность прочно вошла в колею служения исторической науке: аспирантура МГУ и исследование истории Сербии в XVIII в., защита в феврале 1982 г. кандидатской диссертации «Социально-экономическое и политическое развитие сербских земель под властью Австрии в первой половине XVIII в.», а в ноябре 1998 г. — докторской диссертации «Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке».

Эти работы, защищенные в МГУ имени М. В. Ломоносова, получили высокую оценку официальных оппонентов — видных ученых-историков. В частности, отзывы на кандидатскую диссертацию дали доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР И. И. Лещиловская (1929–2016) и кандидат исторических наук (с 1985 г. — доктор), старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР А. П. Бажова (1925–2024, дочь писателя П. П. Бажова, невестка писателя Аркадия Гайдара и мать будущего политика Е. Т. Гайдара). На защите докторской диссертации Ю. В. Костяшову оппонировали доктора наук — ведущие научные сотрудники Института славяноведения РАН И. С. Достян (1920–2012) и Т. М. Исламов (1927–2004), а также ведущий научный сотрудник Института российской истории В. М. Хевролина (1931–2016).

Обе диссертации Юрий Владимирович защитил, уже будучи калининградцем. Он приехал в наш город в январе 1981 г. Его решение работать на кафедре всеобщей истории Калининградского государственного университета было вполне осознанным и мотивированным. Об этом свидетельствует письмо юбиляра заведующему кафедрой В. В. Сергееву 26 ноября 1980 г.: «Для меня редкая удача — найти работу по специальности. Вот почему я без долгих раздумий выразил готовность работать у Вас на кафедре. Мое желание еще более укрепилось после того, как я поговорил с Вашей сотрудницей В. Армичевой: она с большой теплотой отзывалась о своей работе, кафедре и городе».

Калининград и Янтарный край стали для молодого ученого и преподавателя новой любимой малой родиной, вдохновившей его на новаторские исследования. Здесь он женился, нашел много друзей и добился больших успехов в научно-педагогической деятельности. Начав ее с должности ассистента кафедры всеобщей истории КГУ, он в 1986 г. стал доцентом, а с 2000 г. является профессором, одним из ведущих ученых и преподавателей университета. В 1984–1992 гг.

Ю. В. Костяшов успешно возглавлял кафедральный коллектив, проявив хорошие организаторские и лидерские качества.

Все эти годы Ю. В. Костяшов кроме своего «фирменного» курса «История южных и западных славян» выполнял большой объем учебной работы: читал лекции и проводил практические занятия по истории мировой художественной культуры, истории стран Восточной Европы в XX в., вел спецкурсы по актуальным проблемам истории международных отношений и славянских стран.

Его занятия отличаются содержательной и методической четкостью, современным методологическим уровнем, ясностью и логичностью изложения. Отменное качество учебной работы юбиляра по достоинству оценивали студенты. Вот некоторые их ответы из проводимых ранее опросов: «Очень хороший преподаватель»; «На его лекциях всегда интересно»; «Юрий Владимирович — профессионал своего дела». Разумеется, за всем этим нужно видеть серьезную и ответственную предварительную подготовку преподавателя к каждому занятию.

Мастерски используя традиционные формы и методы работы со студентами, профессор Костяшов вместе с тем проявляет и новаторство. Он первым среди коллег стал принимать зачет по истории культуры с помощью компьютера, ему принадлежит первый опыт руководства коллективной дипломной работой группы из трех студентов, он существенно актуализировал и разнообразил тематику практических занятий и курсовых работ, подготовил ряд полезных методических пособий.

Объемная и многосторонняя учебная работа органично сочетается у юбиляра с активными научными исследованиями. За годы работы в университете сфера его интересов существенно расширилась географически, хронологически и тематически. Появляются многочисленные статьи и монографии по истории Польши и польскому вопросу в XIX — начале XX в., по различным аспектам истории Восточной Пруссии и Калининградской области, по истории русско-немецких связей. Последние годы особое место в научном творчестве профессора Костяшова занимают исследования, выполненные в русле новых направлений — истории повседневности, микроистории, устной истории. Он уделяет серьезное внимание таким проблемам, как историческое сознание и историческая память.

Юбиляра вполне можно назвать одним из пионеров устной истории в современной российской исторической науке. Еще в конце

1980-х гг. он создал и возглавил Ассоциацию устной истории на историческом факультете КГУ, объединившую молодых преподавателей, выпускников и студентов.

Тогда же он организовал коллектив университетских историков для реализации во многом уникального исследовательского проекта «Переселенцы рассказывают». По специально разработанной методике участники проекта опросили 320 жителей Калининградской области — переселенцев второй половины 1940-х гг. из различных областей Советского Союза. В результате появилась книга, в которой представлена реальная картина непростой жизни советских людей в Калининградской области в первые послевоенные годы, их отношений с оставшимся здесь некоторое время немецким населением.

Книга вызвала неоднозначную реакцию в некоторых консервативных кругах калининградской общественности и вместе с тем стала настоящим бестселлером для широкого круга любителей истории края, в том числе за пределами области и страны. Ее местную публикацию удалось осуществить лишь в 2003 г. после появления немецкого (1999), польского (2000) и российского, вышедшего в Санкт-Петербурге (2002), изданий. Не снижающийся интерес к ранней истории нового советского края побудил авторский коллектив опубликовать в 2018 г. третье — дополненное, исправленное и наиболее полное — издание книги.

В последующие годы профессор Костяшов продолжил изучение истории Калининградской области первых послевоенных лет. Появляются монографии «История сельского хозяйства Калининградской области» (2006, в соавторстве с В. Н. Масловым и другими коллегами), «Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг.» (2009), «Повседневность послевоенной деревни. Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг.» (2015), многочисленные научные статьи и очерки.

Помимо проекта «Переселенцы рассказывают» Юрий Владимирович осуществлял научные исследования по грантам РФФИ («Историко-культурное наследие как туристско-рекреационный ресурс Калининградской области», «“Советский народ” на крайнем западе России: теория и практика формирования “новой исторической общности” в Калининградской области (1945–1991)», «Реполонизация Воссоединенных земель в Польской Народной Республике в 1945–1956 годах», «Эволюция концепции Междуморья во внешней политике Польши в межвоенный период») и по международному проекту «Политика

памяти в российско-польско-литовском пространстве на территории бывшей Восточной Пруссии: Преемственность и изменения культурного ландшафта (1945–2015 гг.)». Он автор более 200 научных работ (статьи, монографии, документальные публикации), часть из которых опубликована в Германии, Литве, Польше, Сербии, Швеции, Японии.

Пройдя замечательную школу историков-славистов Московского университета, Юрий Владимирович сложился как ученый, отличительными особенностями профессионального мастерства которого являются непредвзятый, объективный подход к исследуемому предмету в сочетании с добросовестностью, ответственностью и широкой эрудицией. Исследования Ю. В. Костяшова обращают на себя внимание богатым историографическим материалом и объемом использованных и скрупулезно изученных источников, новаторскими методами историописания. Поэтому неудивительно, что его публикации популярны не только в ученых кругах, но и среди любителей прошлого, особенно тех, кто интересуется историей Восточной Пруссии и Калининградской области.

Большое внимание Ю. В. Костяшов уделяет молодому поколению историков, их научному становлению и росту. В конце 1980-х гг. он несколько лет возглавлял Калининградское отделение Ассоциации молодых историков, организовал научный студенческий кружок по истории Польши, где студенты могли также изучать язык, литературу и культуру этой страны. Им подготовлено восемь кандидатов наук: Н. А. Строганова, К. В. Трощенко и К. Н. Колмагоров (2004), М. В. Голованов (2006), Е. Ю. Чернышев (2008), А. А. Жиров (2021), М. В. Филёв (2023), С. А. Фостова (2024). На подходе к защите новые ученики профессора.

В разные годы юбиляр на общеуниверситетском уровне выполнял важные учебно-организационные, научно-методические и научно-организационные функции: ученый секретарь вузовского ученого совета, ответственный секретарь приемной комиссии КГУ, ответственный редактор журнала «Вестник БФУ им. И. Канта» (серия «Исторические науки»), член специализированного совета по защите кандидатских диссертаций по специальностям «История философии», «Логика», «Социальная философия», «Всеобщая история», руководитель научного семинара по проблемам отечественной и всеобщей истории и т. д. В настоящее время Ю. В. Костяшов входит в состав редколлегии журнала «Вестник БФУ им. И. Канта» (серия «Гуманитарные и общественные науки») и в состав специализированного

диссертационного совета по защите докторских диссертаций по специальностям «Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)» и «Всеобщая история (исторические науки)».

Научно-педагогическая деятельность Ю. В. Костяшова отмечена благодарностями и грамотами руководства университета и профильного министерства, а также в 2004 г. нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Воспитанный в большой и дружной семье рабочего-машиностроителя, кавалера ордена Ленина, Юрий Владимирович сформировался как человек с твердыми моральными гуманистическими принципами, которым никогда не изменял. Безупречная репутация человека, ученого и педагога-воспитателя сделала Ю. В. Костяшова одним из наиболее уважаемых сотрудников университета. Знаком признания заслуг и почтения к юбиляру является предлагаемый читателю сборник научных трудов.

Об авторах

Валерий Иванович Гальцов — канд. ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград).

E-mail: v.galtsov@rambler.ru

Виктор Владимирович Сергеев — д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград).

E-mail: viktsergeev@yandex.ru

Раздел 1

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ПОЛЬШИ

Становление Регентской Польши (сентябрь 1917 — март 1918 года)

Охарактеризован процесс становления Регентской Польши в сентябре 1917 — марте 1918 г., когда центральные державы поддержали создание Регентского совета, правительства и сейма в целях обеспечения спокойствия в Польше. Показано, что реальные рычаги управления в стране находились в руках оккупантов и правительства Польского королевства, а не Регентского совета вплоть до 13 февраля 1918 г. Сложение правительством полномочий в знак протеста против Брестского мира стран Четверного союза с Украинской народной республикой и отказ Регентского совета последовать примеру кабинета следует рассматривать как завершение перехода Польского королевства от активистского к регентскому этапу своей истории.

Ключевые слова: Первая мировая война, Польское королевство, Регентский совет, правительство Я. Кухажевского

Провозглашение 5 ноября 1916 г. (здесь и далее все даты даны по новому стилю) центральными державами на территории Царства Польского самостоятельного Польского королевства перевело национальный вопрос в этой части польских земель из теоретической в практическую плоскость. Девятого ноября генерал-губернатор германской оккупационной области генерал Г. фон Безелер призвал поляков вступать в добровольческую армию, чтобы внести свой вклад в победу центральных держав над Россией, а 12 ноября были оглашены условия набора добровольцев. Четырнадцатого января 1917 г. для подготовки к созданию высших органов государственной власти был утвержден и приступил к работе Временный государственный совет (ВГС) Польского королевства. Идею создания Польского королевства активно продвигала та часть политического класса «русской» Польши, которая связывала решение польского вопроса с центральными империями (активисты). Они нашли поддержку в Берлине, особенно у генерал-губернатора германской оккупационной области

генерал-полковника Г. фон Безелера, считавшего реальным быстро сформировать польскую добровольческую армию Польского королевства в составе трех дивизий, которые можно будет через восемь месяцев отправить на Восточный фронт (см. подробнее: [13, s. 108–111; 3, с. 79–86; 15, s. 26–28]). А активисты даже были уверены, что создадут армию численностью в 800 тыс. человек [13, s. 165].

Однако после Февральской революции 1917 г. в России обстоятельства, приведшие к образованию Польского королевства, коренным образом изменились. К тому же в польский вермахт записалось только около 3 тыс. добровольцев, и надежд на то, что после провозглашения Временным правительством России независимости Польши их станет на порядки больше, ни у кого не было. В мае 1917 г. Г. фон Безелер на заседании бюджетной комиссии рейхстага сказал, что возможность создания большой польской армии еще есть, но он сомневается в том, что после революции в России ее можно будет использовать на Восточном фронте [Ibid., s. 149]. В связи с этим в Берлине и Вене росло убеждение, что нет смысла и дальше держаться за проект Польского королевства. Но и терять своих польских сторонников, обеспечивавших оккупационным властям лояльность населения важной прифронтовой территории, они не желали. В связи с этим было решено сделать следующие шаги в области государственного строительства, обещанные актами от 5 ноября 1916 г., — дать Польскому королевству регентство и правительство, а также расширить свою политическую опору. Поскольку надежд на налаживание сотрудничества с влиятельными противниками активистского направления (пассивистами) в изменившихся внешнеполитических условиях не прибавилось, у центральных держав не оставалось иного выхода, как привлечь к своему проекту консерваторов. Тем более что они не отказывались от взаимодействия с властями в решении важных для населения вопросов повседневной жизни и имели опыт управленческой деятельности в условиях войны и оккупации [2].

Два года оккупации показали, что консерваторы, которые, в отличие от активистов, противились тесному сотрудничеству с центральными империями, если это требовало от них каких-либо явных политических обязательств, не отказывались от взаимодействия на партнерских основаниях в вопросах, касавшихся повседневной жизни своих сограждан. Эту их позицию очень точно описала газета «Берлинер тагеблат» 26 октября 2017 г. в комментарии по поводу образования в Польском королевстве Регентского совета:

Три мужа, которые встают во главе польской государственности под немецкой опекой в военных делах, прежде занимали скептическую позицию в отношении польской политики центральных держав. И если, несмотря на это, они занимают свой весьма ответственный пост, то это принципиально важно как для центральных держав, так и для польских сановников.

Эти мужи должны на переходный период взять в свои руки дальнейшие судьбы Польши. Их задачей является общее замещение польской государственности, подготовка будущей монархии, определение прав главы государства, но прежде всего, создание кабинета министров и парламента. Политика жизни сегодняшним днем кончается и должна уступить место долгосрочной политике... (цит. по: [5, s. 110]).

С другой стороны, за консерваторами не стояло крупной политической партии, которая давала бы им ощущение влиятельности в обществе и служила кадровым резервом при формировании административного аппарата Польского королевства. Последнее обстоятельство вынуждало консерваторов к сотрудничеству с активистами, связанными с Временным госсоветом.

В польской историографии недооценивают радикальную перемену, произошедшую осенью 1917 г. в характере Польского королевства и его роли в планах Берлина и Вены (см., напр.: [13, s. 150–152; 16, s. 216]). Вслед за польскими на это не обращали внимания и отечественные историки (см., напр.: [3, с. 88]). Польское королевство периода Регентского совета зачастую рассматривают как прямое продолжение Польского королевства времен ВГС, а различие между ними, как полагает Я. Паевский, заключалось в том, что «Временный госсовет был всего лишь органом, обдумывающим и строящим основы государственности, а Регентский совет и назначаемое им правительство уже имели, хотя ограниченные и узкие, атрибуты государственной власти» [13, s. 181–182].

На самом деле польский проект утратил для центральных держав стратегическое значение — их военное командование в своих планах все меньше рассчитывало на польских добровольцев. Теперь в Германии польский проект связывали скорее с разрабатывавшимся Ф. Науманном проектом *Mittleuropa* (Срединной Европы) [1, с. 451]. Суть польской политики Берлина (участие Вены в делах Польского королевства сокращалось в пользу Берлина) сводилась к тому, чтобы замкнуть польскую активность на сферах, не имевших для Германии принципиального значения в период войны, а взамен

продолжать пользоваться необходимыми для ведения войны польскими ресурсами.

Оккупационная администрация знала о сдержанном отношении консерваторов и католического клира к проекту Польского королевства. Вот как митрополит Варшавский, архиепископ А. Каковский описывал отношение церковных иерархов Варшавской метрополии в сентябре 1916 г. к слухам о предстоящем создании Польского королевства: «В случае провозглашения польского независимого государства центральными державами и назначения правительства во главе с регентом без определенных границ и без армии мы будем менее сдержанны, чем в отношении оккупантов, более к нам расположенных» [5, s. 51–52]. Поэтому для их привлечения к новому проекту следовало обеспечить им возможность практической деятельности. С этой целью 1 сентября 1917 г. в руки поляков были переданы гражданская администрация, образование и судопроизводство всех уровней. Обычно пишут, что эти сферы попали в юрисдикцию Переходной комиссии, созданной ВГС на период до конституирования Регентского совета и правительства Польского королевства. Но по существу это не так, учитывая, что данная комиссия должна была прекратить свое существование после формирования правительства Польского королевства. Просто на тот момент еще не было какого-то иного польского представительства, которому бы доверяли центральные державы. А в Переходной комиссии заседали всё те же активисты, и администрацию в переданных им сферах деятельности они могли формировать только из своих единомышленников. Видный деятель краковского Главного национального комитета (ГНК) Я. Хупка записал в своих воспоминаниях под датой 31 августа 1917 г.: «Из Варшавы вести получше. Правда, госсовет прекратил деятельность, но не перестал работать как ликвидационная комиссия. Со вчерашнего дня поляки овладели судопроизводством во всем Королевстве. Судьями и прокурорами назначено много поляков из Галиции. Близко к завершению и овладение школой» [9, s. 311].

По распоряжению императоров Вильгельма II и Карла I от 12 сентября 1917 г. генерал-губернаторы Г. фон Безелер и С. Шептицкий были уполномочены «продолжить строительство польского государства в соответствии с манифестом от 5 ноября 1916 г.» и издать патент о государственной власти в Польском королевстве [11, s. 87–88]. Статья I патента гласила:

1. Верховная власть в Польском королевстве передается до момента взятия ее королем или регентом Регентскому совету, не нарушая международной позиции оккупационных государств.
2. Регентский совет состоит из трех членов, которых монархи оккупационных стран на этот пост назначают.
3. Акты Регентского совета визирует ответственный президент министров.

Вторая статья определяла, что Регентский совет (РС), действующий совместно с Государственным советом (сеймом), на основании данного патента и последующих законов законодательно регулирует только области образования и судопроизводства. В областях, которые еще не переданы в ведение польской администрации, все законодательные инициативы могли рассматриваться Госсоветом только с согласия оккупационных властей. Кроме того, генерал-губернатор мог издавать распоряжения, имеющие силу закона, как заслушав мнение Госсовета, так и не делая этого, если распоряжения служили «обеспечению важных военных интересов». Польские власти обязаны были согласовывать с генерал-губернатором все законы и распоряжения, определяющие права и обязанности населения. До окончания войны Польское королевство не имело права самостоятельной внешнеполитической деятельности. Патент вводился в действие с момента создания РС [Ibid., s. 88–89].

Хупка 16 сентября так оценил эти основополагающие для дальнейшего строительства Польского королевства документы: «Естественно, у этих документов много недостатков, и, если захотеть, то есть к чему придраться и что критиковать. Потому что ведущие войну центральные державы сохраняют в своих руках большую часть власти, а в польские руки отдают только судопроизводство, просвещение, вероисповедания, сельское хозяйство и социальные вопросы. И все же польское правительство, пусть и с ограниченной властью, может и должно быть создано. А если решится отдать приказ о призыве нескольких возрастов для создания армии, то тем самым заложит фундамент под строительство государства» [9, s. 315].

Комментарий Хупки заслуживает внимания, поскольку выражает главную надежду, которую активисты продолжали связывать с Польским королевством: создать собственную польскую армию по призыву как необходимый атрибут подлинной государственности. Иными словами, они надеялись и дальше продолжать политику, начатую ими после оккупации Царства Польского в 1915 г. Более строго

оценил патент от 12 сентября А. Каковский. Он считал его собранием статей, существенно ограничивающих компетенции польских органов власти и одновременно предоставляющих большие полномочия генерал-губернаторам. Самой важной он считал 4-ю статью, ограничивавшую польскую внешнеполитическую правосубъектность на время войны, хотя видел в этом и положительный момент, позволявший польскому правительству отказываться от подписания каких-либо договоров и с оккупантами [14, s. 32].

Переходная комиссия приступила к подбору кандидатов в регенты еще в июле 1917 г. Относительно кандидатур президента Варшавы князя З. Любомирского и А. Каковского разногласий не было, хотя митрополит согласился не сразу. Сначала он выслушал позиции иерархов австрийской Галиции и своего диоцеза, услышал от них мнение о желательности и для церкви такого шага, затем испросил разрешения папы римского Бенедикта XV и лишь потом принял предложение [6, s. 53–55]. Спор о третьем кандидате в регенты тянулся до середины сентября 1917 г. Ю. Островскому припоминали, что он был одним из основателей Стронництва реальной политики в 1905 г., его первым председателем до 1908 г. и повторно возглавлял партию после ухода русских в 1915–1917 гг., к тому же в 1906–1910 гг. был членом Государственного совета Российской империи и руководил в нем польским колом, то есть излишне тесно сотрудничал с Россией. Но ведь и все другие видные польские политики перед мировой войной и в ее годы тоже сотрудничали или с Россией, или с Австро-Венгрией и Германией. Намекали также на возраст (67 лет) и состояние здоровья. Но в конце концов после того, как маршалок коронный В. Немоевский решительно отказался войти в состав регентского триумvirата, все же остановились на кандидатуре Островского.

Какими мотивами руководствовались кандидаты в Регентский совет, соглашаясь войти в его состав? Совершенно точно не честолюбием или корыстными побуждениями. Обратимся опять к свидетельству митрополита Варшавского:

[Это не была] жажда власти и почестей, потому что, будучи варшавским архиепископом и примасом Польского королевства, я пользовался высшими почестями. Не корысть, потому что первое условие, которое я поставил князю Любомирскому и Островскому, — отказаться от жалования и любого вознаграждения за регентство... Может, мы думали, что у нас лучше сложатся отношения с оккупантами, чем у Временного государственного совета? В этом я не заблуждался. Может, мы наивно

верили, что оккупанты пойдут нам на уступки? У меня не было такой иллюзии. Может, мы обольщались, что оккупанты во время войны отдадут нам всю полноту власти? Я был убежден, что в военных условиях это было невозможным, тем более что немцы не верили нам, а мы немцам. Положа руку на сердце, могу сказать: я вошел в Регентский совет... как примас Польского королевства... вошел из чувства гражданского долга, чтобы служить общественному благу; вошел в тот момент, когда Родина не имела правомочной власти... Вошел с убеждением, что если мы не возьмем власть, то ее возьмут другие, грешащие излишней покорностью немцам, которые пойдут слишком далеко, предрешат польский вопрос в пользу Германии и тем навредят Польше. Я вошел после отставки Временного государственного совета, чтобы избежать вакуума власти, в момент, когда широкое немецкое общественное мнение провозглашение актов 5 ноября стало считать политической ошибкой, во время, когда неприязненное отношение польского общества к немцам, по причине их военных и политических планов, могло привести страну к беспорядкам, которые немцы могли бы жестоко подавить с помощью оружия, когда немцы не могли решиться на отзыв актов 5 ноября, но и не намеревались создать цельную Польшу, такую, которую хотели иметь поляки [5, s. 86–87].

Сходными мотивами руководствовался и З. Любомирский. Его жена записала в дневнике такие его слова: «Если бы я был эгоистом, то, несомненно, устранился бы сегодня, выжидая конца войны (или оставался бы на посту президента города), я же отказываюсь от прежней сдержанности и иду на компромисс с центральными державами, не будучи убежденным в их победе, то есть без тех взглядов, которыми руководствовался [Временный] Государственный совет» [14, s. 530].

Следует иметь в виду и то, что все регенты относились к числу хорошо обеспеченных людей. Любомирский был крупным землевладельцем, Островский сумел превратить полученное по наследству достаточно запущенное имение в процветающее хозяйство размером в 20 тыс. га. По словам Каковского, «они принадлежали к числу самых богатых людей в стране». О себе же Каковский писал так: «Я содержал себя и архиепископский дом из жалованья в 6 тыс. рублей, пересчитанного на немецкие марки и девальвированного, в действительности же — на стипендии за мессы, присылаемые мне американским духовенством в полноценных долларах Соединенных Штатов» [5, s. 86].

Мы неслучайно столь подробно остановились на характеристике регентов. Из нее видно, что только З. Любомирский теоретически

имел шансы сыграть заметную роль в Польском королевстве и после окончания войны. С начала войны он показал себя достаточно активным, самостоятельным, даже отважным политиком. К тому же на посту президента Варшавы он приобрел солидный управленческий опыт и авторитет у варшавян, да и в других частях Польского королевства его имя было известно. С другой стороны, он никогда не демонстрировал карьерных амбиций, не имел за собой сильной политической партии, поэтому его, скорее всего, трактовали как временную фигуру на некий переходный период.

Кандидатура А. Каковского была скорее данью польской исторической традиции, когда именно митрополит-примас был хранителем королевского трона в межкоролевья. Кроме того, в его распоряжении находилась вся церковная организация Польского королевства, что делало его авторитетной и влиятельной фигурой. Но политиком он не был и своего будущего с политикой не связывал.

Что касается Ю. Островского, то по меркам того времени он был достаточно пожилым человеком, чтобы начинать карьеру политического и государственного деятеля. К тому же он был уязвим как бывший член Госсовета Российской империи и руководитель Стронництва реальной политики. Оппозиции с помощью СМИ не стоило большого труда настроить против него общественное мнение, хотя он был соглашателем (угодником) не больше Р. Дмовского или Ю. Пилсудского. В круг его регентских обязанностей входила подготовка совместно с секретарем Регентского совета прелатом З. Хелмицким большинства официальных обращений Совета и других документов.

Пятнадцатого октября 1917 г. центральные империи дали свое согласие на персональный состав Регентского совета, и в тот же день на торжественном представлении в варшавском Оперном театре по случаю столетия со дня кончины Т. Костюшко Переходная комиссия официально объявила состав Регентского совета. Торжественную присягу регенты принесли 27 октября 1917 г. в королевском кафедральном соборе Св. Иоанна в присутствии видных общественных деятелей, представителей основных польских политических партий, включая Польскую социалистическую партию, гостей из австрийской Галиции и германской Познанщины, а также консулов Испании, Голландии, Дании и Швейцарии. После торжественного богослужения регенты присягнули «Богу, пресвятой Троице и польскому народу, что будут править ради всеобщего блага, укрепления мощи, независимости, славы, свободы и счастья Польской Отчизны, ради

соблюдения спокойствия и согласия между гражданами страны. Боже, помоги нам в этом» [11, s. 90]. Показательным в присяге было отсутствие даже намека на отношение к центральным державам, хотя формально и фактически Регентский совет был детищем оккупантов.

Из собора регенты в сопровождении польских военных и гостей прошествовали в отведенный под их резиденцию Королевский замок, на котором был вывешен польский флаг. Здесь они обратились с воззванием к польскому народу. На воззвании стоит остановиться подробнее, потому что этот документ показывает, в чем регенты видели свои задачи:

...Мы хотим вести народ к его государственной независимости на основе актов, изданных монархами центральных держав в памятные дни 5 ноября 1916 года и 12 сентября 1917 года. Эти знаменательные акты открывают перед Польшей путь, закрытый для нее 120 лет. На том мы стоим с пониманием всей значимости и величия исторического момента, всей доброй славы польского имени. Мы должны строить фундамент независимого и могущественного Польского государства с сильным правительством, сеймом и собственными вооруженными силами. Такого государства требует наше будущее и то место, которое в будущей системе европейских государств должна занимать Польша.

Мы отдаем себе отчет в том, что одной и той же созидающей рукой мы должны одновременно утирать слезы, врачевать раны, предотвращать голод и несчастья, порожденные нынешней войной [5, s. 92; 11, s. 90–91].

Из послания видно, что регенты, не выходя за рамки дозволенного, определенные центральными державами, намеревались заложить фундамент будущего независимого польского государства, считая таковым правительство, сейм и армию, о которой, кстати, в патенте от 12 сентября 1917 г. ничего не говорилось¹, то есть планировали не строить государство, а только возводить его фундамент. Показательно и то, что и в этот раз ничего не говорилось о тесной связи этого государства с центральными державами в будущем. Одним словом, Регентский совет, подчеркнув в самом начале послания, что берет «с согласия обоих великих монархов верховную власть в Польском королевстве» (что было абсолютной правдой), как и в присяге,

¹ Это подтверждает мнение А. Гарлицкого, что немцы летом 1917 г. отказались от создания польского вермахта, перестав обманываться надеждой получить миллион рекрутов в Королевстве [7, s. 196].

никаких обязательств в отношении Вены и Берлина на себя не взял. Потому что «утирание слез» и т.д. — это была уже внутренняя политика.

Несмотря на свою чрезвычайную сдержанность и осторожность, Регентский совет еще до своего официального введения в должность оказался под огнем критики со стороны как некоторых активистов, так и пассивистов, прежде всего национальных демократов, и оставался предметом нападков и обвинений в коллаборационизме с оккупантами до конца своего существования. Главным объектом нападков предсказуемо стал Любомирский как вполне вероятный кандидат в единоличные регенты. Князь, дабы вывести из-под огня критики реалистов, даже покинул ряды Стронництва реальной политики.

Однако часть активистов, не утратившая веры в победу центральных империй, как и часть пассивистов, особенно из среды реалистов, поддерживала Регентский совет, так что ему не пришлось действовать в политическом вакууме.

Характеризуя правление консерваторов, стоявших у руля Польского королевства с 27 октября 1917 г., следует сказать, что они с самого начала приступили к реализации намеченной ими программы действий. И первым пунктом их программы стал подбор кандидата на пост главы правительства.

Как уже упоминалось при изложении содержания патента от 12 сентября 1917 г., процедура формирования высшего органа исполнительной власти проходила в два этапа. Вначале Регентский совет определял кандидатуру на пост президента Совета министров, хотя это и не было оговорено в патенте, согласовывал ее с правительствами Германии и Австро-Венгрии, а также производил назначение. Президент подбирал кандидатов в министры и представлял их на утверждение Госсовета. Такой порядок формирования правительства подчеркивал особый статус премьера по сравнению с остальными членами кабинета. По нашему мнению, именно означенная процедура формирования правительства подтверждает высказанный нами выше тезис, что прогермански настроенные активисты не отказались от власти, а с помощью немцев обеспечили себе в лице консерваторов ширму, скрывавшую их продолжавшееся тесное взаимодействие с оккупантами. Совершенно справедливо замечание В. Малая, что не следует идентифицировать политику Регентского совета с политикой польского правительства, потому что последнее имело собственную политику и само за нее отвечало [12, с. 257].

Это хорошо видно на примере конфликта вокруг кандидата на пост первого президента Совета министров графа А. Тарновского. Тарновский был высокопоставленным австро-венгерским дипломатом. Будучи в 1911–1916 гг. послом в Софии, он способствовал вступлению Болгарии в войну на стороне центральных держав. Следующую дипломатическую миссию посла в Вашингтоне (31 января — 1 мая 1917) ему пришлось прервать без вручения верительных грамот из-за решения Австро-Венгрии разорвать отношения с США. Тарновский был сторонником австро-польского решения судьбы Царства Польского, что не устраивало Германию и польских активистов, державшихся за проект Польского королевства². Неслучайно Переходная комиссия в августе 1917 г. была против включения А. Тарновского в состав Регентского совета, а немцы упорно противились сделанному регентами 29 октября 1917 г. предложению назначить графа первым премьером Польского королевства². Причины этой своеобразной «политической волокиты» было несколько. Это и опасение Берлина, что утверждение авторитетного австрийского дипломата главой правительства усилит в Польском королевстве позиции сторонников польско-австрийского решения национального вопроса, и позиция Переходной комиссии, озвученная в конце лета 1917 г. Это, видимо, и нежелание регентов форсировать решение польского вопроса по формуле Польского королевства. Так можно понять запись в дневнике Марии Любомирской под датой 1 ноября 1917 г.: «Желательно, чтобы польский вопрос оставался открытым вплоть до [мирного] конгресса» [14, s. 552]. Активист, близкий сотрудник Любомирского граф З. Роникер, анализируя в 1919 г. эту неспешность регентов, писал: «Вместо того, чтобы после оглашения акта от 12 сентября 1917 г. без промедления точно и широко определить компетенции образованного Регентского совета и будущего правительства и заставить оккупантов согласиться на них, они целые недели теряли на споры скорее формального характера, кого в будущее правительство пригласить...» [10, s. 71].

В конечном счете регенты согласились назначить на этот пост юриста и непрофессионального историка, сотрудника аппарата Временного госсовета Яна Кухажевского (в департаменте вероисповеданий и народного образования ВГС он отвечал за высшую

² К. Куманецкий изящно описал эту ситуацию: «...кандидатура графа Адама Тарновского не встретила с благосклонным восприятием в Берлине» [11, s. 92].

школу, в Регентском совете занял должность советника по правовым вопросам) [8, s. 154–155]. Хупка, хорошо знавший политические круги Польского королевства, назвал его «решительным активистом», благодаря чему Вена и Берлин утвердили его без промедления [9, s. 332].

Учитывая это, не вызывает удивления персональный состав первого Совета министров Польского королевства: из 11 человек (президент, 8 министров и руководители департамента политических дел и военной комиссии) пятеро входили в состав Временного госсовета, несколько национальных демократов, пошедших на сотрудничество с оккупантами, и ни одного из Стронництва реальной политики [8, s. 156]. И это при том, что двое из трех регентов были явными реалистами, а Каковский, формально им не будучи, по своей биографии мало чем от них отличался. Более того, вице-президент Совета министров Ю. Микулович-Поморский, руководивший Переходной комиссией ВГС с момента ее создания, только 9 января 1918 г. направил Регентскому совету на утверждение решение Переходной комиссии от 13 декабря 1917 г. о завершении передачи дел своих департаментов и всего их персонала соответствующим министерствам, а также о прекращении своей деятельности. Так что и все служащие ВГС были привлечены к работе в правительстве. А ведь они (по крайней мере, большая их часть) тоже были активистами.

Наше внимание к вопросу политической ориентации членов Совета министров Польского королевства не случайно. Именно через его призму можно увидеть тот механизм, с помощью которого центральные державы обеспечили себе и союзным с ними активистам определяющее влияние на исполнительную власть Польского королевства, при этом всю ответственность за принимаемые решения формально возложив на Регентский совет.

Создание именно такого механизма было предусмотрено уже сентябрьским патентом 1917 г., устанавливавшим самостоятельность поста президента Совета министров, и реализовано в изданном Регентским советом 3 января 1918 г. на его основании декрете «О временной организации высших органов государственной власти в Польском королевстве». Его текст был подготовлен в декабре 1917 г. Советом министров, то есть активистами. Регентский совет фактически только узаконил результат их законотворчества. В соответствии с сентябрьским патентом 1917 г., декрет был подписан премьером Я. Кухажевским. С правовой точки зрения «контрасигнатура

применяется там, где есть “слабый” по реализации числящихся за ним в конституции полномочий глава государства (монарх, президент)... и означает, что правительство берет на себя политическую и юридическую ответственность за правовой акт главы государства» [4].

Согласно декрету, исполнительная власть в Польском королевстве была представлена премьер-министром (президентом), Советом министров и самими министрами. Помимо них создавались также три назначаемых органа при премьер-министре: военная комиссия, комиссия чиновников Польского королевства и департамент политических дел. Декрет детально регламентировал порядок работы Совета министров. Заслуживает внимания то, что президент Совета министров определялся в декрете как отдельная институция исполнительной власти и назначался Регентским советом отдельно от правительства. Это делало его самостоятельным политическим фактором с серьезной позицией, до осени 1918 г. кандидатов на этот пост (кроме временно исполняющих обязанности глав кабинетов министров) регентам приходилось согласовывать с Веной и Берлином. Самостоятельность главы кабинета министров как политической фигуры закреплялась тем, что все декреты и распоряжения Регентского совета, в том числе и об отставке президента Совета министров, требовали контра-сигнатуры последнего. Именно премьер подбирал кандидатов в министры и представлял их Регентскому совету. Также декрет обязал главу правительства разработать проект закона о Государственном совете. Кроме того, в декрете детально описывались обязанности и полномочия не только премьера, правительства в целом, но и каждого министра [11, s. 93–97]. В целом полномочия Регентского совета были существенным образом ограничены в пользу Совета министров и его главы, что не позволяло регентам вести самостоятельную внутреннюю политику. В то же время именно они, а не правительство, олицетворяли в глазах общества созданное оккупантами Польское королевство и все его действия.

Посмотрим теперь на то, насколько задачи первого и второго правительств Польского королевства соответствовали программе, изложенной Регентским советом в его послании польскому народу от 27 сентября 1917 г. Кухажевский на первом заседании правительства 11 декабря 1917 г. так определил последовательность действий на ближайшую перспективу: «важнейшие дела: 1) военные, 2) взятие в свои руки важнейших сфер администрации, 3) обеспечение продовольствием» [13, s. 191]. О необходимости безотлагательной организации армии

Кухажевский говорил и на встрече с представителями прессы 3 декабря 1917 г.: принять закон о всеобщей воинской повинности, призвать три или четыре возраста и таким образом создать вооруженные силы численностью в 150 тыс. человек. То есть, в отличие от регентов, которые на первое место поставили задачу возведения фундамента будущего государства, Кухажевский в качестве приоритета своего правительства определил создание армии. Возникает вопрос: зачем Кухажевскому нужна была польская армия? Я. Паевский отвечает на него так: во-первых, чтобы «оградить Польшу от русской революции», но не только. Создание 150-тысячной армии должно было укрепить позиции правительства Регентского совета, а также усилить это странное, неопределенное творение, возведение которого началось 5 ноября 1916 г. и продолжилось 12 сентября и 15 октября 1917 г. [13, s. 193]. Хупка под датой 28 ноября приводит свою беседу с генералом Т. Розвадовским, поделившимся с ним своими впечатлениями от встречи с Кухажевским: «Характеризует его как умного, решительного и настроенного на безотлагательный призыв в польскую армию и включение в состав правительства одних активистов» [9, s. 329].

Но вполне допустима и иная интерпретация. Кухажевский, прикрываясь Регентским советом как символом самостоятельности Польского королевства, намеревался создать союзную центральным державам армию, с чем не справился Временный госсовет. В декабре 1917 г. еще ничто не предвещало поражения Четверного союза. Наоборот, выход из войны Советской России, казалось, давал ему все шансы на победу. Поэтому польским активистам важно было участвовать в будущей мирной конференции в качестве равноправных участников переговоров. В этом контексте становится более понятной причина столь решительного нежелания Германии видеть президентом правительства А. Тарновского, который вряд ли стал бы создавать армию для Г. фон Безелера. Иное дело Кухажевский, имевший опору только в среде бывшего ВГС. Его кабинет после торжественного обещания Временного правительства России предоставить свободу Царству Польскому и начала формирования польских армий в России и Франции имел полное право вводить всеобщую воинскую повинность на своей территории и проводить призыв. Однако военные планы Кухажевского встретились с сильным сопротивлением в обществе, а затем мирные переговоры Четверного союза с Украинской народной республикой в Брест-Литовске отодвинули задачу строительства армии на второй план [13, s. 192–193].

Время работы первого правительства Кухажевского оказалось непродолжительным: уже 13 февраля 1918 г. правительство подало в отставку в связи с тем, что центральные державы на переговорах в Брест-Литовске с делегацией Украинской Народной Республики без согласования с правительством Польского королевства признали право украинцев на Холмщину. Как известно, российские власти в 1915 г. выделили из Царства Польского Холмскую губернию и включили ее в состав Западного края империи, что рассматривалось как первый шаг к созданию автономной Польши после войны.

В пространном изложении мотивов отставки в адрес Регентского совета главным было положение, что это протест «против унижения, нанесенного польскому правительству, которое было лишено возможности участия в защите интересов Польши при заключении трактата» [11, с. 112]. Подчеркнуто эмоциональная оценка объяснялась тем, что формально у польского правительства не было юридических оснований для протеста. Согласно сентябрьскому патенту 1917 г., Польское королевство не имело права ведения внешнеполитической деятельности. Фактически же главная заключалась в ином: Берлин продемонстрировал, что его больше не интересует проект Польского королевства³, главное для него теперь — это реализация идеи Срединной Европы, для чего выход России из войны создавал уникальные возможности. В Брест-Литовске Четверной союз признал УНР, 23 марта 1918 г. — независимость Литвы, 25 марта 1918 г. в Минске была провозглашена Белорусская Народная Республика, 8 марта — Герцогство Курляндское и Семигальское в Латвии. После этого в Берлине могли считать, что Германия надежно отделена от революционной России поясом самостоятельных национальных государств.

После Бреста Польское королевство окончательно потеряло свое значение в качестве восточного бастиона Германии. Это было тяжелейшее поражение прогермански и проавстрийски настроенных активистов и триумф проантантовских национальных демократов. Под датой 12 февраля 1918 г. Хупка сделал следующую запись:

Газеты принесли страшную, гнетущую новость. Обнародован текст мирного трактата с Украиной. Без поляков, не допущенных в Брест даже

³ Польские исследователи иначе трактуют смысл мирного договора с УНР от 9 февраля, считая его делом германской дипломатии, которая таким образом порхорила австро-польский проект и обеспечила Германии монополию на выгодное для нее решение польского вопроса [10, с. 80–81].

с совещательным голосом, определены западные границы Украины таким образом, что они отрезают от Королевства даже настолько чисто польские поветы, что даже царская Россия не пробовала включить их в Холмщину, как Замосьць, Шчебжешин, Красныстав и т. д. ... последствия будут переломными. Возмущение и озлобление охватывает, как вихрь, весь польский народ. Не будет уже различных мнений, не будет различных ориентаций. Все поляки без исключения перейдут в антантовский лагерь... Польское коло в Вене перейдет к самой решительной оппозиции — уже не против правительства, а против Австрии и династии. В этой борьбе на первые позиции выдвнутся эндеки. А поскольку они самые крикливые, создастся впечатление, что это они руководят и ведут. Вся наша четырехлетняя работа, вся политика ГНК и легионов сразу же идет насмарку [9, s. 338].

Того же мнения придерживался председатель ГНК профессор В. Яворский. Именно о подобном понимании ситуации и в Варшаве свидетельствует заключительная часть заявления правительства об отставке, поданного на имя РС: «Сегодня наступил самый что ни на есть подходящий момент для того, чтобы польское общество под влиянием полученного удара внутренне еще теснее сплотилось и объединилось вокруг верховной национальной власти. Эта власть, опираясь на широкие слои народа, укажет тот путь, по которому народу следует идти дальше, а также выберет для помощи в деле дальнейшего руководства судьбами Отчизны людей, которые смогут рассчитывать на самую широкую всеобщую поддержку» [11, s. 112]. То есть прогерманские активисты снимали с себя и перекладывали на Регентский совет всю ответственность за дальнейшие судьбы польской государственности.

Таким образом, глубокий кризис активизма во время Брестских мирных переговоров Четверного союза с УНР в феврале 1918 г. стал важным рубежом в развитии Польского королевства. Завершился этап, начатый 5 ноября 1916 г., на котором однозначно доминировали политики, ориентировавшиеся на Вену и Берлин, и начался этап, когда движение к независимости возглавили регенты. Своеобразие этого этапа заключалось в утрате смысла ориентации на Вену и Берлин и невозможности ориентации на Антанту, поскольку на этом направлении доминировали национальные демократы с их Польским национальным комитетом в Париже, не признавшие в 1916 г. факт создания Польского королевства. Но теперь у регентов существенно расширились возможности

выполнения собственной программы строительства фундамента польского государства на территории бывшего Царства Польского.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 24-18-00461, <https://rscf.ru/project/24-18-00.461>.

Список источников и литературы

1. Баранов Н. Н. Становление концепции Срединной Европы Фридриха Науманна // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.): материалы науч. конф. «Германия — Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.». Екатеринбург, 2001. С. 442–452.
2. Матвеев Г. Ф., Матвеева Е. Ю. Консерваторы Царства Польского в 1914–1916 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2023. № 4. С. 3–14.
3. Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.
4. Чиркин В. Е. Контрасигнатура // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/2093440> (дата обращения: 20.02.2024).
5. Aleksander Kakowski — posłaniec wolności: zeszyt dokumentacyjny. Warszawa, 2017.
6. Gajownik M. Arcybiskup A. Kakowski wobec niepodległości Polski (1914–1918) // Saeculum Christianum. 1999. Т. 6, № 2. С. 43–60.
7. Garlicki A. Józef Piłsudski (1867–1935). Warszawa, 1990.
8. Goclon J. Gabinety Królestwa Polskiego 1917–1918. Skład, funkcjonowanie i działalność // Krakowskie studia z historii państwa i prawa. 2013. Т. 6, № 2. С. 149–178.
9. Hupka J. Z czasów Wielkiej Wojny. Pamiętnik nie kombatanta. Niwiska, 1936.
10. Krzemiński T. Działalność polityczna księcia Zdzisława Lubomirskiego w okresie istnienia Rady Regencyjnej w świetle źródeł pamiętnikarskich // Czaszy Nowożytny: periodyk poświęcony dziejom polskim i powszechnym od XV do XX wieku. 2003. Т. 14. С. 67–102.
11. Kumaniecki K. W. Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty. 1912 — styczeń 1924. Warszawa; Kraków, 1924.
12. Malej W. Kardynał Aleksander Kakowski w świetle własnych wspomnień // Nasza przeszłość. Studia z dziejów kościoła i kultury katolickiej w Polsce. Kraków, 1958. Т. 8. С. 243–279.
13. Pajewski J. Odbudowa państwa polskiego 1914–1918. Poznań, 2005.
14. Pamiętnik księżnej Marii Zdzisławowej Lubomirskiej (1914–1918). Poznań, 1997.
15. Stępin A. Generał-pułkownik Hans Hartwig von Beseler — generalny gubernator warszawski w latach 1915–1918 // Dzieje Najnowsze. 2011. R. 43, z. 3. С. 21–34.
16. Topolski J. Historia Polski. Poznań, 2012.

Об авторах

Геннадий Филиппович Матвеев — д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва).

ORCID ID: 0000-0002-2320-3068

E-mail: gfmtatveev@yandex.ru

Елена Юрьевна Матвеева — канд. ист. наук, ведущ. науч. сотр., Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва).

ORCID ID: 0000-0001-6716-3697

E-mail: len.mat2009@yandex.ru

G. F. Matveyev
E. Yu. Matveyeva

Formation of Regency Kingdom of Poland (September 1917 — March 1918)

The article describes the process of formation of Regency Kingdom of Poland in September 1917 — March 1918, when the Central Powers supported the creation of the Regency Council, government and Sejm in order to ensure peace in Poland. The research shows that the real levers of control in the country were in the hands of the occupiers and the government of the Polish Kingdom, and not the Regency Council, until the 13th of February 1918. The resignation of the government in protest against the Peace of Brest of the Central Powers with the Ukrainian People's Republic and the refusal of the Regency Council to follow the government should be considered as the completion of the transition of the Kingdom of Poland from the activist to the regency stage of its history.

Keywords: World War I, Kingdom of Poland, Regency Council, government of Jan Kucharzewski

The authors

Gennady F. Matveyev, Prof. (History), Prof., Head of the Department of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow.

ORCID ID: 0000-0002-2320-3068

Elena Yu. Matveyeva, Dr. (History), Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, Moscow.

ORCID ID: 0000-0001-6716-3697

Франция во внешней политике Польши в 1920-е годы¹

На основе широкого круга источников и литературы показано, что в политике и стратегии II Речи Посполитой польско-французский союз занимал первостепенное место. После обретения Польшей независимости Франция была единственной великой державой, которая в новой европейской действительности теснее всего с ней взаимодействовала. На определенном этапе существенную роль в формировании положительного образа Варшавы в Париже также сыграла парламентская группа «Друзья Польши», созданная в 1921 г. в Национальном собрании Франции. Однако последовавшие после заключения польско-французского союза годы показали, что международные отношения в Европе развиваются не по тому сценарию, который был положен в его основу, и перед руководителями Польши встал вопрос — полностью довериться Парижу, как это сделала Прага, или же создать собственную систему безопасности.

Ключевые слова: польско-французский союз, Юзеф Пилсудский, II Речь Посполитая, Третья Французская республика, межвоенная дипломатия, международные отношения в 1920-е гг.

Французская политика союзов стала результатом Первой мировой войны. Сражаясь с немецким притязанием на гегемонию в Европе и стараясь достигнуть баланса сил, гарантирующего безопасность и соблюдение экономических интересов, Франция в 1918 г. оказалась истощенной и лишенной своего главного континентального союзника — России. Париж также не мог поддерживать на должном уровне сотрудничество с Вашингтоном и Лондоном, несмотря на то что сближение с Альбионом являлось постоянной целью французской дипломатии. В этой связи у Кэ д'Орсэ² не оставалось другого вари-

¹ В основе статьи — переработанный текст фрагмента диссертации, успешно защищенной в 2023 г. под руководством Г. Ф. Матвеева (первый оппонент — Ю. В. Костяшов).

² Кэ д'Орсэ (фр. *Quai d'Orsay*) — Орсейская набережная Сены в центре Парижа. Метонимическое название министерства иностранных дел Франции.

анта, кроме как пытаться укрепить свои позиции путем заключения союзов с «новыми» государствами, граничившими с Германией на востоке, — Польшей и Чехословакией. Эти союзы, которые поначалу в основном расценивались как санитарный кордон (*cordon sanitaire*), созданный для того, чтобы отделить большевистскую Россию от Германии, с течением времени превратились в новую версию «восточного барьера», направленного на сдерживание Берлина и сохранение территориального статус-кво.

В двух столицах славянских государств — Варшаве и Праге — по-разному представляли развитие внешнеполитического вектора французской дипломатии.

Чешский план по созданию пояса славянских государств — Польши, Чехословакии, Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославии) — с центром в Праге подразумевал существование маленькой этнической Польши, не имеющей возможности самостоятельно противостоять России или пытаться бороться за доминирование в регионе. Польские же лидеры были уверены в том, что только большая и сильная Польша сможет беспроблемно существовать между могущественной Германией и огромной Россией, а также вовлекать в свою орбиту соседствующие с ней более слабые государства. Таким образом, польские и чешские внешнеполитические концепции с самого начала были диаметрально противоположны; соперничество между Прагой и Варшавой дополнительно осложнялось территориальными спорами из-за Тешинской Силезии.

В специальных исследованиях, посвященных истории франко-польских отношений в межвоенный период, преобладают два подхода. Одни исследователи придерживаются романтического взгляда на историческую дружбу поляков и французов, другие же резко осуждают обманутое Парижем доверие Варшавы. В настоящее время происходит переоценка этих подходов с точки зрения индивидуальных целей и обязанностей обеих сторон в указанный период, поскольку Франция и Польша действительно имели общие ценности и во многом совпадавшие интересы, что оправдывало тесные отношения между ними.

В 1920 г. победоносная Франция и возвращенная на карту Европы независимая Польша имели один и тот же приоритет — безопасность, и они одинаково ощущали актуальность этого вопроса. Это стремление к безопасности было обусловлено одним вопросом, хотя и отражавшим две разные реальности: как существовать в «сердце

Европы»? Для польского государства задача была двоякой: обеспечить полный суверенитет, в том числе территориальный, находясь между двумя более сильными соседями — Германией и Россией, — и при этом занять достойное место в клубе великих держав.

Для Франции вопрос о существовании в центре Европы оказывал существенное влияние на стратегический выбор союзников — Парижу требовалось спроецировать себя в центр континента путем установления системы союзов, в которой элементы так или иначе связаны между собой. Для достижения этой цели большие надежды возлагались на Чехословакию и, естественно, Польшу. Утрата Францией своего «тылового союзника» (*allié de revers*)³, каковым выступала дореволюционная Россия, а также немецкая угроза и неудачные попытки получить от США и Великобритании гарантии — все это в совокупности послужило причиной для создания новой союзнической системы, основная цель которой заключалась в обеспечении безопасности Франции. Историк Изабелль Давьён полагает, что «Франция, лишенная Рейнского компромисса⁴, в отношениях с Германией делает тыловые союзы стержнем безопасности европейского континента» [14, р. 55]. По замыслу французских политиков, дружественный Франции блок в центре Европы в составе Польши и Чехословакии, «имеющих особый интерес, так как они занимают исключительное выгодное стратегическое положение», должен был послужить связующим звеном между северными и южными славянами, а между Балтикой и Адриатикой будет проложена дорога, благоприятствующая торговому и стратегическому сотрудничеству [22, р. 5336–5337]. Однако этот грандиозный замысел быстро разбился о реальность польско-чехословацкого спора о Тешинской области.

Версальский договор и последовавшие за ним территориальные изменения, казалось бы, четко определили новую расстановку сил в Европе: главная роль должна была отводиться Франции и Велико-

³ Характерная черта французских союзов — стремление к их созданию со странами, которые являются соседями или находятся по другую сторону от врага, что во французской дипломатии называется тыловыми союзами (*alliance de revers*). *Alliance de revers* — это классика реальной политики французской дипломатии. Такой подход проистекает из геополитического видения мира, в котором большое значение придается географическому положению стран, а не их политической близости.

⁴ Клемансо согласился с принципом частичной и временной оккупации правого берега Рейна в обмен на англо-американскую военную гарантию франко-немецкой границы.

британии. В действительности же Франция вышла из Первой мировой войны истощенной, экономически и демографически слабой, задолжавшей огромные суммы США и Великобритании. У нее не получилось добиться от великих держав гарантий для ее границы с Германией, а Лондон, верный своей политике баланса сил (*balance of power*), был категорически против гегемонии Франции в Европе. Мощь Франции, которая сводилась к силе ее политического престижа и наличию огромной армии, в скором времени оказалась иллюзорной [31, s. 29]. Германия, главный противник Франции, несмотря на понесенные в ходе войны потери все еще оставалась, по крайней мере по мнению французских политиков, грозной и опасной державой [37, p. 233–257].

Отношение Франции к проблеме восточных границ Польши, на которое существенное влияние оказала польско-советская война (1919–1921), было двойственным. С одной стороны, Париж желал падения большевистского режима, однако не был апологетом плана Ю. Пилсудского по возвращению России обратно в границы XVIII в. и превращению украинно-белорусско-литовских территорий в буферную зону, тесно связанную с Варшавой. Этот федералистский замысел маршала, впрочем, так и не был претворен в жизнь. Уставшие от войны поляки подписали с Советской Россией компромиссный Рижский договор. В.И. Ленин, смирившись с неудачей в деле советизации Польши, после 22 сентября 1920 г. стал торопить Иоффе поскорее договориться с Варшавой о перемирии и прелиминарных условиях мира (см.: [1–4]). Париж, не демонстрируя явной поддержки политическим целям Варшавы, помогал польской армии в течение военных кампаний [10; 11]. В Польшу была направлена военная миссия и большое количество военных советников, а генерал М. Вейган был советником при польском верховном командовании во время кульминационных событий, чем дал почву для создания легенды, которую впоследствии активно культивировали французы и польские правые, — о том, что именно Вейган стал истинным спасителем Польши.

Двадцать седьмого октября 1920 г. в газете пилсудчиков «Наруд» вышла статья под неоднозначным заголовком «О союзе с Францией». По всей видимости, самая идея подобной статьи была инспирирована в Бельведере и являлась пробным шаром в адрес Франции. Незвестный автор писал: «Сегодня Франция без Польши не могла бы существовать. Как раньше союз с Россией был для нее необходимостью,

так сегодня такой необходимостью является союз с нами». По мнению автора, только сильная Польша может помочь Франции стоять на страже Версальской системы и предотвращать угрозу ревизионизма, так что «с Францией должен быть заключен официальный союз», опирающийся на взаимовыгодное и взаимообязывающее сотрудничество на основе общих интересов (цит. по: [18, с. 90]). В декабре 1920 г. в польской прессе появилось множество статей с призывами к союзу с Францией. Так, газета «Курьер Познаньский», выражавшая интересы национал-демократов, критиковала правительство за проведение политики, которая может вызвать недовольство Парижа и уменьшить шансы на сближение; «Жечьпосполита» выступила с горячим призывом к союзу с Францией, а «Наруд» продолжила обстоятельно рассматривать этот вопрос. Последняя отражала позицию самого Пилсудского, который стремился к союзу, но не был готов платить за него слишком высокую цену и подчеркивал, что польско-французский союз не подразумевает безоговорочного подчинения «нашей политики исключительно интересам Франции» [7, р. 5–6].

Уже 28 декабря французское правительство отреагировало на этот призыв и пригласило Пилсудского посетить Париж. Целью визита был обмен мнениями между главами государств и начало переговоров о «политической и экономической взаимопомощи между Польшей и Францией» [36, р. 214]. С 3 по 6 февраля 1921 г. маршал в сопровождении министра иностранных дел Е. Сапег и военного министра К. Соснковского посетил с официальным визитом Париж.

Подписанное в Париже 19 февраля 1921 г. польско-французское политическое соглашение и тайная военная конвенция от 21 февраля имели для II Речи Посполитой первоочередное значение и стали основой ее внешней политики и главным основанием стратегической безопасности. Политический договор предусматривал сотрудничество двух стран в вопросах внешней политики, тогда как военная конвенция накладывала обязательства по оказанию эффективной и безотлагательной помощи в случае агрессии третьей стороны, а также определяла эвентуальных противников (Германия, Россия). Однако вступление договоров в силу и выделение займа в размере 400 млн франков на перевооружение польской армии оказались в прямой зависимости от подписания выгодного прежде всего для Франции торгового соглашения. Оно было заключено уже 6 февраля 1922 г. вместе с торговым договором и двусторонней конвенцией о защите

имущества, прав и частных инвестиций, предусматривая значительные уступки в нефтяной отрасли, выгодные для французского капитала [19; 27; 34].

Непосредственно из Парижа Е. Сапега отправился в Бухарест, где ему был устроен помпезный прием. Третьего марта 1921 г. он и Таке Ионеску подписали конвенцию об оборонительном союзе. К ней прилагалась тайная военная конвенция, подписанная Т. Розвадовским и К. Кристеску. Срок действия договора был определен в пять лет, затем был продлен до 1939 г. [35]. Договоры с Францией и Румынией стали единственными союзными договорами⁵, подписанными и ратифицированными Польшей в межвоенное двадцатилетие. Только в конце августа 1939 г. был заключен договор с Великобританией.

Важно учитывать, что с политической точки зрения польско-французский союз никогда не был альянсом двух равноправных партнеров. Интересы обеих стран, даже несмотря на сближение в связи с эвентуальной немецкой агрессией, не были идентичными [8, р. 9–10]. Французский посол в Польше в 1935–1940 гг. Леон Ноэль, оценивая польско-французский военный союз, отмечал, что в действительности он так никогда и не был создан, а сам договор 1921 г. стал политическим соглашением, подразумевавшим взаимопомощь в случае возможной агрессии. Ноэль заострял внимание на том, что в самом тексте не содержалось никаких уточнений в отношении технических условий вступления в силу обязательств о взаимопомощи [30, р. 174].

В Польше критичнее всего относились к союзу с Францией социалисты. Причин для этого было много, одна из них заключалась в том, что они не соглашались с политикой Франции по отношению к России, Германии и Чехословакии. Не вдаваясь в подробности, важно отметить, что в связи с успешным визитом Пилсудского в Париж разногласия отошли на второй план, тем более что сам визит и заключенное соглашение подняли в глазах международной общественности авторитет маршала и самой Польши как независимого

⁵ Все политические партии Польши сходились во мнении, что краеугольным камнем внешней политики являлся союз с Францией, так как только он обеспечивал необходимые гарантии безопасности. Однако мнения существенно расходились в отношении союза с Румынией. Например, в ППС считали, что этот союз был инспирирован Парижем, желавшим вернуть утраченные в России капиталы и строившим блок с Польшей и Румынией, чтобы оказывать давление на Москву. Кроме того, социалисты с опаской относились к союзу с Румынией из-за бессарабского вопроса, бывшего в то время основной причиной румынско-советского конфликта.

актера. «Франция видит в Польше не клиента, — с восторгом писала социалистическая пресса, — а сильного, способного развиваться союзника» (цит. по: [18, s. 91]). Позиция ППС в вопросе союза с Францией была отражена в цикле статей в партийном органе «Роботник».

Польша считала средством обеспечения своей безопасности от Германии принуждение Берлина любыми доступными способами соблюдать и уважать постановления Версальского договора. Для Франции, стремившейся удержать территориальные приобретения и сохранить свои позиции на международной арене, эта проблема уже с 1924 г. рассматривалась в плоскости либо непосредственного соглашения с Берлином (в форме запуска многосторонней схемы, где Германия была одним из главных участников), либо же (по мере того, как первая концепция становилась все менее реальной) достижения поставленных целей методом дипломатического шантажа, который заключался в демонстративном укреплении связей с Польшей и странами Малой Антанты [31, s. 30].

Франция не была одинока в таком «инструментальном» отношении к другим странам. Представляется интересным мнение французского историка Сабин Дюллен, утверждающей, что уже с середины 1930-х гг. СССР «использовал» или, скорее, даже «разыгрывал карту» отношений между Францией и ее союзниками в Центральной и Юго-Восточной Европе, стремясь обезопасить советскую территорию от эвентуальной немецкой агрессии путем ведения военных действий в «буферной» зоне, входившей до революции в состав Российской империи [17, p. 131].

Следует отметить, что польское правительство изначально старалось повлиять на французский истеблишмент — как извне, при помощи пропаганды, так и изнутри. В этой связи стоит упомянуть специальную миссию Казимира Раковского, близкого соратника Войцеха Корфанты. Раковский был назначен дипломатическим представителем Польского плебисцитного комиссариата при делегации польского правительства на мирной конференции, и в течение своего пребывания в Париже — с августа 1920 до конца 1921 г. — помимо информационной и пропагандистской работы активно занимался «деятельностью в парламентских сферах». Благодаря его усилиям в Национальном собрании Франции в мае 1921 г. была образована парламентская группа «Друзья Польши» (*Les Amis de la Pologne*), состоявшая прежде всего из противников брианнизма. Поскольку основная

цель миссии Раковского заключалась в обеспечении французской поддержки на плебисците в Верхней Силезии, то он смог привлечь на свою сторону нескольких французских депутатов, выступления которых повлияли на «благоприятную, по словам Раковского, позицию палаты депутатов в дискуссии о Силезии», которая имела место в Национальном собрании 24, 25 и 26 мая 1921 г. [32, s. 48].

В воеводском государственном архиве в Катовицах хранятся документы, посвященные миссии Раковского в Париж в 1921 г., в том числе рукописные отчеты Раковского, касающиеся отношения Парижа к вопросу Верхней Силезии, а также некоторых деталей пребывания Раковского в Париже. Небезынтересно, что ему было назначено месячное содержание в 3 тыс. французских франков (то есть по 100 франков в день) — достаточно солидная сумма по тем временам, что свидетельствует о значении, которое польское правительство придавало его миссии [16] (в 1921 г. среднегодовой курс составлял 13,7885 французского франка за 1 американский доллар [6, p. 670]).

Двадцать четвертого мая 1921 г., выступая на заседании нижней палаты Национального собрания Франции, Аристид Бриан коснулся проблемы беспорядков в Верхней Силезии и выступил за строгое соблюдение предписаний Версальского договора. Французский министр иностранных дел обвинил Варшаву в инспирировании вооруженной борьбы (Третье Верхнесилезское восстание) и назвал подобное поведение «серьезным ударом по договору». Бриан подчеркнул: «...мы обеспечили порядок, по мере сил сделали все, что от нас требовалось. <...> ...Если завтра вопрос безопасности, будь то разрушение Германии или серьезные события, которые снова заставят пылать Верхнюю Силезию, — вопрос безопасности, жизненно важный для Франции, возникнет, то не может быть никаких колебаний» [23, p. 2357–2358].

Деятельность будущих «Друзей Польши» существенно повлияла на благоприятную позицию Палаты по вопросу польско-немецкого противостояния в Верхней Силезии. Не вызывает сомнений, что сама Франция была заинтересована в положительном для Польши решении Верхнесилезского вопроса, так как это стало бы еще одной мерой серьезного ослабления Германии путем лишения ее важного промышленного района⁶. Например, депутат от Роны Ф. Рего, выступая

⁶ Двадцатого марта 1921 г. состоялся Верхнесилезский плебисцит. Явка была беспрецедентно высокой — 98% (1 190 846 человек). За включение Верхней Силезии

категорически против Бриана, сослался на собственные наблюдения, сделанные во время поездки в Верхнюю Силезию в момент проведения плебисцита. Он решительно опротестовал неблагоприятные для Польши результаты плебисцита, сообщив собранию, что преимущество немцев было связано с тем, что они привели на выборы 186 тыс. эмигрантов⁷, а также оказывали экономическое давление на более слабое польское население. Более того, сразу после оглашения результатов вечером 20 марта в Ополе, столице Опольской Силезии, «организованные немецкие банды» провели манифестации на центральных улицах города, распевая *Deutschland über alles*, и когда толпа остановилась перед правительственным дворцом, она стала освистывать Межсоюзническую комиссию и, в частности, французского генерала Анри Ле Ронда. По мнению Рего, это было отнюдь не «спонтанное проявление», а запланированная и подготовленная акция, отражавшая «состояние души». Рего прямо заявил, что, имея в руках экономический потенциал Верхней Силезии, Германия использует его в войне против Франции [23, р. 2357]. Другие депутаты также неоднократно указывали на то, что Франция должна неизменно поддерживать интересы своих союзников, в частности Польши, иначе все возрастающее влияние Великобритании на континенте грозило Франции потерей своего положения великой державы. Примечательно,

в состав Польши проголосовало 40,4%, в состав Германии — 59,5%. Представители Великобритании и Италии предложили разделить Верхнюю Силезию с учетом результатов плебисцита, так что наиболее развитые промышленные районы отошли бы к Германии. Франция же, выступая категорически против усиления своего истинного противника, поддерживала Польшу. Более того, глава Межсоюзнической административной и плебисцитной комиссии в Верхней Силезии французский генерал А. Ле Ронд разрешил полякам имитировать возмущение англо-итальянским вариантом решения верхнесилезского спора с его последующим перерастанием в вооруженное восстание, основные силы которого составили регулярные части Войска Польского. Французский посланник в Берлине заявил 9 мая 1921 г., что посылка рейхсвера в Верхнюю Силезию будет воспринята как нарушение Версальского договора и Франция ответит на этот шаг оккупацией Рурской области. Решительная поддержка Францией польских территориальных притязаний привела к тому, что 20 октября 1921 г. на конференции послов в Париже было принято решение разделить территорию по линии противостояния польских и немецких формирований. Таким образом, Польша получила 1/3 Верхней Силезии, однако именно там располагалось большинство промышленных предприятий [29].

⁷ Согласно установленным в Париже правилам проведения плебисцита в Верхней Силезии, в нем имели право принять участие все уроженцы этой провинции вне зависимости от их позднейшего места проживания.

что при анализе французских дебатов, посвященных Верхней Силезии, складывается стойкое впечатление, что в конечном счете большинство депутатов отстаивали позицию Польши не сколько как дань союзническим чувствам, а скорее в связи с тем, что этот вопрос, по их мнению, был тесно связан с безопасностью Франции и борьбой с «экономическим пангерманизмом», также угрожавшим интересам Франции.

Стоит отметить, что после прений 24–26 мая многие французские депутаты стали воспринимать необходимость защиты интересов Польши в Верхней Силезии как существенный элемент *raison d'état* Франции. Парижу был нужен сильный союзник, который в дальнейшем не стал бы обузой, а также возможность реализации собственных экономических интересов в регионе. Как писал Раковский в отчете, пропольская кампания в нижней палате депутатов привела к созданию парламентского клуба «Друзей Польши»: «он должен был стать своего рода польским лобби на форуме французского парламента» [32, s. 50]. Цели данного клуба также заключались в сотрудничестве «с польским представительством по всем вопросам внешней политики, представляющим для нас общий интерес» [Ibid.]. Раковский принял участие в первом заседании этой парламентской группы. Несколько позднее аналогичная группа была создана в верхней палате Национального собрания, ее возглавил левый республиканец Пьер Этьен Фланден.

В контексте развития польско-французских отношений особого внимания заслуживает позиция самого Бриана, который 15 апреля 1921 г. на заседании парламентского комитета по иностранным делам заявил: «Военные договоры, заключенные с Польшей, не были такой природы, чтобы нас серьезно привлекать или брать ответственность за всю международную ситуацию в Польше». Он также добавил, что «эти военные договоры были подчинены экономическим договорам», которые на момент обсуждения еще не были подписаны [24, p. 2418]. В отношении Польши Бриан старался высказываться очень осторожно, избегая четких политических и военных обязательств и тем самым лишая ее действенных гарантий безопасности, что было крайне невыгодно Варшаве.

Численность «Друзей Польши» неуклонно росла, и эта организация оказывала существенное влияние на французское общественное мнение, что способствовало принятию решений, благоприятных для интересов Польши. Однако победа блока левых партий на парламентских

выборах 11 мая 1924 г. привела к существенному изменению баланса сил в Национальном собрании. Участники польского клуба, в большинстве своем члены Демократического союза, потеряли преимущество и влияние. В сложившейся ситуации в Варшаве стали осознавать острую нехватку благосклонно настроенных к польским делам сил в новом Национальном собрании, что было особенно опасно в свете шагов, предпринятых Брианом и Великобританией для достижения взаимопонимания с Германией в Локарно. Польская пропаганда во Франции, несмотря на выделяемые на ее осуществление значительные суммы, была малоэффективна. Отсутствие конкретных основ и определения стратегических целей, а также нехватка научной базы — все это раз за разом приводило к неудачным кампаниям в прессе. Культурная пропаганда, которую, по сути, проводили только «Друзья Польши», была также ограничена [28, s. 167–168].

Проигрыш на выборах 1924 г. правого Национального блока, в который входили ярые сторонники полного выполнения постановлений Версальского договора и польско-французского сближения, а также отставки многолетнего премьера и министра иностранных дел Раймона Пуанкаре и президента Александра Мильерана на фоне всё усложнявшегося международного положения Франции положили начало пересмотру внешнеполитического курса страны, свидетельствами чего впоследствии стали Лондонская конференция (следствием которой было принятие плана Дауза в 1924 г.), конференция в Локарно (1925) и, наконец, вывод войск из Рейнской демилитаризованной зоны в 1930 г. Возможность получения французской военной помощи для Польши становилась всё более затрудненной.

Но польские дипломаты далеко не сразу уловили новую тенденцию во французской внешней политике. Так, польский поверенный Ян Шембек писал в МИД, что, «несмотря на смену правительства, Франция сохранит свои обязательства перед нами», а ведущие политики картеля левых «имеют понимание польских дел и традиционную привязанность к ней [Польше]» (цит. по: [32, s. 47]). Схожего взгляда придерживался посол А. Хлаповский, сообщавший в Варшаву: «Что касается отношения нового правительства (Э. Эррио. — А. К.) к польским делам, то в принципе, как и ко всем союзникам Франции, оно скорее доброжелательное» [Ibid.]. В этом же рапорте от 20 июня 1924 г. он писал, что из заявления Бриана «если не прямо, то косвенно следует, что Франция не собирается менять свою внешнюю политику, что она желает сохранить существующие отношения

с союзниками, а значит, и с Польшей» [Ibid.]. К сожалению, будущее показало излишний оптимизм подобных заявлений.

Определенное влияние на польско-французские отношения оказывали противоречия и конфликты между «малыми союзниками» и их нежелание безоговорочно подчиняться политическому курсу, обозначенному Парижем. Например, таким камнем преткновения стало не устроившее Пилсудского и большую часть польского общества решение великих держав по выгодному для Праги урегулированию спора по Тешинской области в 1920 г. [25, р. 36–37]. Естественным образом вследствие этого в Польше стали преобладать античешские настроения, ослаблявшие профранцузский блок в Восточной Европе.

Совокупность этих и других факторов порождала в умах французских политиков мысль о том, что интересы их страны заключаются в постепенном освобождении от слишком связывавших свободу ее действий на германском направлении обязательств перед государствами Восточной Европы. Да и неспособность бесконечно долго поддерживать прежнюю мощь французской армии и вследствие этого оборонительный характер мобилизационного плана ставили под вопрос возможность оказания эффективной помощи союзникам в Восточной Европе в случае их военного конфликта с Германией или СССР [15, р. 339–349].

Первые симптомы ослабления польско-французского союза дали о себе знать уже с 1924 г., когда Париж под давлением Великобритании и США стал склоняться к отказу от силовых методов принуждения Германии к исполнению репарационных постановлений союзников, в связи с чем антигерманский союз с Варшавой утрачивал свою прежнюю значимость. С этого момента Бриан, а затем и его преемники трактовали франко-польский союз как предмет торга в каждой новой комбинации, служившей интересам Франции в отношениях с Германией.

Первым явным сигналом изменения Парижем подхода к союзу с Варшавой стала Локарнская конференция 1925 г., на которой Франция для достижения своих целей пошла на корректировку своих отношений с польским союзником. По оценкам ряда исследователей, Локарно показало недееспособность польско-французского союза в отношении Германии и разницу взглядов сторон на проблему сдерживания Германии. В результате постановления польско-французского военного союза 1921 г. утратили свой прежний автоматический

характер [5; 12, s. 129–141; 13, p. 255–276; 26, s. 427–461; 36, p. 341–367; 38, s. 9–39]. Более того, во Франции начало постепенно складываться представление, что Польша становится для нее, урегулировавшей свои отношения с Германией и заполучившей поддержку Великобритании, обузой, поскольку Варшава не могла найти модус вивенди с Берлином. Локарно охладило отношения между Варшавой и Парижем и имело длительные негативные последствия [13, p. 260–271].

Прения по вопросу о ратификации Локарнских соглашений, проходившие в Национальном собрании с 25 февраля 1925 г. по 3 марта 1926 г., продемонстрировали, что даже у польского лобби отсутствовало желание отстаивать интересы польского союзника. В большинстве члены этой группы, отмечая присущие договорам недостатки, поддержали их ратификацию, оценив как благоприятные с точки зрения политического и стратегического положения Франции и ее восточных союзников. За ратификацию, несмотря на кажущиеся процедурные пробелы, связанные с гарантиями для Польши и Чехословакии, высказался докладчик и член польско-французской парламентской группы Жозеф Поль-Бонкур. Он полагал, что Локарно не только принесет Западной Европе долгожданное успокоение, отвечающее интересам и восточноевропейских союзников Франции, но также послужит своего рода положительным примером для Германии [21, p. 1132].

Справедливости ради стоит отметить, что единственным депутатом, который постоянно указывал на таившуюся в Локарнских соглашениях угрозу не только для Польши и Чехословакии, но и для самой Франции, был Луи Марен. Он утверждал, что союз Польши и Франции является фундаментальной основой мира и безопасности в Европе [33, p. 81], что Локарно принес Франции вместо «братской помощи» полную зависимость от Великобритании и, как следствие, значительно ослабил ее безопасность [Ibid., p. 82]. Он также предостерегал от предоставления Германии равноправия, от разделения государств Европы на две группы, неравные с точки зрения правовой защиты границ. Протестовал он и против принятия Германией в Совет Лиги Наций в качестве постоянного члена под предлогом, что в случае опасности, используя свое положение, она не позволит Франции двинуть свои войска для защиты Польши или Чехословакии [20, p. 1042–1044]. Он прямо заявил: «Я испытываю еще большее беспокойство, когда думаю о ситуации, в которой оказались наши друзья

с востока — Польша и Чехословакия. Германия признала границы на западе, но отказывается признавать восточные границы... Почему Германия соглашается на признание западных границ, а не восточных? Все спрашивают себя, а не там ли когда-нибудь вспыхнет искра, которая подожжет всю Европу» [Ibid., p. 1050].

Государственный переворот Пилсудского, состоявшийся 12 мая 1926 г., не сразу ознаменовал новую эру во франко-польских отношениях. Новое правительство некоторое время продолжало во внешней политике прежнюю линию. Поворотный момент наступил лишь в 1928–1930 гг. Так как Франция была заинтересована в сохранении территориального статус-кво в Европе, в том числе Восточной, то не было причин для существенной корректировки внешнеполитического вектора и Польша по-прежнему продолжала ориентироваться на Париж. Однако важно иметь в виду, что после майских событий кардинально изменился порядок функционирования МИД Польши. С 12 мая 1926 г. и вплоть до 12 мая 1935 г. внешняя политика безраздельно находилась в руках Пилсудского. Президент, премьер, министр иностранных дел были лишь техническими исполнителями воли маршала. Во многом этим можно объяснить тот факт, что с мая 1926 г. в Польше сменилось лишь два министра иностранных дел, а до этого года их было 17!

В конце 1920-х гг. во французской прессе «стали раздаваться голоса, призывающие к отмене договора с Польшей и требующие пересмотра договоров, относящихся к восточным границам Германии» [12, s. 161]. Однако Бриан, стремясь ослабить обязанности, наложенные военной конвенцией, и в конечном счете свести их к техническому военному соглашению политического характера, в инструкциях для военных и дипломатов постоянно подчеркивал необходимость создания для поляков видимости неизменности политической и военной ценности конвенции 1921 г. Выражением этих тенденций во внешней политике Франции стали поездка в Варшаву маршала Луи д'Эспере 17–19 ноября 1927 г. и беседы по вопросу уточнения некоторых пунктов конвенции с целью сокращения французских военных обязательств, которые с января 1928 г. в польском МИД вел посол Жюль Ларош. Стоит констатировать, что схожую цель преследовал в июне 1934 г. визит в Варшаву генерала Мари-Эжена Дебени [8, s. 251–255; 9, s. 113].

Подводя итог, отметим, что уже к концу 1920-х гг. постепенно стал проявляться системный кризис польско-французских отношений, вызванный не в последнюю очередь сближением Парижа и Лондона.

В Варшаве опасались, что подобные движения повлекут за собой уступки Германии за счет Польши. В этой связи Ю. Пилсудский стал утверждаться во мнении о необходимости поиска Польшей модус вивенди с Берлином без посредничества Франции.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00461, <https://rscf.ru/project/24-18-00461/>.

Список источников и литературы

1. *Матвеев Г. Ф.* «Советизация Польши» во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах // Столетие Революции 1917 года в России. М., 2018. Т. 1. С. 414–425.
2. *Матвеев Г. Ф.* От закулисного делегата. Неизвестное свидетельство о советско-польских мирных переговорах в Риге // Родина. 2013. № 6. С. 91–94.
3. *Матвеев Г. Ф.* Польша в советской внешней политике с конца 1919 до 16 июля 1920 года // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 130–143.
4. *Матвеев Г. Ф.* Тактика А. А. Иоффе на переговорах о прелиминарном мире 22 сентября — 12 октября 1920 года // Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 2. С. 42–47.
5. *Balcerak W.* Polityka zagraniczna Polski w dobie Locarna. Wrocław, 1967.
6. *Banking and monetary statistics, 1914–1941.* Washington, 1973.
7. *Bulletin périodique de la presse polonaise / Ministère de la guerre. Bureau de la presse étrangère.* 1920. 28 nov. — 16 déc. № 97.
8. *Bulhak H.* Polska — Francja: z dziejów sojuszu 1922–1939. Warszawa, 1993. Cz. 1: 1922–1932.
9. *Bulhak H.* Polska — Francja: z dziejów sojuszu 1933–1936. Warszawa, 2000.
10. *Carley M. J.* Anti-Bolshevism in French foreign policy: The crisis in Poland in 1920 // *The International History Review.* 1980. Vol. 2, № 3. P. 410–431.
11. *Carley M. J.* The politics of Anti-Bolshevism: The French government and the Russo-Polish War, December 1919 to May 1920 // *The Historical Journal.* 1976. T. 19, № 1. P. 163–189.
12. *Ciałowicz J.* Polsko-francuski sojusz wojskowy 1921–1939. Warszawa, 1970.
13. *Cienciala A. M., Komarnicki T.* From Versailles to Locarno: Keys to Polish foreign policy, 1919–1925. Lawrence, 1984.
14. *Davion I.* Comment exister au centre de l'Europe? Les relations stratégiques franco-polonaises entre 1918 et 1939 // *Revue Historique des Armées.* 2010. № 260. P. 54–64.
15. *Doise J., Vaisse M.* Politique étrangère de la France: diplomatie et outil militaire (1871–1991). P., 1992.

16. Dr Kazimierz Rakowski — działalność w Paryżu. URL: <https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/20270205> (дата обращения: 27.10.2020).

17. *Dullin S.* Des hommes d'influences. Les ambassadeurs de Staline en Europe 1930–1939. P., 2001.

18. *Faryś J.* Między Moskwą a Berlinem. Wizje polskiej polityki zagranicznej w latach 1918–1939. Szczecin; Warszawa, 2019.

19. *Girault R.* L'Europe centrale et orientale dans la stratégie des hommes d'affaires et des diplomates français // Les relations financières internationales, facteurs de solidarités ou de rivalités. Bruxelles, 1979. P. 119–132.

20. Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés (далее — J.O. Chambre). 1926. 27 fév.

21. J.O. Chambre. 1926. 2 mars.

22. J.O. Chambre. 1919. 23 déc.

23. J.O. Chambre. 1921. 24 mai.

24. J.O. Chambre. 1921. 26 mai.

25. *Kalvoda J.* Czechoslovakia's role in Soviet strategy. Washington, 1978.

26. *Krasuski J.* Stosunki polsko-niemieckie, 1919–1925. Poznań, 1962.

27. *Landau Z., Tomaszewski J.* Sprawa żyrardowska: przyczynek do dziejów kapitałów obcych w Polsce międzywojennej. Warszawa, 1983.

28. *Łaptos J.* Francuska opinia publiczna wobec spraw polskich w latach 1919–1925. Kraków, 1983.

29. *Malec-Masnyk B.* Plebiscyt na Górnym Śląsku: geneza i charakter. Opole, 1989.

30. *Noël L.* La Pologne entre deux mondes. P., 1984.

31. *Pasztor M.* Polska w oczach francuskich kół rządowych w latach 1924–1939. Warszawa, 2015.

32. *Pasztor M.* Słabnące lobby. Działalność propolskich grup parlamentarnych we francuskim Zgromadzeniu Narodowym w latach 1921–1936 // Dzieje Najnowsze. 1997. T. 29, № 3. S. 47–62.

33. *Smogorzewski C.* La politique polonaise de la France: déclarations d'hommes d'États, savants, écrivains et publicistes français. P., 1926.

34. *Soutou G.* L'impérialisme du pauvre: la politique économique du gouvernement français en Europe centrale et orientale de 1918 à 1929: Essai d'interprétation // Relations internationales. 1976. № 7. P. 219–239.

35. *Walczak H.* Sojusz z Rumunią w polskiej polityce zagranicznej w latach 1918–1931. Szczecin, 2008.

36. *Wandycz P.S.* France and her Eastern allies, 1919–1925: French-Czechoslovak-Polish relations from the Paris Peace Conference to Locarno. Minneapolis, 1962.

37. *Wells H. G.* Washington and the hope of peace. L., 1922.

38. *Wroniak Z.* Polityka polska wobec Francji w latach 1925–1932. Poznań, 1987.

Об авторе

Анастасия Евгеньевна Кузьмичева — канд. ист. наук, доц., МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва).

ORCID ID: 0000-0002-0304-5154

E-mail: aekuzmicheva@gmail.com

A. E. Kuzmicheva

France in Poland's Foreign Policy in the 1920s

Using a wide range of sources and literature, the article shows that the Polish-French alliance occupied a primary place in the policy and strategy of the Second Polish Republic. After Poland gained independence, France was the only great power that interacted most closely with it in the new European reality. At a certain stage, the parliamentary group “Friends of Poland”, created in 1921 in the National Assembly of France, also played a significant role in creating a positive image of Warsaw in Paris. However, the years immediately following the conclusion of the Polish-French alliance showed that international relations in Europe were not developing according to the scenario that was its basis, and the leaders of Poland faced the question of whether to fully trust Paris, as Prague did, or to create their own security system.

Keywords: Polish-French alliance, Józef Piłsudski, Second Polish Republic, Third French Republic, interwar diplomacy, international relations in the 1920s

The author

Anastasia E. Kuzmicheva, Dr. (History), Associate Prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow.

ORCID ID: 0000-0002-0304-5154

К вопросу об экспроприации имущества на польских Возвращенных землях в первые послевоенные годы

Рассмотрен процесс изъятия имущества немецких граждан в Польской Республике на так называемых Возвращенных землях. Исследуются правовые, экономические и социальные аспекты экспроприации, а также ее влияние на местное население и экономическое развитие региона. Проанализированы законодательные акты, охарактеризованы административные меры, предпринятые польскими властями для передачи имущества в государственную собственность. Представлены социальные и экономические последствия вышеуказанных мероприятий для местного населения, включая польских автохтонов. Сделан вывод о том, что процесс экспроприации немецкого имущества на Возвращенных землях был противоречивым. Местные чиновники зачастую действовали, не зная социально-экономических особенностей новых регионов и игнорируя распоряжения центральных и региональных властей.

Ключевые слова: Польша, Возвращенные земли, экспроприация, имущественные права, автохтоны

По итогам Потсдамской конференции Польская Республика получила обширные территории на западе и севере за счет бывших немецких земель. В рамках государственной пропаганды новые польские регионы стали именоваться Возвращенными землями. Таким образом подчеркивалась историческая «польскость» присоединенных территорий. Бывшие немецкие регионы, несмотря на разнообразную картину в плане экономического развития, представлялись польской обществу как земли, обладавшие богатыми природными ресурсами и высоким уровнем промышленного развития [5].

По мнению В. Гомулки, генерального секретаря ЦК Польской рабочей партии, присоединение новых территорий должно было послужить началом радикальных изменений в социально-экономических отношениях страны в целях преобразования экономики Польши из аграрной в индустриальную [11].

Успешная интеграция новых земель напрямую зависела от формирования единого экономического пространства на всей территории польского государства. К первоочередным задачам для польских властей при освоении новых польских регионов относились национализация немецкого имущества и определение его дальнейшей судьбы.

Итоги Ялтинской конференции стали сигналом для Временного правительства Польской Республики, что при поддержке Советского Союза восстановленная Польша получит территориальные приращения на севере и западе за счет немецких земель в качестве компенсации за утраченные территории на востоке. Это давало основание Временному правительству еще до окончания Второй мировой войны разрабатывать правовые механизмы национализации немецкого имущества в новых регионах. Так, закон от 6 мая 1945 г. «Об оставленном и брошенном имуществе» определял категории имущества, которые подлежали конфискации [8, с. 55–56]. Под «оставленным» имуществом подразумевалось любое имущество, которое находилось в собственности или владении граждан немецкой национальности или людей, связанных с нацистским режимом. В отношении данных лиц осуществлялась безапелляционная отмена имущественных прав, компенсация не предусматривалась. «Брошенным» признавалось имущество людей ненемецкой национальности, которые во время Второй мировой войны покинули свой дом и не вернулись обратно по завершении боевых действий. В отличие от владельцев имущества, объявленного «оставленным», хозяин «брошенного» имущества или его родственники могли в судебном порядке восстановить право собственности в случае возвращения на историческую родину [24, с. 126–127].

В рамках Берлинской конференции в августе 1945 г. великими державами были разработаны правовые основы экспроприации немецкой собственности. В разделе IX протокола конференции все имущество, находившееся на территории бывших немецких областей, признавалось собственностью Польского правительства национального единства [4, с. 353–354]. Решения конференции предоставляли международную санкцию польским властям на экспроприацию немецкой собственности. Однако в соответствии с разделом III протокола той же Берлинской конференции советские власти имели право и возможность вывоза собственности с немецких территорий в качестве послевоенных репараций. Юридически Возвращенные

земли также входили в сферу деятельности трофейных советских команд, работавших здесь до лета 1945 г. [1, с. 360].

Для урегулирования разногласий между польской администрацией и советскими военными комендатурами 16 августа 1945 г. в Москве было заключено соглашение между Временным правительством национального единства и Правительством СССР о возмещении убытков, нанесенных нацистской оккупацией, по которому советские власти полностью отказывались от претензий на немецкое имущество на территории Польской Республики, включая Возвращенные земли [3].

В конце лета польскими властями началась разработка собственных правовых механизмов для экспроприации бывшей немецкой собственности. В ноябре 1945 г. было создано Министерство Возвращенных земель (далее — МВЗ), возглавляемое лично В. Гомулкой, которое контролировало все процессы в новых польских регионах, в том числе вопросы управления бывшей немецкой собственностью [7].

Непосредственный контроль за процессом экспроприации немецкой собственности на местах осуществляли офисы Главного управления по ликвидации военного ущерба (пол. *Główny Urząd Likwidacyjny*), которые были непосредственно подчинены Министерству Возвращенных земель [10].

Задачи Управления включали обеспечение защиты административных зданий, домов и квартир, оставленных немцами после их депортации [16]. Несмотря на четкие указы МВЗ о том, какие сооружения подлежат демонтажу, снос зданий в городах новых польских регионов зачастую происходил хаотично, без согласования с региональными органами власти. Разрушались такие исторические здания, имеющие большое культурное значение, как замки, башни, защитные стены, церкви, ратуши и др. [15].

Помимо этого Главное управление по ликвидации военного ущерба организовало работы специальных комиссий различного уровня (региональный, муниципальный, сельский), которые должны были контролировать процесс инвентаризации всего немецкого имущества, расположенного в административных зданиях, образовательных и медицинских учреждениях, на промышленных предприятиях, в частных жилых помещениях, усадьбах, на фермах и др. Описание имущества осуществлялась еще до момента депортации немецкого населения, так как наряду с самой описью имущества на комиссии возлагалась обязанность предотвращать его хищение и массовый вывоз за пределы Возвращенных земель в частности и Польши в целом [16].

Для борьбы с незаконным присвоением и кражей имущества МВЗ издало декрет от 22 февраля 1946 г., в соответствии с которым вводился полный запрет на вывоз движимого имущества всех видов с территории Возвращенных земель, за исключением личных вещей и определенного количества продуктов питания [26]. МВЗ также объявило о вознаграждении в отношении лиц, которые способствовали выявлению скрытого немецкого имущества или задержанию незаконно вывезенного имущества с Возвращенных земель. Сумма премии всегда рассчитывалась после оценки партии контрабанды в соответствии с оптовыми ценами на категории задержанных товаров [27].

Несмотря на предпринятые меры, Возвращенные земли стали для поляков настоящим «Диким Западом» [12, s. 11]. Переселенцы осуществляли незаконный захват и позднее продавали государственные земли, дома, квартиры и движимое имущество вновь прибывшим соотечественникам, после чего возвращались обратно в «старую» Польшу [19]. Нередко среди местного населения или переселенцев встречались мародеры, которые, пользуясь ситуацией послевоенного хаоса, осуществляли кражи и грабежи недостаточно надежно охраняемого или оставленного имущества.

В соответствии с постановлением Министерства юстиции от 11 апреля 1946 г. все немецкое имущество на территории Возвращенных земель национализировалось. Исключение составляло имущество автохтонного польского населения, проживавшего здесь до начала Второй мировой войны. Прежде чем подтвердить право собственности, автохтоны должны были пройти процесс этнической верификации, обосновав свое польское происхождение и доказав лояльность польским властям. Не подлежало безапелляционному изъятию также имущество немецких граждан других национальностей (прежде всего евреев), которые подверглись преследованиям со стороны нацистского режима [23].

В реальности местные власти и переселенцы не проводили каких-либо формальных разграничений в отношении имущества автохтонов и немецкого населения. Особенно пострадали в правах автохтоны, которые не смогли с первого раза пройти процедуру верификации и получить польское гражданство. В соответствии с польским законодательством они приравнивались к немцам, то есть были лишены прав на защиту своей частной собственности [14]. И пока они пытались повторно собрать все необходимые документы для

прохождения дополнительной процедуры верификации, их имущество передавалось в пользование прибывшим переселенцам.

Республиканские власти предприняли попытку юридического разрешения имущественных конфликтов между переселенцами и местным населением. В соответствии с указом от 6 сентября 1946 г. автохтонное население сохраняло права на свое довоенное имущество, даже если в годы войны оно было передано в пользование переселенцу. Тем самым, получив польское гражданство, коренной житель обладал приоритетным правом на возврат своего имущества [6]. Однако новые хозяева при поддержке местных властей, часто отдававших предпочтение в решении спорных ситуаций переселенцам из Польши, не исполняли постановление о возврате имущества законным владельцам [18, s. 109]. Например, в Ополе местных силезцев по решению городских и сельских старост могли этапировать в трудовые лагеря. Часто местных жителей обвиняли в том, что они пытались завладеть имуществом, которое ранее принадлежало им, а теперь оказалось у переселенцев. Репрессии в отношении автохтонов происходили несмотря на то, что Министерство Возвращенных земель в своих циркулярах настоятельно рекомендовало местным властям принимать решения в ходе имущественных споров в пользу законных владельцев, то есть автохтонов [13, s. 61].

В целом национализация в бывших немецких регионах в первые послевоенные годы носила выборочный характер и затрагивала крупные сельскохозяйственные угодья, леса и частично промышленность. С декабря 1946 г. начал действовать закон о передаче государством физическим и юридическим лицам несельскохозяйственного имущества (дома, приусадебные участки, квартиры, хозяйственные сооружения и др.). Приоритет в приобретении либо аренде данной собственности отдавался демобилизованным военным, крестьянам и рабочим [9].

Конфискация немецкого имущества была направлена не только на организацию жизни в городах, но также на решение проблемы земельного голода в «старых» польских областях. Согласно указу, земли, ранее принадлежавшие немецким гражданам, были безвозмездно национализированы и включены в общий земельный фонд [22].

В немецкий период хозяйства на территории Возвращенных земель обычно были представлены крупными участками земли в размере от 50 до 100 га. В Варшаве планировалось разделять такие большие сельскохозяйственные площади на более компактные участки для

ведения индивидуального фермерского хозяйства. Полякам, переселившимся на Возвращенные земли, предлагались фермерские участки площадью от 7 до 15 га в зависимости от природно-климатических (климат, тип почвы, особенности рельефа) и инфраструктурных (наличие хозяйственных построек, удаленность от населенных пунктов) условий [2, с. 495–496].

Первоначально предполагалось, что переселенцам будут предоставляться земельные наделы в долгосрочную аренду на безвозмездной основе. Однако желание новоиспеченных фермеров юридически закрепить права собственности на полученные участки земли привело к принятию закона, согласно которому переселенцы, доказавшие соответствующую квалификацию для ведения сельскохозяйственной деятельности, получали права на приобретение земельного надела [25]. При распределении земельного фонда приоритет власти отдавали ветеранам Армии Людовой, вдовам и сиротам военнослужащих. Причем для этих категорий собственников размер земельного надела мог быть увеличен до 20 га [17, с. 8].

К концу 1949 г. на Возвращенных землях было распределено 6 070 100 га земли для 514,5 тыс. семей [21, с. 65], при этом структура земельной собственности кардинально изменилась по сравнению с довоенным периодом (таб.).

Изменения в аграрной структуре Возвращенных земель в 1939–1950 гг.

Группы хозяйств, га	1939		1950		Изменения в количестве хозяйств к 1950 г., % (1939 = 100%)
	Количество хозяйств, тыс.	%	Количество хозяйств, тыс.	%	
0,5–2	112,9	23,6	99,3	19,3	88,0
2–5	89,1	18,7	89,8	17,4	100,8
5–10	104,7	22,0	229,7	44,7	219,4
10–20	101,7	21,3	90,0	17,5	88,5
20–100	67,4	14,4	5,7	1,1	8,4
<i>Всего</i>	475,8	100,0	514,5	100,0	108,1

Источник: [20, с. 39–40].

В заключение стоит отметить, что экспроприация имущества на польских Возвращенных землях в первые послевоенные годы представляла собой сложный и многогранный процесс, связанный

с послевоенным восстановлением национальной экономики Польской Республики. Законодательные акты, принятые в тот период, способствовали формированию правовой базы для перераспределения имущества и земель в новых польских регионах. Инициативы Министерства Возвращенных земель первоначально старались учитывать региональную специфику бывших немецких территорий. В условиях мародерства и незаконного захвата собственности усилия властей были направлены на урегулирование имущественных споров и создание справедливых условий как для переселенцев, так и для автохтонного населения. Однако чиновники на местах могли сознательно игнорировать поручения вышестоящих органов, заниматься самоуправством, нарушая личные и имущественные права поляков-автохтонов. Это создавало атмосферу недоверия со стороны коренного населения по отношению к новым польским властям. Несмотря на указанные сложности, процесс экспроприации и распределения бывшего немецкого имущества на Возвращенных землях стал первым этапом в создании новой социально-экономической структуры, направленной на интеграцию этих территорий в состав Польши и обеспечение их экономической стабильности и последующего развития.

Список источников и литературы

1. Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. М., 2010.
2. Польша в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 2012.
3. Соглашение между правительством СССР и Временным Польским Правительством Национального Единства о возмещении ущерба, причиненного германской оккупацией. Москва, 16 августа 1945 г. // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1974. Т. 8: Январь 1944 г. — декабрь 1945 г. С. 543–544.
4. Сообщение о Берлинской конференции трех держав // Тегеран. Ялта. Потсдам: сб. документов. М., 1970. С. 340–358.
5. Broszura pt. “Ziemie Odzyskane — przyszłość Polski” agituje do głosowania w wyborach do Sejmu 1947 r. URL: https://szukajwarchiwach.pl/58/1193/0//1130?q=Ziemie+Odzyskane+XSKANro:t&order=-daty_skrajne&wynik=33&trp=15&page=3#tabSkany (дата обращения: 25.02.2023).
6. Dekret dot. ustroju rolnym i osadnictwie na obszarze Ziemi Odzyskanych i b. wolnego Miasta Gdańska // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej (далее — DU RP). 1946. № 49. S. 514.

7. Dekret z dnia 13 listopada 1945 r. o zarządzie Ziemi Odzyskanych // DU RP. 1945. № 51. S. 451–452.
8. Dekret z dnia 2 marca 1945 r. o majątkach opuszczonych i porzuconych // DU RP. 1945. № 9. S. 55–59.
9. Dekret z dnia 6 grudnia 1946 r. o przekazywaniu przez Państwo mienia nierolniczego na obszarze Ziemi Odzyskanych i b. Wolnego Miasta Gdańska // DU RP. 1946. № 71. S. 391–393.
10. Dekret z dnia 8 marca 1946 r. o majątkach opuszczonych i poniemieckich // DU RP. 1946. № 13. S. 165–172.
11. *Gomułka W.* Polska a Ziemi Odzyskane // Gomułka W. Artykuły i przemówienia. Warszawa, 1962. T. 2. S. 261.
12. *Halicka B.* Polski Dzik Zachód. Przymusowe migracje i kulturowe oswajanie Nadodrza 1945–1948. Kraków, 2015.
13. *Nowak E.* Ciężki Łąbinowic. Próba rekonstrukcji dziejów obozu pracy w Łąbinowicach 1945–1946. Opole, 1991.
14. Okólnik dot. wprowadzenie w życie ustawy z dnia 28 kwietnia 1946 r. o obywatelstwie Państwa Polskiego osób narodowości polskiej, zamieszkałych na obszarze Ziemi Odzyskanych // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Ziemi Odzyskanych (далее — DU MZO). 1946. № 4. S. 11–12.
15. Okólnik w sprawie ochrony budowli zabytkowych // DU MZO. 1947. № 12. S. 8.
16. Okólnik w sprawie zabezpieczenia mienia ruchomego i nieruchomego po repatriowanych Niemcach // DU MZO. 1946. № 14. S. 16–17.
17. Okólnik z dnia 15 lipca 1946 r. dot. akcji osadniczej na gospodarstwach rolnych // DU MZO. 1946. № 7. S. 8–10.
18. *Osekowski C.* Społeczeństwo Polski zachodniej i północnej w latach 1945–1956: Procesy integracji i dezintegracji. Zielona Góra, 1994.
19. Pismo okólnie z dnia 27 lipca 1946 r. w sprawie trybu przekazywania nieruchomości ziemskich na rzecz Spółdzielni Osadniczo-Parcelacyjnych // DU MZO. 1946. № 8. S. 13.
20. Rocznik statystyczny 1950. Warszawa, 1951.
21. Rolniczy Rocznik Statystyczny 1945–1965. Warszawa, 1966.
22. Rozporządzenie Ministra Rolnictwa i Reform Rolnych z dnia 1 marca 1945 r. w sprawie wykonania dekretu Polskiego Komitetu Wyzwolenia Narodowego z dnia 6 września 1944 r. o przeprowadzeniu reformy rolnej // DU RP. 1945. № 10. S. 63–64.
23. Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 11 kwietnia 1946 r. wydane w porozumieniu z Ministrami: Skarbu, Przemysłu, Aprowizacji i Handlu, Żeglugi i Handlu Zagranicznego oraz Komunikacji o określeniu trybu ujawnienia w księgach hipotecznych, rejestrach handlowych i innych rejestrach publicznych przejścia na własność Państwa i osób prawnych prawa publicznego przedsiębiorstw, nieruchomości i praw hipotekowanych // DU RP. 1946. № 17. S. 215.

24. Ustawa z dnia 6 maja 1945 r. o majątkach opuszczonych i porzuconych // DU RP. 1945. № 17. S. 125–130.

25. Zarządzenie Ministra Ziem Odzyskanych w porozumieniu z Ministrem Rolnictwa i Reform Rolnych z dnia 27 sierpnia 1946 r., w sprawie przeprowadzenia czynności przygotowawczych do uregulowania prawa własności w osadnictwie rolnym na obszarze Ziem Odzyskanych // DU MZO. 1946. № 5. S. 5–11.

26. Zarządzenie z dnia 22 lutego 1946 r. w sprawie zakazu wywozu mienia ruchomego z Ziem Odzyskanych // DU MZO. 1946. № 1. S. 3.

27. Zarządzenie z dnia 24 marca 1946 r. w sprawie przeprowadzenia spisu ponemieckiego mienia ruchomego // DU MZO. 1946. № 3. S. 1–3.

Об авторе

Антон Анатольевич Жиров — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград).

ORCID ID: 0000-0001-6401-4821

E-mail: ananzhirov@gmail.com

A. A. Zhiron

Revisiting the expropriation of property in the Polish Recovered Lands in the first post-war years

The article discusses the process of expropriation of German citizens' property in the Polish Republic in the so-called Recovered Lands. The author examines the legal, economic and social aspects of expropriation, as well as its impact on the local population and the economic development of the region. The research analyses legislative acts and describes the administrative measures taken by the Polish authorities to transfer property to state ownership. The article presents the social and economic consequences of the aforementioned measures for the local population, including Polish autochthons. It is concluded that the process of expropriation of German property in the Recovered Lands was contradictory. Local officials often acted without knowing the socio-economic characteristics of the new regions and ignoring the orders of the central and regional authorities.

Keywords: Poland, Recovered Lands, expropriation, property rights, autochthons

The author

Anton A. Zhiron, Dr. (History), Associate Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

ORCID ID: 0000-0001-6401-4821

Польский фактор в трансформации газового рынка Европы

Рассмотрены текущие процессы трансформации газового рынка Европы. Особое внимание уделено роли польского фактора в текущей трансформации энергетического рынка Европы, характеру и степени его влияния на текущую ситуацию с потреблением газа в ЕС, возможностям его использования для оказания существенного воздействия на изменения энергетической политики Евросоюза. Под польским фактором автор понимает сложившуюся систему внешнеэкономического взаимодействия, а также внешнеполитических и экономических ориентиров и амбиций Польши, оказывающую существенное влияние на происходящие в Европейском союзе изменения в газовой сфере. Рассмотрение текущих процессов осуществляется с использованием междисциплинарного подхода, предполагающего анализ экономических процессов, а также социально-политических факторов и исторических предпосылок.

Ключевые слова: польский фактор, сжиженный природный газ, энергетическая безопасность, диверсификация маршрутов поставки

Не вдаваясь глубоко в историю, можно с уверенностью утверждать, что внешнеполитическому вектору Польши всегда были свойственны геополитические амбиции, получившие с распадом Варшавского блока и демонтажом советской системы новый импульс для роста.

Традиционно осторожно относящаяся к любым совместным российско-германским инициативам, Третья Речь Посполитая в 1990-е гг. — начале XXI в. сознательно или невольно превращалась в проводника политики Вашингтона, опасавшегося чрезмерного сближения Москвы и Берлина, а также роста экономических возможностей и внутренней сплоченности своего потенциального конкурента — Европейского союза (ЕС). Польша стала одним из основных противников российско-германского сотрудничества в энергетической сфере, расценивая, по словам министра обороны Р. Сикорского, «Северный поток» не иначе как новый пакт Молотова — Риббентропа [10], но не оставляя при этом далеко идущих планов повышения собственного авторитета и влияния в Европейском сообществе.

Не обладая достаточно развитой промышленностью для достижения доминирующего положения экономическим путем, Варшава делала ставку на противодействие расширению действующей системы транспортировки в ЕС российского трубопроводного газа и диверсификацию путей доставки углеводородов посредством создания альтернативных источников газоснабжения в виде не завязанных на российское сырье трубопроводов и систем приема и отгрузки сжиженного природного газа (СПГ).

Параллельно осуществлялись мероприятия по снижению доли российского газа, составлявшего, к примеру, в 2011 г. порядка 86% [2, с. 120], а в 2012 г. — 80% всего импорта газа в Польшу. Начало движения в данном направлении относится еще к 2003 г., когда правая партия «Право и Справедливость» (ПиС) обратилась к польскому правительству с требованием сокращения доли российских углеводородов в национальной энергетической системе [5, с. 116–117].

Амбиции Польши были подкреплены целым рядом инфраструктурных решений — от построенных еще в 1970-х гг. нефтяных терминалов в Гданьске до относительно недавно открытого пункта приема СПГ в Свиноуйсьце. Запуск последнего в 2015 г. (полностью строительство было завершено уже в 2016 г.) был осуществлен при активном участии американской администрации и сопровождался подписанием соглашения между американской *Centrica LNG Company Limited* и польской *PGNiG* на поставки в данный терминал СПГ из США. Первая такая пробная поставка состоялась в июне 2017 г. При этом нужно учитывать, что экспортом газа из США в Польшу будут заниматься компании, добывающие сланцевый газ, что, несмотря на весьма высокие транспортные расходы, делает американскую продукцию достаточно конкурентоспособной.

В данном контексте также следует вспомнить и о многообещающем, но ресурсно не подтвержденном проекте в сфере добычи сланцевого газа на территории Люблинского и Балтийского бассейнов, который был анонсирован Министерством энергетики США еще в 2011 г. По этому проекту Польша должна была получить крупнейшие в Европе ресурсы сланцевого газа [3]. На тот момент в добыче преуспеть не удалось, что во многом и стало причиной поиска Варшавой новых источников голубого топлива при временном сохранении потребления российского газа.

До 2022 г. Польша по-прежнему являлась участником энергетического взаимодействия Европейского союза с Российской Федера-

цией, что непосредственно в газовой сфере объяснялось прежде всего транзитом российского газа по трубопроводу «Ямал — Европа», делавшим Польшу одним из ключевых элементов существовавшей на тот момент системы европейской энергетической безопасности.

Таким образом, «польский фактор», значение которого ввиду начала нового акта украинских событий, неопределенной ситуации с «Северным потоком — 2» и краха перспектив скорого превращения Германии в мощнейший европейский газовый хаб существенно возросло, становится одним из ключевых в контексте существовавших на тот момент внешнеэкономических отношений Российской Федерации с Европейским союзом — основным потребителем российских углеводородов в последние десятилетия.

Вопрос разрешился весной 2022 г.: 26 апреля польская сторона заблокировала прокачку газа по трубопроводу «Ямал — Европа», отказавшись выполнять требование Российской Федерации оплачивать газ в национальной валюте и внеся ПАО «Газпром» в санкционный реестр. В ответ на данные действия указом президента РФ и постановлением российского правительства были введены санкции в отношении компании *EuRoPol GAZ* — оператора польского участка газопровода. Транзит российского газа через Польшу прекратился.

Тяжелая в целом для Евросоюза ситуация, актуализирующая перед странами-членами задачу диверсификации поставок голубого топлива, в свою очередь, не стала критичной для Польши, не только обладающей инфраструктурой приема и регазификации СПГ, но также имеющей возможность в реверсном режиме получать при необходимости трубопроводный газ из Германии по работающему западному участку газопровода «Ямал — Европа». Объем реверсных поставок газа по этому пути из Германии в Польшу составляет, по мнению экспертов, до 15,5% общих годовых потребностей страны в голубом топливе [2, с. 125].

С учетом удаленности Соединенных Штатов от польского побережья были заблаговременно продуманы и резервные маршруты поставок сниженного природного газа, реализуемые в рамках «Инициативы трех морей» — блока 12 европейских стран, из которых, за исключением Австрии, 11 принадлежат к числу бывших социалистических (неформальным лидером блока выступает Варшава [7, с. 84]), с использованием также греческой инфраструктуры приемки и отгрузки СПГ.

Характеризуя данный проект, польские источники не скрывают, что в основу новой схемы газоснабжения были заложены идеи аналитических центров Польши (Центрально-Европейские энергетические партнеры) и Соединенных Штатов (Атлантический совет) [Там же, с. 86], которые рассматривали российские трубопроводные проекты по доставке газа в Германию не иначе как новую систему контроля ФРГ Москвой [8]. Данный проект, помимо прочего, прекрасно вписывается в доктрину польской образцовости и европейского мессианства, противопоставляющую традиционную католическую Польшу не только восточным соседям (России и Белоруссии), но и происходящей сегодня культурной трансформации западно-европейского общества со свойственными для него мультикультурализмом, изменениями семейных и гендерных ролей, а также снижением роли христианства (см.: [9]).

Ментальные и культурные расхождения также влияют на ориентацию Польши на Соединенные Штаты и выбор схемы газоснабжения с упором на использование сжиженного природного газа. Одним из элементов в данной схеме должен стать крупный терминал СПГ в заливе Термаикос у греческих Салоников. Проект должен быть запущен в 2025 г. и будет включать в себя плавучую установку хранения и регазификации газа объемом более 160 тыс. м³. В технические характеристики данного проекта уже заложена реализация возможности как приема, так и отгрузки СПГ.

Параллельно со строительством в заливе Термаикос идет расширение возможностей уже функционирующего хранилища СПГ в греческом порту Ревитуса. Стационарные мощности по хранению СПГ на этом терминале составляют 225 тыс. м³. Кроме того, начаты подготовительные работы по реализации проекта *Dioryga Gas* — терминала СПГ, расположенного недалеко от города Коринф, а также завершается строительство и вводится в действие терминал СПГ *Alexandroupolis LNG* под Александрополисом. В случае нехватки американского СПГ, поступающего с терминала СПГ в Свиноуйсьце, голубое топливо из вышеупомянутых греческих терминалов должно направляться на регазификационный пункт на острове Крк, а оттуда через газотранспортную систему Хорватии в страны Центральной Европы.

Несмотря на уже изначально заложенные высокие проектные мощности регазификационного терминала на острове Крк, правительство Хорватии еще в 2022 г. одобрило их дополнительное увеличение до 6,1 млрд м³ в год. В качестве источника газа для данного

и всех остальных вышеперечисленных терминалов рассматривается СПГ из Катара, в 2022–2023 гг. заключившего ряд долгосрочных соглашений с европейскими странами — Великобританией, Францией, Италией. С той же Италией данное соглашение является далеко не первым долгосрочным контрактом на поставку СПГ из Катара. Помимо этого, такие страны, как Великобритания и Франция, в лице компаний *Shell* и *Total* активно участвуют в освоении газовых ресурсов этой ближневосточной страны.

Что касается Польши, то правительство республики еще в 2009 г. заключило двадцатилетний контракт (начиная с 2014–2015 гг.) на поставку катарского СПГ в объемах 1,4 млрд м³ в год [2, с. 121].

Помимо Катара поставщиками СПГ могут также стать страны Западной и Северной Африки — Нигерия, Тринидад и Тобаго, Алжир [Там же, с. 122], однако Варшава, как и в целом Евросоюз, достаточно осторожно оценивают перспективы сотрудничества с указанными странами, принимая во внимание особенности их политических режимов.

Возвращаясь к Польше, следует оговориться, что при необходимости газ в реверсном режиме может также поставляться обратно в энергосистему Республики Хорватия и далее на пункт отгрузки СПГ на острове Крк. Таким образом, американский СПГ с терминала в Свиноуйсьце может быть в потенциале доставлен в любую страну Центральной Европы, а далее, уже под видом хорватского газа, танкером для перевозки сжиженного природного газа в любую точку мира. Кроме того, как уже упоминалось выше, развитая инфраструктура позволяет Польше при необходимости транспортировать трубопроводный газ через Германию в страны Западной Европы.

Помимо южного резервного пути поставки газа Варшава при необходимости может рассчитывать на резервы клайпедского терминала СПГ, наращивающего обороты и в 2022 г. вышедшего на максимальную мощность загрузки. Также существенное значение имеет запущенный в 2022 г. газопровод *Baltic Pipe*, осуществляющий прокачку в Польшу трубопроводного газа с норвежского шельфа. Заявленная пропускная способность газопровода с 2023 г. составляет 10 млрд м³ в год. Идея создания данного газопровода витала в воздухе еще со второй половины 1990-х гг., переживая поочередно забвение при левых правительствах и вспышки интереса при консерваторах.

В целом сформированная в Европе система соответствует разработанной ЕС еще в 2011–2015 гг. газовой целевой модели (*Gaz Target*

Model), закладывающей в основу энергетической безопасности континента хорошо функционирующие газовые узлы, обеспечивающие текущие и перспективные потребности газового рынка стран Европейского союза [6].

В то же время рассмотрение энергетической политики Польши невозможно без учета угольного фактора. В начале 1990-х гг. доля каменного и бурого угля в качестве источника электроэнергии в Польше превышала 95%. На 2023 г. доля угля в генерации электроэнергии в Польше по прежнему составила внушительные 77%, вследствие чего все вышеперечисленные инициативы по расширению объемов поступавшего в страну газа выглядят преимущественно как инвестиции в будущий переход на экологически чистое топливо (см.: [4]).

Даже в 2011 г., то есть в период наибольшей зависимости от российского газа, доля газовой генерации в энергосистеме Польши насчитывала всего 9,7%, при этом на импортируемый из Российской Федерации газ, составлявший, как уже ранее говорилось, внушительные 86% польского потребления газа, приходилось лишь 8,4% всей тепловой и электрической генерации республики.

Вместе с тем нужно учитывать, что в период начавшегося газового противостояния с Россией доля угольной генерации возросла почти на 3,5% с 73,6% в 2022 г., что указывает на наличие у Варшавы дальнейшего потенциала для сокращения (в случае необходимости) объемов выработки тепла и электроэнергии из газа и дальнейшего увеличения доли использования угля.

Рост угольной генерации в Польше сопровождается также обострением отношений Варшавы с Брюсселем, и в первую очередь со странами Старой Европы, климатические и экологические интересы которой в сфере отношений с Польшей активно представляют руководители Франции и Германии, традиционно уделявшие особое внимание снижению выбросов и трансформационному переходу от традиционной углеводородной к альтернативной («зеленой») энергетике.

Учитывая все это, можно говорить об осознанном решении Польши, в руководстве которой до определенного момента преобладали евроскептические настроения, не идти на снижение уровня парниковых выбросов.

Возможно, это в конечном итоге и произойдет в будущем, но в текущей ситуации польская энергосистема по-прежнему остается малозависимой от газовой генерации, а вся газовая инфраструктура страны должна рассматриваться прежде всего в качестве инст-

румента реализации внешнеполитических амбиций Варшавы, стремящейся превратить страну если не в главный газовый хаб Европы, то как минимум в основной перевалочный пункт для целого ряда центральноевропейских государств, попадающих таким образом в определенную энергетическую зависимость от польского транзита.

При этом отказ от российского газа, кажущийся деструктивным шагом для экономики Польши и сопряженный с дополнительными затратами на строительство инфраструктуры СПГ, климатическими выбросами и конфронтацией с другими членами ЕС, часто объясняется официальными лицами Варшавы прежде всего необходимостью снижения зависимости ЕС от поставок углеводородов, осуществляемых Российской Федерацией — страной-агрессором, а также активным вовлечением в энергобаланс новых возобновляемых источников энергии.

Действительно, в своих действиях польская сторона традиционно ссылается на необходимость соблюдения положений принятой в 2014 г. Еврокомиссией Европейской стратегии энергетической безопасности, указывающей на необходимость снижения зависимости от отдельных видов топлива с целью снижения уязвимости к возможным энергетическим кризисам (см.: [6]). Тем не менее в данном случае польские (да и не только польские) политики лукавят, говоря об изменении энергетической стратегии после 24 февраля 2022 г. Решение о создании соответствующей инфраструктуры было принято еще задолго до начала специальной военной операции.

Традиционный для отечественной науки подход склонен рассматривать политику в качестве концентрированного выражения экономики. Современная польская внешняя политика в отношении Российской Федерации действительно на первый взгляд позволяет предположить, что налицо отход от принятой еще во времена классиков марксизма-ленинизма схемы, в соответствии с которой экономика первична, а политика вторична: безотказно действовавшие много лет экономические модели замещаются новыми, основанными на текущей политической конъюнктуре; рациональный подход к решению экономических вопросов заменяется отсылками к «исторической памяти» как основному критерию для принятия тех или иных, в том числе и сугубо экономических, решений.

Складывается впечатление, что старые подходы перестают работать в отношении современной глобальной экономики, однако... Однако степень интеграции польской экономики в общеевропейскую среду

и уровень взаимодействия Варшавы с Соединенными Штатами Америки позволяют рассматривать «польский фактор» прежде всего как инструмент решения американских внешнеэкономических задач. Старые политические амбиции и комплексы, основанные на фактах из прошлого польского народа, сегодня умело используются американским истеблишментом для реализации своих политических интересов, за которыми в первую очередь стоит желание получить наибольшую выгоду. Экономика по-прежнему остается основной движущей силой...

В сложившихся условиях Российской Федерации следует с осторожностью относиться к долгосрочным проектам по поставкам газа, завязанным на трубопроводы — статичную газотранспортную инфраструктуру. Учитывая тренд роста запроса потребителей на сжиженный природный газ [1], ориентация на расширение внутреннего производства СПГ, причем не только ПАО «Газпром», но и иных отечественных нефтегазовых компаний, наряду с созданием новых и расширением уже имеющихся терминалов отгрузки, вводом в эксплуатацию достаточных для обеспечения транспортировки газа мощностей танкерного флота позволит Москве проводить более гибкую политику, не зависящую от решений вопроса транзита голубого топлива через территорию третьих стран. Помимо прочего, реализация данных решений обеспечит российскому сырью дополнительную нишу на европейском рынке, что частично компенсирует снижение спроса на российский природный газ, поставляемый в Евросоюз по магистральным газопроводам.

В данном контексте должен рассматриваться и вопрос использования и восстановления трубопроводов, соединяющих Российскую Федерацию с европейским потребителем. Строительство, восстановление, ремонт и содержание газотранспортной инфраструктуры на территории Евросоюза должно осуществляться ЕС, поэтому задачей РФ должна являться доставка газа до крайней компрессорной станции, после чего вопрос его транзита решался бы Брюсселем. Однако такой вариант сегодня также упирается в вопрос самостоятельности решений, принимаемых европейскими партнерами.

Список литературы

1. *Бабич С. В., Булаева М. М.* Российский сжиженный природный газ и российский трубопроводный газ на европейском рынке: конкуренция или синергия // Вестник Евразийской науки. 2019. № 6. URL: <https://esj.today/PDF/97ECVN619.pdf> (дата обращения: 05.02.2024).

2. *Емелин К. Н.* Диверсификация импорта природного газа в энергетической политике Польши // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2013. № 6. С. 115–126.

3. *Иванов А. Г., Наумов Ю. А.* Польша в энергетической стратегии США 2010-х гг. // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. Т. 6, № 4. С. 23–28.

4. *Кувалдин С. А.* Энергетические политики Польши и ЕС: поиск совпадающих интересов // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 6. С. 106–116.

5. *Михалев О. Ю.* Современная энергетическая политика Польши и интересы России // Государство и общество в современной политике: сб. науч. ст. по результатам 7-й Междунар. науч.-практ. конф., Воронеж, 5–7 сентября 2019 г. Вып. 7. Воронеж, 2019. С. 116–122.

6. *Степанов А. А., Савина М. В., Степанов И. А.* Закономерности и принципы развития инновационных процессов в концепции глобализации и цифровой трансформации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 2, № 11. С. 174–180.

7. *Хорольская М. В.* Участие Германии в «Инициативе трех морей»: перспективы для России // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 2. С. 83–97.

8. *Diamond J.* Trump opens NATO summit with blistering criticism of Germany, labels allies “delinquent”. URL: <https://edition.cnn.com/2018/07/10/politics/donald-trump-nato-summit-2018/index.html> (дата обращения: 05.02.2024).

9. *Nosovich A.* Where is Poland heading? // Russia in Global Affairs. 2022. Vol. 20, № 1. P. 166–184.

10. *Fedorowicz K.* Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Białorusi w latach 1989–2010. Poznań, 2011.

Об авторе

Константин Николаевич Колмагоров — канд. ист. наук, начальник отдела, ЧУ ДПО «Газпром ОНУТЦ» (Калининград); докторант кафедры экономической теории, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И. М. Губкина (Москва).

E-mail: k.kolmagorov@onutc.ru

K. N. Kolmagorov

The Polish factor in the transformation of the European gas market

The article considers current processes of transformation of the European gas market. Particular attention is paid to the role of the Polish factor in the current transformation of the European energy market, the nature and extent

of its influence on the current situation with gas consumption in the European Union, the possibilities of its use to significantly affect changes in the energy policy of the EU. By the Polish factor, the author understands the existing system of foreign economic interaction, as well as foreign policy and economic guidelines and ambitions of Poland, which has a significant impact on the changes taking place in the EU in the gas sector. The consideration of current processes is carried out using an interdisciplinary approach, which involves the analysis of economic processes, as well as socio-political factors and historical background.

Keywords: Polish factor, liquefied natural gas, energy security, diversification of supply routes

The author

Konstantin N. Kolmagorov, Dr. (History), Head of Department, GAZPROM's Training Simulator Computer Center, Kaliningrad; Doctoral student, Department of Economic Theory, National University of Oil and Gas "Gubkin University", Moscow.

Раздел 2

ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ в XVII — первой половине XX века

Дворцы Кёнигсберга конца XVII — XVIII века

Общественный интерес к теме архитектуры Кёнигсберга конца XVII — XVIII в. возник в связи с подготовкой к празднованию 300-летнего юбилея философа Иммануила Канта. Охарактеризована история постройки и реконструкции дворцов придворной знати, определявших образ Кёнигсберга в век Канта. В современном Калининграде сохранились в измененном виде два дома аристократических семейств (ул. Фрунзе, 11–13), возведенные на рубеже XVII–XVIII вв. в стиле барокко. Историко-сравнительный и иконографический методы позволяют в некоторой степени воспроизвести образ дворцовой застройки Кёнигсберга конца XVII — XVIII в.

Ключевые слова: Кёнигсберг, XVII–XVIII вв., архитектура, стили эпохи

Введение

Восемнадцатый век — самый блистательный период в истории города Кёнигсберга. Это было «столетие безумно и мудро» (по выражению русского писателя А. Н. Радищева), которое гордилось своей рассудочностью, преданностью разуму, было пропитано просветительской философией и одновременно стремлением к особой утонченности и галантности бытового окружения. Столетие началось с превращения Кёнигсберга в место коронации прусских государей, художественные вкусы и предпочтения которых оказывали влияние на развитие архитектурно-художественного образа города.

Проблема изучения архитектуры Кёнигсберга конца XVII — XVIII в. актуализировалась в связи с подготовкой к празднованию 300-летнего юбилея философа Иммануила Канта (1724–1804) — одного из самых выдающихся жителей столицы Восточной Пруссии. Кант любил свой город, неоднократно менял места проживания в его пределах: в детстве жил с родителями в Ближнем предместье (Vordere Vorstadt), студентом — в доме на Магистерштрассе. Вернувшись в родной город после девяти лет работы домашним учителем, он читал лекции в доме профессора Кипке на Кёттельштрассе (остров

Кнайпхоф, ныне остров Канта), жил на квартире в доме на Бычем рынке, затем в собственном доме на Принцессинштрассе (все эти дома ныне не существуют). Философ совершал продолжительные прогулки по улицам города и за его пределами, посещал своих друзей и учеников, проживавших в разных районах города. У исследователей, изучающих жизнь и творчество Канта, появилась потребность представить облик Кёнигсберга, существовавшего в годы жизни «прусского мудреца», что было частично воплощено в публикациях, подготовленных в рамках проекта «Мир Канта» в 2022–2024 гг. [1–5]. Образ города складывался на протяжении нескольких веков и включал как исторические сооружения — замок, храмы и жилые дома бюргеров — в старинных районах города Альтштадте, Лёбенихте и Кнайпхофе, так и многочисленные аристократические дворцы, возведенные в границах земляных валов в XVII–XVIII вв.

Архитектурная история столицы провинции конца XVII — начала XIX в. остается малоизвестной. Одна из причин такого положения — практически полное отсутствие относящейся к изучаемому времени городской застройки центральной части города. Архитектурных памятников, возведенных здесь до начала XIX в., в современном Калининграде осталось немного — собор на острове Канта, остатки барочных дворцов на ул. Фрунзе 11–13 (бывш. Кёнигштрассе, 55–56), бывший Сиротский дом на Литовском Валу (Литовский Вал, 62), опустевшая ниша на подпорной стене замка, лишенная статуарного памятника королю Фридриху Вильгельму I (Московский проспект), ворота Лёбенихтского госпиталя (ул. Черепичная, 19). Однако сохранившиеся изобразительные материалы (гравюры, книжные иллюстрации, карты, чертежи, фотографии и т.п.), мемуарная литература и другие источники позволяют представить облик исчезнувших сооружений, а также первоначальный вид исторических зданий.

Архитектурно-градостроительная история Кёнигсберга

К началу XVIII в. Кёнигсберг как городское поселение уже сформировался: кроме трех средневековых городов (Альтштадта, Кнайпхофа и Лёбенихта) существовали многочисленные слободки, замкнутые кольцом вальных укреплений, строившихся начиная с 1624 г. почти столетие и спланированных с большим пространственным размахом. Тогда же была заложена структура радиальных улиц, переросших к концу XVII в. в относительно ясную радиально-кольцевую планировку

«внутреннего города». Новое строительство за пределами средневековых укреплений происходило лучами неправильной формы, идущими от средневековых городских ворот к внутренним районам страны.

Улицы, заключенные внутри круга валов, первоначально возникли без всякого плана — как продолжение слободских торговых дорог. Лучи городских проездов не имели строгой прямизны, сохраняя признаки естественности своего происхождения. Они прихотливо огибали болотистые места, низины, холмы, сады и другие препятствия. Лишь Кёнигштрассе была «прямой, как шнур». Истоки радиальных улиц находились возле идейного центра города — Королевского замка, перестроенного из замка Тевтонского ордена.

На карте XVIII в. видны внушительные территории сельскохозяйственных угодий и садов, окруженных валами (ил. 1 на вклейке).

А. Т. Болотов писал об оборонительном поясе длиной 15 км: «Город... обнесен вокруг земляным валом с бастионами, а в стороне к морю, по левую сторону реки Прегеля, сделана небольшая регулярная четверугольная крепость или цитадель, называемая Фридрихсбургом, с установленными вокруг пушками. Но все сии укрепления не составляют дальнейшей важности, ибо как по великой обширности города содержание всех валов в хорошем порядке сопряжено было с великим коштом, то и с многочисленным гарнизоном не может сей город порядочной и долговременной осады вытерпеть и потому почтеться может он более открытым купеческим и торговым городом, нежели крепостью» [6, с. 152] (рис. 1).

В 1724 г. произошло объединение трех городов и принадлежавших им слободок, в результате чего возникла единая городская общность в охваченном кольцом валов пространстве (рис. 2).

Обширные земли внутреннего города, расположенного между средневековыми городскими стенами и вальными укреплениями, постепенно застраивались, появлялись новые дворцы, храмы, административные здания и другие типы сооружений. Спокойное время с 1650 по 1750 г., в течение которого войны долгое время обходили Кёнигсберг стороной, характеризовалось расцветом строительства. К 1755 г. здесь насчитывалось 5183 каменных здания, среди них многочисленные сооружения общественного назначения — 20 церквей, 6 латинских школ, 16 вдовьих и сиротских домов, 2 торговых двора, 7 водяных и 2 ветряные мельницы, а также другие постройки, обеспечивавшие нормальную жизнь города [22, S. 15]. В конце XVII в. была перестроена ратуша Кнайпхофа, один из парадных залов которой

Рис. 1. Кёнигсберг, вид с юга. И. Я. Фогель. 1684 [24, С. 80]

Рис. 2. Кёнигсберг, вид с юга. Ф. Б. Вернер. 1729 [24, С. 29]

украсил известный архитектор Андреас Шлютер (ок. 1660–1714). В начале XVIII в. по проекту придворного архитектора Иоахима Людвига Шультхайса фон Унфридта (1678–1753) началась перестройка восточного флигеля замка, который в середине столетия по-прежнему стоял в лесах. Недостроенной оставалась расположенная неподалеку гарнизонная церковь на новой Парадеплац. На месте ратуши Старого города (Альтштадта) возникло в 1754–1767 гг. новое здание городского суда (по традиции называемое ратушей), а у Росгартенских ворот появились ткацкий и рабочий дома. Во второй половине столетия продолжалось активное строительство, особенно после опустошительного пожара 1764 г.

Облик Кёнигсберга конца XVII — XVIII века

Облик новых сооружений соответствовал ведущим стилевым направлениям европейской архитектурной моды конца XVII и XVIII столетий — барокко, рококо, классицизма. Общеевропейские стили приобретали характерные региональные черты, связанные с местной художественной традицией использования фахверка и кирпича, приверженностью к высоким черепичным крышам разнообразных форм и декоративному украшению входных порталов и остроугольных щипцов.

Среди старинной застройки Альтштадта, Лёбенихта, Кнайпхофа со сложившейся еще в эпоху Средневековья планировочной структурой появлялись фасады, соответствовавшие вкусам «галантного» столетия, ориентированного преимущественно на придворную культуру тогдашней Франции. Например, на острове Кнайпхоф в середине XVIII в. возвели новый фасад для дома на Магистерштрассе, на которой проживали в разное время многие студенты Альбертины, в том числе будущие знаменитости, включая Канта. Фасад здания венчали два «разорванных» барочных фронтона, окна были украшены массивными наличниками с характерным барочным декором разнообразной конфигурации (рис. 3).

Жилой дом на Малой Соборной площади Кнайпхофа получил в середине XVIII в. изящные рокайльные силуэты фронтонов и резные входные двери (рис. 4).

На древней улочке Альтштадта — Хольцштрассе — во второй половине XVIII в. построили жилой дворец в стиле классицизма (рис. 5).

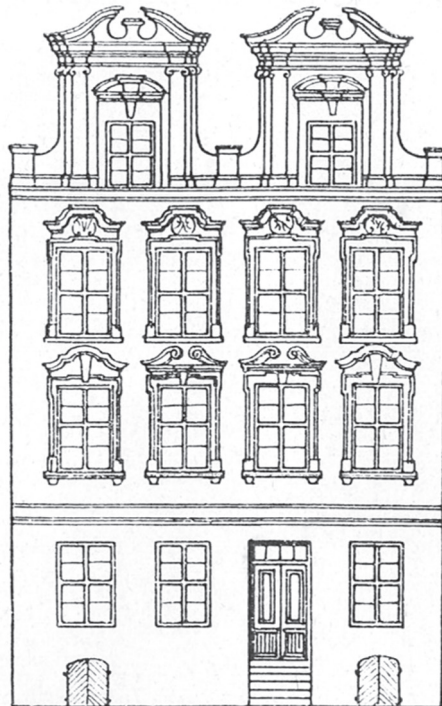

Рис. 3. Кнайпхоф, Магистерштрассе, 9. Дом середины XVIII в.
Рис. Р. Детлефсена [18, Taf. 11]

Дворцовое строительство внутри земляных валов. Кёнигштрассе

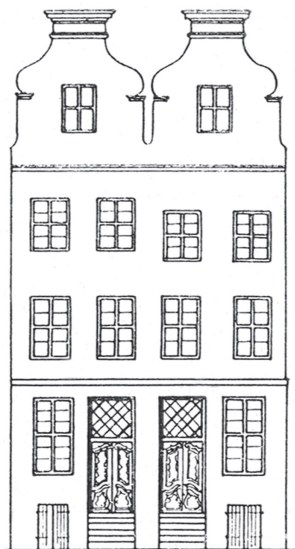

Рис. 4. Кнайпхоф, Малая Соборная площадь. Жилой дом середины XVIII в.

Рис. Р. Детлефсена [18, Taf. 11]

Основное строительство в изучаемый период велось на территориях, расположенных между средневековым центром и бастионными укреплениями. Время с конца XVII в. было блестящим периодом расцвета дворцового строительства в Восточной Пруссии — именно тогда появились внушительные городские и загородные дворцы. Среди городских домов в Кёнигсберге особой роскошью отличались здания на Кёнигштрассе (Королевская улица; первоначально — Гумбинненская) [32]. Ранее улица и окружающая ее территория назывались Нойе Зорге, то есть «Новая забота». Согласно легенде, когда прусского штаатсхальтера князя Богуслава Радзивилла (1620–1669) спросили о наименовании новой местности, он воскликнул: «Опять новая забота!» [15, S. 32]. Здесь когда-то была территория герцогско-курфюршеского охотничьего подворья, а также пашни, предоставленные королевским придворным для строительства жилых домов.

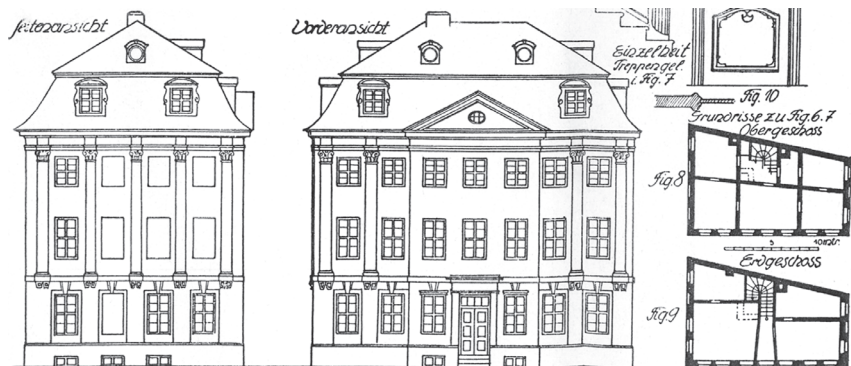

Рис. 5. Альштатт, Хольцштрассе, 9. Вторая половина XVIII в.
Рис. Р. Детлефсена [18, Taf. 38]

В XVIII в. улица превратилась в *Via Triumphalis* Кёнигсберга. Король Фридрих Вильгельм I (1688–1740, правил с 1713) приобрел в 1731 г. здесь два дома, в том числе дворец Людвига фон Остау (1663–?), главы поселения Бранденбург (совр. Ушаково), владельца имений Лаблакен и Кисситтен [32, S. 100]. Позднее, во время своих редких посещений столицы провинции, здесь останавливался Фридрих Великий (1712–1786, правил с 1740). «Старый Фриц» преобразовал здание в Военное училище, а в 1810 г. дворец был передан для размещения собрания Королевской и Университетской библиотек [17, S. 145].

А. Т. Болотов писал о тогдашнем здании, что оно представляло собой небольшой каменный домик, «как у нас в Москве несколько сот найти можно» [6, с. 160]. Чертеж из Тайного государственного архива прусского культурного наследия (рис. 6) демонстрирует двухэтажное сооружение на низком цоколе с высокой мансардной вальмовой крышей с двумя фигурными окнами-люкарнами. Парадный фасад дворца и слегка выступающий центральный портик с простым треугольным фронтоном украшали плоские пилястры. Обращенный к парку фасад выделялся многогранным выступом бального зала.

В 1827 г. сооружение приобрело более монументальный облик: надстроили третий этаж, изменили фасады и объединили Королевскую и Университетскую библиотеки [32, S. 104]. Прямоугольное в плане, с многогранным выступом на садовом фасаде, трехэтажное здание было поднято на высокий нижний этаж, украшенный мощным рустом. Дом стоял в глубине курдонёра — внутреннего двора, отделенного от улицы невысокой оградой. Двор фланкировали одноярусные боковые флигели. Центральный ризалит парадного уличного фасада выделялся четырехколонным ионическим портиком, охватывавшим два верхних этажа и завершавшимся треугольным фронтоном. Дворец венчала высокая мансардная вальмовая крыша, подобная имеющимся над флигелями (рис. 7).

В 1811 г. название *Королевская улица* (Königstrasse) стало официальным благодаря бывшему королевскому дворцу. Улица вела от Росгартенского рынка до Гумбинненских (позднее Королевских) ворот. Она начала застраиваться еще в начале XVII в., преимущественно герцогскими, потом королевскими придворными, некоторые участки имели собственную юрисдикцию и другие привилегии [20, S. 73; 32].

До сегодняшнего дня сохранились в измененном виде барочные дворцы на улице Фрунзе 11–13 (бывш. Кёнигштрассе, 55–56) (рис. 8; ил. 2).

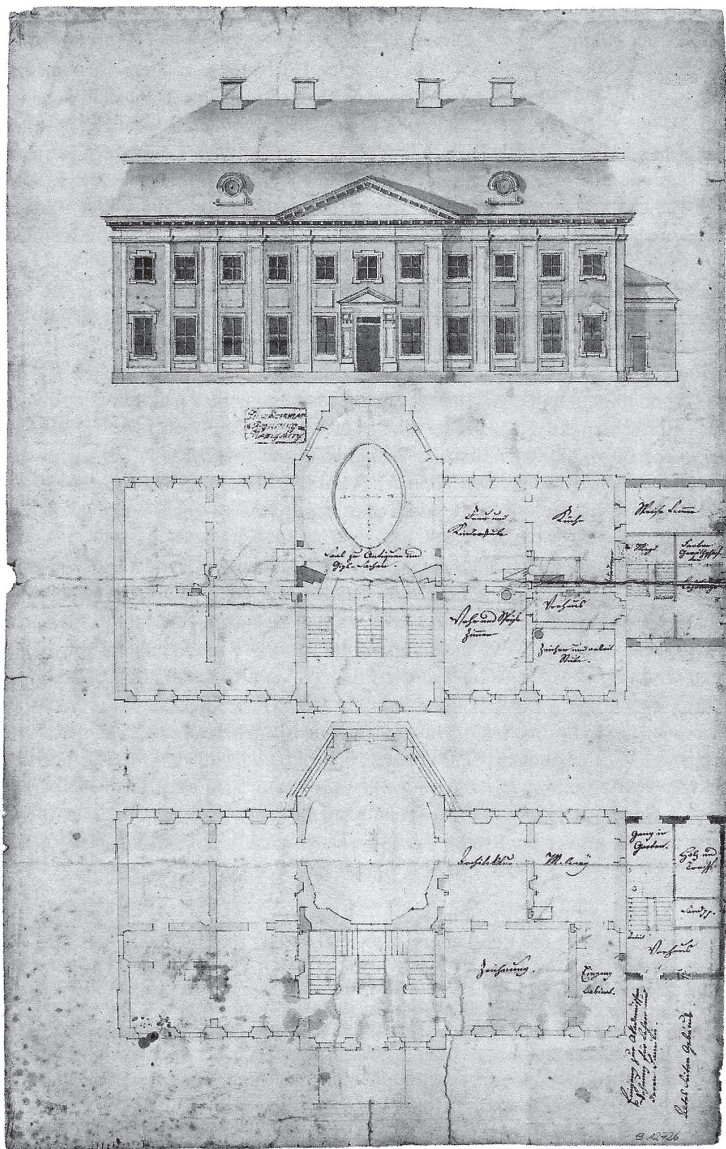
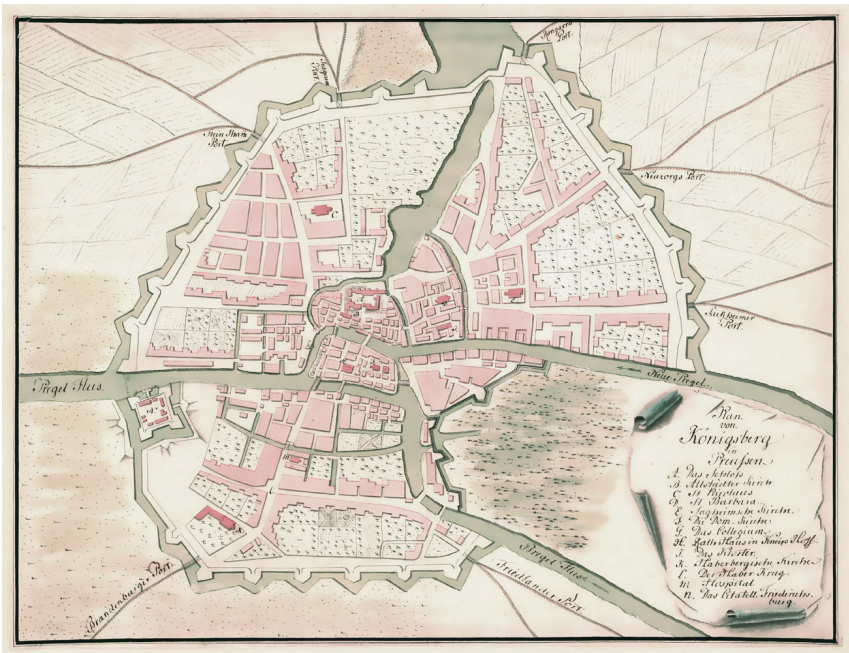

Рис. 6. Кёнигсберг, Королевский дворец (бывший дворец Остату) на Кёнигштрассе. Фасад и план здания. Тайный государственный архив прусского культурного наследия, Берлин, GStA. XX HA PKK G № 12726

Ил. 1. Кёнигсберг. План, 1735

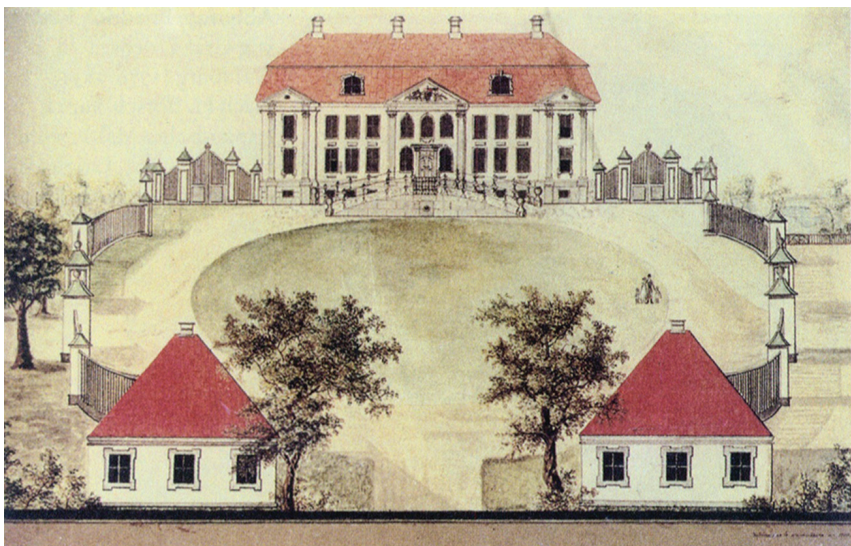
Источник: http://www.etomesto.ru/map-kaliningrad_kenigsberg-1735/

Ил. 2. Калининград, дома на ул. Фрунзе (бывш. Кёнигштрассе, 55, 56).
Современный вид. Фото Е. П. Мосиенко, 2025

Ил. 3. Замок Раутенбург. Цветная литография, 1862 [25, S. 180]

Ил. 4. Дворец Вальдбург-Капустигалль. Акварель, 1808 [19]

Рис. 7. Кёнигсберг, Королевская библиотека. Литография Людвиг Эдуарда Лютке по рисунку Фридриха Вильгельма Семеринга. Около 1840 [24, S. 80]

Рис. 8. Кёнигштрассе, дома 54, 55 и 56. Фрагмент справа — боковой флигель Королевской академии художеств. Фото [18, S. 16]

Судя по старым фотографиям и реконструкции немецкого архитектора и реставратора, официального «хранителя городских древностей» Р. Детлефсена (рис. 9) [18, Taf. 12], стоявших вдоль красной линии улицы и похожих друг на друга зданий было три (Кёнигштрассе 54, 55, 56), первое из них бесследно исчезло с течением времени. На соседнем участке № 57 на месте малого охотничьего двора по распоряжению обер-президента фон Шёна разместили Королевскую академию художеств (годы строительства — 1838–1841) [17, S. 146].

Дом 55 (на рис. 9 в центре) представлял собой почти квадратное в плане двухэтажное здание, имевшее семь осей вдоль Кёнигштрассе, с выступающим узким центральным ризалитом. В сад выходил широкий центральный ризалит со сквозным проездом на первом этаже и тремя окнами второго яруса. По бокам к садовому фасаду примыкали два узких боковых флигеля, предположительно одноэтажные (рис. 10).

Рис. 9. Кёнигштрассе, 54–56 (слева направо). Рис. Р. Детлефсена [18, Taf. 12]

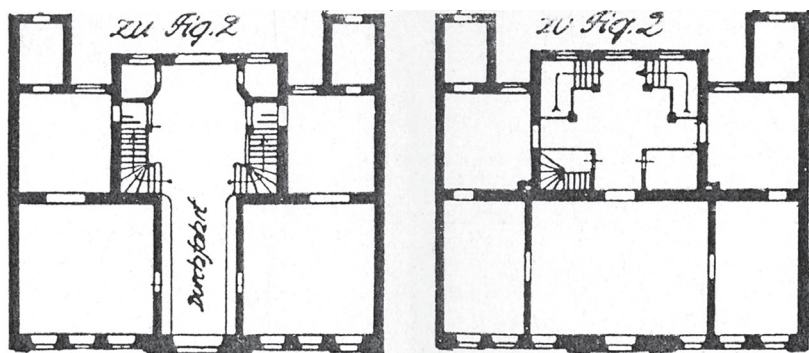

Рис. 10. Кёнигштрассе, 55. План 1-го (справа) и 2-го этажей.
Рис. Р. Детлефсена [18, Taf. 12]

План дома симметричен относительно центральной оси, высокий и широкий входной портал позволял экипажам подъезжать непосредственно к внутренним лестницам и представлял собой своего рода удобный порт-кошер — крытый проезд во внутренний двор и сад позади дома.

Этот элемент структуры жилого дома отметил Детлефсен: «Мотив сквозного проезда оказался очень привлекательным решением в роскошных домах на Кёнигштрассе 54–56 в Кёнигсберге. Здесь проезд ведет внутрь к просторным лестничным клеткам, откуда на парадный этаж ведут ступени лестниц с богато украшенными резными перилами, одна — предназначенная для приезжающих, другая — для отъезжающих, так что без особых усилий для господ можно использовать правильную сторону кареты для входа и выхода» [18, S. 25].

Как и соседние постройки в стиле сдержанного позднего барокко, дом почти лишен архитектурного декора. Углы дома и центрального ризалита со стороны улицы были подчеркнуты ионическими пилястрами большого ордера, охватывавшими два этажа. Капители пилястр (не сохранились) отличались строгими классическими формами и пропорциями.

Основные элементы членения фасада — высокие восьмичастные вертикальные окна с простыми наличниками. Главную ось дома отмечал входной портал нижнего яруса и кованый балкон с выходящей на него дверью, которая вела в зал второго этажа. Над двойными входными дверями портала возвышалась профилированная арка с замковым камнем. Перспективная арка не сохранилась, но расположенный над нею балкон по-прежнему нависает над входным проемом (рис. 11).

Объем здания поставлен на низком цоколе, не превышающем высоты постаментов пилястр, его венчали профилированный классический антаблемент с фризом без украшений и выступающий карниз. Нижний ярус здания отделан горизонтальным рустом, под окнами верхнего яруса размещены прямоугольные декоративные ниши.

Высокая вальмовая крыша с полуциркульными мансардными окнами, характерная для застройки XVII–XVIII вв., составляла почти половину высоты жилого дома. Форму крыши изменили в послевоенное время в ходе работ по объединению с соседним двухэтажным зданием.

В интерьере домов существовали искусно выполненные резные лестницы. А. Бёттихер отмечал красоту лестниц домов 55–56. Он сообщал, что в доме 55 ступени лестницы обрамляли резные панели с изображениями охотников с луками во время охоты на оленей и с многочисленными собаками (рис. 12, 13) [17, S. 145].

Рис. 11. Кёнигштрассе, 55 (справа). Фото [19, S. 17]

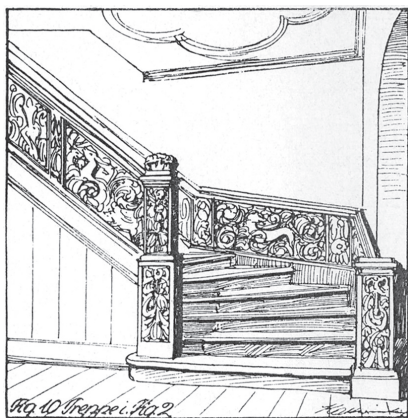

Рис. 12. Кёнигштрассе, 55. Лестница.
Рис. Р. Детлефсена [18, Taf. 12]

Рис. 13. Кёнигштрассе, 55.
Лестница. Фото [27, S. 97]

Р. Детлефсен писал в 1918 г., что «одна лестница еще стоит в доме 55, как показано на плане. Другая, к сожалению, разобрана при перестройке. Ее ценные детали перенесены для использования в дом 56» [18, S. 125].

Большие споры вызывала долгое время датировка этих жилых зданий. Историк архитектуры довоенной формации Антон Ульбрих

в книге «История искусства Восточной Пруссии» (1932) датировал дом 55 временем около 1790 г. [28, S. 219]. Немецкий историк архитектуры К. Хауке уделил внимание этой группе зданий, датируя их примерно 1700 г. Он ошибочно указывал, что средний дом (№ 55) возвел граф Ойленбург. «Здание получило над проездом зал, украшенный стеной росписью и штукowymi рельефами над камином. В двух домах сохранялись лестницы с богатой резьбой» [23, S. 136–138]. Создатель каталога сохранившихся зданий Кёнигсберга в современном Калининграде Б. Кёстер осторожно писал об одном из зданий (неясно, о каком именно): «Возведено в 1770 г. как городской дворец для одного восточнопрусского дворянского рода (скорее всего, им владел граф Ойленбург)» [9, с. 121].

Современный немецкий архитектуровед В. Д. Вагнер подробно описал историю дома 55, опираясь на материалы Тайного государственного архива прусского культурного наследия: «Около 1685 г. участок на Кёнигштрассе 55 отошел Христофу Гильдебранду фон Неттельхорсту (Christoph Hildebrand von Nettelhorst), который решил построить здесь дом» [31]. В настоящее время это левая часть сохранившегося здания на улице Фрунзе. Таким образом, дом можно датировать временем между 1685 и 1692 гг., так как, по уверению В. Д. Вагнера, «участок перешел около 1692 г. во владение семьи фон Гётцен (von Götzen), потом ландхофмайстеру Христофу графу фон Валленродту, а после его смерти в 1711 г. — к его сыну, придворному судебному советнику графу Адаму Христофу» [Ibid.].

В течение XVIII в. здание переходило из рук в руки, а в середине XIX в. «дворец со всей мебелью выкупил еврейский предприниматель Хирш Поллак. Он основал в саду позади дома сахарно-рафинадное производство с современным фабричным зданием. Впоследствии ему удалось купить соседнее здание дворца графа Ойленбурга (Кёнигштрассе, 56)» [Ibid.].

Дом под номером 56 в конце XVII в. перешел из владения вдовы генерала Иоганна Фридриха фон Шлибена Катарины, урожденной графини фон Дёнхоф, к ее второму мужу Дитриху фон Теттау, владельцу поместья Викен. Он разобрал старый дом и построил в 1694–1695 гг. новое здание¹, подобное своему соседу слева, в виде двухэтажного дома под вальмовой крышей. При этом он повторил масштаб

¹ Интересно отметить, что в ранней публикации В. Д. Вагнер датировал 56-й дом 1700 г. [29, S. 105].

основного объема, пропорциональные членения семиосевого фасада со слегка выступающим ризалитом, размеры оконных проемов и форму крыши.

После сложной череды наследований в сентябре 1766 г. состоялся аукцион, и дом выкупила за 28,5 тыс. гульденов баронесса Генриетта Шарлотта цу Ойленбург, урожденная фон Теттау. Она была также владелицей поместья Викен, которое оставалось у Ойленбургов до 1945 г. В 1782 г. овдовевшая баронесса решила продать дом своей невестке Хедвиге, урожденной фон дер Грёбен. Последняя сохранила, благодаря большому количеству детей, рисковавшую исчезнуть фамилию — все сегодняшние наследники всех ветвей Ойленбургов восходят именно к ней. Графский титул даровал семье Эрнста Христофа и Хедвиги в 1786 г. король Фридрих Вильгельм II.

После приобретения дома Ойленбурги со своими одиннадцатью детьми курсировали на повозках и лошадях между Кёнигсбергом и поместьями. Особенно охотно они посещали город в январе во время балов и развлечений. Маленьким сыновьям подобное времяпрепровождение казалось скучным по сравнению с загородной жизнью, потому что их увлечением были лошади. Но семья могла брать лошадей с собой, поскольку к дому прилегали конюшни и большой сад.

Детали первоначального барочного фасада здания номер 56 неизвестны, так как совершенные в 1794 г. изменения значительно упростили внешний облик дома.

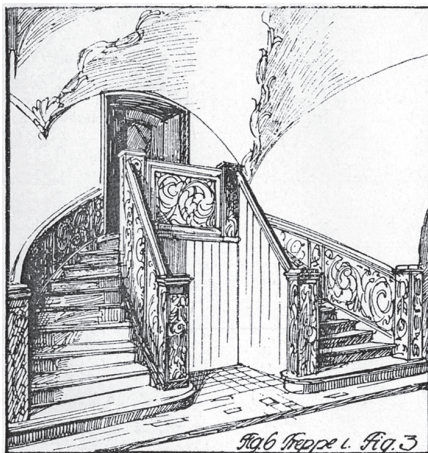

Рис. 14. Кёнигштрассе, 56. Лестница.
Рис. Р. Детлефсена [18, Taf. 12]

Во дворце была устроена своеобразная лестница с двумя симметричными полукруглыми сходами, описанная А. Бёттихером: «В доме 56 прекрасные резные внешние лестницы (XVIII в.) по обеим сторонам коридора: купидоны с виноградными гроздьями чередуются с орлом, львом и т. д.» [17, S. 145]. Лестница была перенесена в музей города и помещена под сводами замкового зала (не сохранилась; рис. 14).

В 1850 г. было решено продать дворец соседу Х. Поллаку, который ранее арендовал его. Во дворце

еще в 1852 г. жил майор граф Людвиг цу Ойленбург, один из сыновей графини Хедвиги, и семейство Вегнерн. Осенью 1877 г. дом 56 был куплен для нужд Ландесатамта, чтобы разместить в нем бюро, а также частные квартиры для сдачи в аренду.

Детлефсен добился постановки обоих дворцов под охрану как памятников архитектуры. В каталоге объектов культурного наследия Калининградской области (2013) о бывшем доме 56 (ул. Фрунзе, 11) сказано: «В 1880 г. здание дворца... было приобретено Управлением кёнигсбергского земельного совета. В 1936 г. была проведена незначительная внутренняя перепланировка здания в связи с устройством в нем так называемой Сберегательной кассы земельного округа Кёнигсберга, которая располагалась на первом этаже, а на втором и третьем (мансардном) этаже были устроены квартиры ряда служащих сберкасс. Уже в конце XIX в. здание состояло под охраной Германского государства как памятник архитектуры» [11, с. 398]. Открытка с изображением здания и росписей интерьера сберегательной кассы представлена в иллюстрированном альбоме В. Д. Вагнера [29, S. 105].

Аэрофотосъемка 1944 г. после бомбардировки показывает, что дома стояли еще под крышами, в то время как все вокруг лежало в руинах [31]. В настоящее время оба здания находятся под одной крышей, там размещено административное учреждение.

Дворец графов Кайзерлинг: история, архитектура, интерьеры, художественное собрание

Среди утраченных дворцов Кёнигсберга, построенных на рубеже XVII–XVIII вв., одним из самых прославленных был дом семьи Кайзерлингов. Каролина Амалия фон Кайзерлинг (урожденная имперская графиня Эрбтрукзес цу Вальдбург) родилась в 1724 г. в Кёнигсберге (ум. 1791). Предполагается, что в имении Раутенбург (ныне пос. Малиновка Славского муниципального округа; ил. 3), принадлежавшем ее первому мужу Иоганну Гебхарду фон Кайзерлингу и располагавшемся в 20 км от бывшего Хайнрихсвальде (ныне Славск), домашним учителем служил Иммануил Кант.

«Сообщение, что он был домашним учителем также в доме графа Иоганна Гебхарда фон Кайзерлинга в Раутенбурге под Тильзитом, не вполне достоверно и не всеми признано... Во всяком случае, судя по возрасту сыновей графа, речь о деятельности там Канта до 1753 г.

вряд ли может идти, а через год Кант был, по-видимому уже в Кёнигсберге, судя по датировке его письма», — пишет Э. Кассирер [8, с. 32].

Г.М. Мюльпфордт упоминает, не приводя конкретных сведений и дат, что Кант некоторое время был домашним учителем мальчиков в родовом имении Капустигалль (ил. 4), принадлежавшем отцу графини, генерал-майору графу Карлу Людвигу Эрбтрухзес цу Вальдбург [26, S. 2].

Будущий великий философ прошел в семье Кайзерлингов хорошую жизненную школу и приобрел изящные манеры, которыми неизменно удивлял впоследствии своих друзей и заезжих гостей. Домашний учитель отзывался о Каролине Амалии фон Кайзерлинг: «Именно у этой дамы я научился искусству беседы» [14, S. 159]. Имеются предположения, что графиня, его ровесница, была первой любовью Канта или же он просто был увлечен ею. Известно, что он писал ее портреты, а красавица-аристократка — его, интересного молодого сухощавого блондина невысокого (всего 157 см) роста с голубыми глазами. Сын шорника, служа учителем в аристократических имениях, питал любовь к элегантной одежде, считая, что «лучше быть дураком по моде, чем дураком не по моде» (рис. 15).

Рис. 15. Молодой Кант.
Рис. К.А. фон Кайзерлинг.
Около 1754 [21, S. 149]

Графиня не только занималась живописью, но и вышивала золотой нитью, переводила французские книги, писала пьесы и ставила любительские спектакли, интересовалась естественными науками и философией, умела вести за столом содержательные беседы. Швейцарский математик и астроном Иоганн Бернулли III (1744–1807) записал в дневнике 30 июня 1777 г., что это была дама высокообразованная и приветливая... хорошо известная и ценямая в Берлине, России и Польше, а также во всей Пруссии» [16, S. 28].

В 1761 г., когда Каролине Амалии было 37 лет, ее первый супруг умер, подарив ей и двум их сыновьям дворец на берегу Замкового пруда (ныне Нижнее озеро). Дом был куплен вместе с мебелью еще в 1755 г. у дочери умершего двумя годами ранее канцлера и президента

Высшего апелляционного суда графа Альбрехта Эрнста фон Шлибена. До него здесь проживал граф цу Сольмс и Текленбург [26, S. 3]. Здание представляло собой классический барочный дворец — с далеко выступающими боковыми двухэтажными ризалитами и высокой центральной частью с дополнительным антресольным этажом, над которым возвышался треугольный фронтон, украшенный лепниной. Необычной архитектурной деталью была удлиненная одноэтажная пристройка над лестницей, ведущей к главному входу в здание. Она была выполнена в виде небольшого древнегреческого храма с двухколонным портиком ионического ордера и фронтоном, украшенным на углах «античными» акротериями.

В 1763 г., через два года после смерти мужа, Г.И. фон Кайзерлинга, 39-летняя графиня вторично вышла замуж за райхграфа Генриха Христиана фон Кайзерлинга (1724–1787), двоюродного племянника первого супруга; он был также и ее свойственником — его покойная жена приходилась Каролине Амалии теткой. Этот гармоничный, хотя и бездетный, брак был основан на общем увлечении изящными искусствами.

Рядом с дворцом приемных сыновей Генрих Христиан приобрел два соседних участка у выходца из Зальцбурга Августина Брайтфуса за 4 тыс. гульденов, а также соседний дом 94, расширив семейные владения [Ibid.]. Не без участия супруги граф превратил территорию на берегу Замкового пруда в пышный барочный парк на прибрежном полуострове, где у воды был возведен общественный павильон.

Чтобы разместить коллекцию произведений искусства, граф соединил соседний дом с дворцом Каролины Амалии и перестроил его в модном тогда стиле рококо. При этом граф Генрих «сделал старый дворец лучшим дворянским домом Кёнигсберга и наполнил его дорогой мебелью, картинами, книгами и китайскими предметами — шинуазри, во французском вкусе. В парке на берегу Замкового пруда он возвел здание для театральных представлений. Графская пара демонстрировала роскошь и хороший стиль, дорогие экипажи, лакеев в роскошных ливреях, с маврами и гайдуками. Здесь действовал любительский театр и домашние концерты, проводились вечеринки, балы и обеды, в которых принимали участие лучшие представители духовной жизни без оглядки на сословное положение» [21, S. 66]. Напротив дома было расположено родительское гнездо известного кёнигсбергского композитора Иоганна Фридриха Райхардта (1752–1814), отец которого был лютнистом и обучал графиню игре на этом

инструменте. Будущий композитор, в детстве посещавший усадьбу, оставил свои впечатления о первом въезде графской семьи в их новый дом [26, S. 4].

Дворец на Широкой улице под номером 96 в районе Фордеррос-гартен со временем приобрел славу «Обиталища муз». Здесь принимали образованных дворян и буржуа, а также ученых провинции: среди них были писатель, публицист, бургомистр Кёнигсберга Теодор Готлиб фон Гиппель (1741–1796), музыкант Карл Готлиб Рихтер, профессор красноречия Андреас Мангельсдорф и многие другие [10, с. 164–165]. Блестящий салон Кайзерлингов посещали царствующие особы: в 1771 г. — принц Генрих Прусский (1726–1802), в 1776 г. — русский цесаревич Павел Петрович (1754–1801), в 1787 г. — король Фридрих Вильгельм II (1744–1797). Побывала здесь и русская княгиня Е. Р. Дашкова (1743–1810). Частым гостем в доме был Кант.

О встрече в июле 1777 г. с философом и о самом дворце рассказал в мемуарах Бернулли [16, S. 68–70]. Он писал, что теперешний дворец — «одно из благороднейших в Кёнигсберге, очень массивное, следовательно, не слишком новое здание, но сделанное не без вкуса; его последним владельцем был граф Кайзерлинг, первый супруг любезной графини» [Ibid., S. 68]. Бернулли обратил внимание на новые сооружения на участке Кайзерлингов и подробно описал богатое убранство интерьеров. Он перечислил многочисленные картины богатого собрания дворца, в частности отметил портрет царя Петра I работы художника Мардефельда [Ibid., S. 72]. Вероятно, речь идет о портрете кисти барона Густава фон Мардефельда (1664–1729), немецкого дипломата и художника, написанном в 1707 г. (см.: [13]). Выполненный акварелью на бумаге, портрет хранится в Музее Виктории и Альберта (Лондон). История портрета из собрания Кайзерлингов требует дальнейших изысканий.

После смерти Амалии Каролины ее сын Альбрехт Иоганн Отто продал величественное здание за 20 тыс. талеров механику Лойалу. Тремя годами позже тот перепродал его директору банка Крюгеру за 24 тыс. талеров. У того, в свой черед, оно было куплено за 32 тыс. талеров королем в качестве дворца для кронпринца. В 1814 г. там разместился штаб военного корпуса, в 1830-м здание стало использоваться под жилье командующего военным корпусом [10, с. 165]. Здание служило армии до 1944 г. Во время бомбардировки Кёнигсберга «Обиталище муз» сгорело, после войны руины были разобраны на кирпич.

Дворец герцогов Хольштайн-Бекских: тайна адреса и секрет облика

Многочисленному семейству Хольштайн-Бек принадлежало в Кёнигсберге несколько дворцов, в том числе на Юнкерштрассе [2, с. 38–40], что вносит большую путаницу при изучении их внешнего облика. К числу известных дворцов Кёнигсберга, построенных на рубеже XVII–XVIII вв., относился дом герцога Хольштайн-Бека. «На Хинтерросгартене располагался участок придворного судебного советника Франка. В 1693 г. генерал-лейтенант Фридрих Людвиг герцог фон Хольштайн выкупил этот участок у вдовы Франка, а также участки вдовы Неттельхорст и вдовы Христофа Хельмиха» и др. [15, S. 142]. Герцог построил здесь дворец с огромными боковыми флигелями (Хинтерросгартен, 55–57, разобран в 1888 г.).

На плане В. Мюллера (1815) представлен значительный по размерам П-образный в плане дом, позади которого на берегу Замкового пруда простирался регулярный парк (рис. 16).

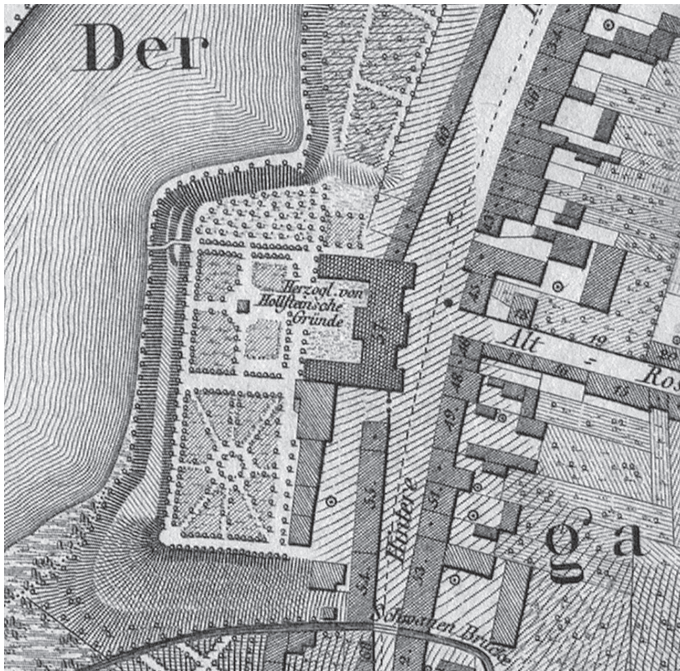

Рис. 16. План Кёнигсберга (фрагмент). В. Мюллер. 1815 [12]

Как известно, юному герцогу Карлу Фридриху фон Хольштайн-Беку (1757–1816) Кант читал приватно в его дворце на Фордерросгартене (видимо, речь идет о том же здании, что на Хинтерросгартене), а в 1775 г. философ рекомендовал своего ученика Лафатеру, за что тот благодарил его в письме из Лозанны [21, S. 65].

Бывший участок герцога Ф.Л. Хольштайна на берегу Замкового пруда впоследствии перешел к директору военной и поместной палаты кёнигсбергского замка Фридриху Альбрехту фон Борке (1730–?) и со временем превратился в известный общественный сад, где проводились концерты учащихся [20, S. 72]. А. Бёттихер отметил, что в его время здесь еще стояло несколько прекрасных деревьев, а неподалеку, в доме директора банка Крюгера, жил когда-то поэт, общественный деятель и друг Канта Иоганн Георг Шеффнер (1736–1820); есть сведения о том, что он также жил на Буттенберге (Масляная гора) в районе Нойросгартен (Новый конный сад).

Бёттихер описал фрагмент внешнего оформления здания, окна которого имели рельефные наличники с разнообразными завершениями, простенки членились пилястрами, опиравшимися на постаменты с квадратными нишами. С 1809 г. во дворце размещалась комендантура [17, S. 143].

В.Д. Вагнер приводит изображение здания, расположенного на углу Росгартенмаркт и Кёнигштрассе, которое также принадлежало герцогам Хольштайн-Бек [32, S. 101] (рис. 17).

Рис. 17. Кёнигсберг, дворец герцога Хольштайн-Бекского. Архитектор И. Шульцхайс фон Унфрид (?), 1700. Фото до 1945 [30, S. 302]

Дворец на фотографиях, опубликованных В. Д. Вагнером, представлял собой Г-образное в плане двухэтажное здание под высокой вальмовой крышей. Вертикальные многочастные окна выделялись широкими наличниками, фасад по вертикали членился широкими лизенами. Немецкий архитектуровед датировал здание 1700 г. и на основании характерных деталей — скошенного угла дома и широких декоративных лизен, членивших фасад, предположил, что его мог построить придворный архитектор И.Л. Шульцхайс фон Унфридт (1678–1753). Однако историка архитектуры города смутило, что официально молодой зодчий появился в Кёнигсберге лишь в 1702 г. [30, S. 302].

В городе в XVIII в. расцветала светская жизнь. Это было галантное время культуры позднего барокко и рококо, как и набиравшей силу эпохи Просвещения. Граф, дипломат и государственный деятель А.Р. Воронцов (1741–1805) оставил заметки о периоде Семилетней войны. Он писал, что «в Кёнигсберге много дворян, живущих открыто, как напр[имер] Финки, Денгофы и др. Все они казались спокойными и довольными нашим владычеством. Там также постоянно жили некоторые принцы и принцессы Голштинского дома. <...> В других дворянских домах часто давались балы, и я могу сказать, что проводил мое время в Кёнигсберге очень приятно» [7, с. 64]. Не отставали от аристократии и богатые жители города — в домах купца Иоганна Шерре и придворного советника Хойера почти каждую неделю проходили домашние концерты и представления.

Заключение

В конце XVII и на протяжении XVIII в. в Кёнигсберге были возведены и переобстроены дворцы известных аристократических и наиболее богатых купеческих семейств (наряду с упомянутыми это также барочный дворец Дёнхофов на Росгартенском рынке, городской дом Лендорфов, дом купца Ф. Сатургуса и многие другие). Сведения о дворцах конца XVII — XVIII в. немногочисленны и противоречивы, что затрудняет процесс их изучения. Тема архитектуры канувшего в небытие города представляется неисчерпаемой, несмотря на замкнутость территории границами старинных земляных валов. Кёнигсберг, как и другие исторические города, предстает перед исследователями изменчивым организмом, образ которого зависит от многих факторов — архитектурной моды, запросов заказчиков, вкусовых пристрастий архитекторов, традиционных технологий, излюбленных строительных материалов и пр.

Список источников и литературы

1. *Белинцева И. В., Баранова Е. В., Верецагин В. А., Маслов В. Н.* Проект «Мир Иммануила Канта» и современные возможности виртуальной реконструкции Кёнигсберга XVIII века: архитектурно-скульптурная декорация здания почты на рыночной площади Альтштадта // *Academia. Архитектура и строительство*. 2022. № 4. С. 31–39.

2. *Белинцева И. В., Баранова Е. В., Верецагин В. А. и др.* Юнкерштрассе: опыт виртуальной реконструкции исторической улицы Кёнигсберга времени И. Канта. XVIII — начало XIX века. Часть 1 // *Academia. Архитектура и строительство*. 2024. № 1. С. 34–41.

3. *Белинцева И. В., Баранова Е. В., Верецагин В. А. и др.* Юнкерштрассе: опыт виртуальной реконструкции исторической улицы Кёнигсберга времени И. Канта. XVIII — начала XIX века. Часть 2 // *Academia. Архитектура и строительство*. 2024. № 2. С. 16–24.

4. *Белинцева И. В., Баранова Е. В., Верецагин В. А., Маслов В. Н.* Виртуальная реконструкция Рыночной улицы Старого города Кёнигсберга конца XVIII столетия: источники, технологии, история зданий, модели // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*. 2024. № 1. С. 41–71.

5. *Белинцева И. В., Баранова Е. В., Маслов В. Н.* Архитектура жилых домов Кёнигсберга: материалы для виртуальной реконструкции Длинной улицы Старого города (XIII — начало XIX в.) // *Вопросы всеобщей истории архитектуры*. 2024. № 1. С. 126–140.

6. [*Болотов А. Т.*] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1757–1762. СПб., 2022. Кн. 1: Текст / подгот. текста А. Ю. Веселовой.

7. *Воронцов А. Р.* Из воспоминаний «Заметки о моей жизни» // *Костяшов Ю., Кретинин Г.* Россияне в Восточной Пруссии: в 2 ч. Калининград, 2001. Ч. 2. С. 63–64.

8. *Кассирер Э.* Жизнь и учение Канта / пер. с нем. М. И. Левит. СПб., 1997.

9. *Кёстер Б.* Кёнигсберг. Сегодняшний Калининград. Архитектура немецкого времени. Калининград, 2014.

10. *Мюльфорд Х. М.* Königsberg von A bis Z [=] Кёнигсберг от А до Зет // *Балтийский альманах*. Калининград, 2015. Вып. 14. С. 81–188.

11. Объекты культурного наследия Калининградской области: ил. каталог. М., 2013.

12. План Кёнигсберга с пояснительным текстом. 1815 г. Гравировал Карл Маре (Берлин). Составил Валериан Мюллер. 4 печ. листа. 64 × 50 см // *Российский государственный военно-исторический архив*. Ф. 432. Оп. 1. Д. 2578. Л. 1–4.

13. *Рублёв В.* Петр Первый на картинах художников. URL: <https://yavarda.ru/pyotrveliki.html> (дата обращения: 13.03.2024).
14. *Albinus R.* Lexikon der Stadt Königsberg Pr. und Umgebung. Rautenberg, 1988.
15. *Baczko L.* Versuch einer Geschichte und Beschreibung Königsbergs. Königsberg, 1804.
16. *Bernoulli J.* Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland und Pohlen in den Jahren 1777 und 1778. Leipzig, 1779. Bd. 3: Reise von Danzig nach Königsberg, und von da nach Petersburg im Jahr 1778.
17. *Boetticher A.* Die Bau- und Kunstdenkmäler der Provinz Ostpreußen. Königsberg, 1897. Hf. 7.
18. *Dethlefsen R.* Stadt- und Landhäuser in Ostpreussen. München, 1918.
19. *Dohna H.* Waldburg-Capustigall. Ein ostpreussisches Schloss im Schnittpunkt von Gutsherrschaft und europäischer Geschichte. Limburg an der Lahn, 2009.
20. *Faber C.* Taschenbuch von Königsberg. Königsberg, 1829.
21. *Gause F.* Kant und Königsberg. Ein Buch der Erinnerung an Kants 250. Geburtstag am 22. April 1974. Leer, 1974.
22. *Gause F.* Königsberg in Preussen. Die Geschichte einer europäischen Stadt. Leer, 1989.
23. *Hauke K.* Das Bürgerhaus in Ost- und Westpreussen. Tübingen, 1967.
24. *Jäger E., Schreiner R.* Das alte Königsberg. Veduten aus 400 Jahren. Regensburg-Grünstadt, 1987.
25. Königsberg und sein Umland in Ansichten und Plänen aus Staatsbibliothek zu Berlin. Berlin, 2002.
26. *Mühlpfordt H. M.* Der Musenhof der Keyserlings in Königsberg // Mühlpfordt H. M. Königsberger Leben im Rokoko. Bedeutende Zeitgenossen Kants. Siegen, 1981. S. 1–23.
27. *Rohde A.* Königsberg Pr. Leipzig, 1929.
28. *Ulbrich A.* Kunstgeschichte Ostpreußens. Frankfurt a/M, 1932.
29. *Wagner W. D.* Reise durch Königsberg und Ostpreussen in 1000 Bilder. Königswinter, 2011.
30. *Wagner W. D.* Das Königsberger Schloss. Eine Bau- und Kulturgeschichte. Regensburg, 2008. Bd. 1: Von der Gründung bis zur Regierung Friedrich Wilhelms I (1255–1740).
31. *Wagner W. D.* Letzte Zeugnisse des barocken Königsberg. Zur Geschichte zweier bis heute erhaltener Barockhäuser in der Königstrasse // Preussische Allgemeine Zeitung. 2023. № 37. 14 Sept. S. 23.
32. *Wagner W. D.* Die Königstrasse in Königsberg i Pr. Aus der Geschichte einzelner Grundstücke und ihrer Eigentümer vom späten 17. bis ins frühe 19. Jahrhundert. Osnabrück, 2023.

Об авторе

Ирина Викторовна Белинцева — канд. искусствоведения, советник Российской академии архитектуры и строительных наук; доц., ведущ. науч. сотр., зав. отделом истории архитектуры и градостроительства Нового времени, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России») (Москва).

ORCID ID: 0009-0006-7126-7759

E-mail: belinceva@bk.ru

I. V. Belintseva

Königsberg palaces of the late 17th and 18th centuries

Public interest in the topic of Königsberg architecture of the late 17th and 18th centuries arose in connection with the preparation for the celebration of the 300th anniversary of the philosopher Immanuel Kant. The article traces the history of the construction and reconstruction of the palaces of the court nobility, which determined the image of Königsberg in Kant's century. In nowadays Kaliningrad, two houses of aristocratic families (11–13 Frunze Street), erected at the turn of the 17th — 18th centuries in the Baroque style, have been preserved in a modified form. Historical-comparative and iconographic methods allow one to reproduce to some extent the image of the palace development of Königsberg of the period under consideration.

Keywords: Königsberg, 17th and 18th centuries, architecture, styles of the era

The author

Irina V. Belintseva, Dr. (Art History), Advisor to the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences; Associate Prof., Leading Researcher and Head of the Department of History of Architecture and Urban Planning of the Modern Era, Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation), Moscow.

ORCID ID: 0009-0006-7126-7759

Теодор Готлиб фон Гиппель: обзор материалов к 3D-реконструкции портрета

Систематизирована информация о портретах Теодора Готлиба фон Гиппеля. Изображения сгруппированы по схожести черт его лица, деталей одежды. При этом отмечены различия в образах бургомистра Кёнигсберга. Приведены содержащиеся в научных и публицистических сочинениях о Гиппеле характеристики этих картин.

Ключевые слова: Теодор Готлиб Гиппель, Анна Доротея Лисиевская-Тербуш, Агата фон Рюдгиш, Людвиг Буххорн, Карл Лауфер, Пауль Генрих Коллин, Иоганн Фридрих Болт, Рудольф Леопольд Зимеринг, Эмиль Дёрстлинг, Станислав Кауэр

В рамках реализуемого в Балтийском федеральном университете им. И. Канта проекта «Мир Иммануила Канта» предусмотрено создание 3D-фильма. Его действие разворачивается летом 1789 г. В это время кёнигсбергскому философу нанес визит русский путешественник, будущий историк Н. М. Карамзин. По сценарию Кант после беседы с Карамзиным посетил своего друга, коллегу и ученика королевского аптекаря Карла Готфрида Хагена (Karl Gottfried Hagen, 1749–1829), а на следующий день на Рыночной площади около бывшей ратуши Старого города (Альтштадта) встретился и побеседовал с другом, кёнигсбергским обер-бургомистром Теодором Готлибом Гиппелем (Theodor Gottlieb Hippel).

В ходе реализации проекта возникла необходимость воссоздать облик Гиппеля в трехмерной модели. Для этого потребовалось выявить имеющиеся плоскостные изображения бургомистра, прежде всего портреты, близкие по времени создания к 1789 г. Вместе с тем был проведен поиск и других образов Гиппеля для того, чтобы проследить изменение его внешнего облика. На такой подход к выполнению поставленной задачи повлияло то, что порой не различают портреты кёнигсбергского бургомистра и писателя Теодора Готлиба Гиппеля-старшего и его племянника, полного тезки — Теодора Готлиба Гиппеля-младшего, путают информацию о картинах или

гравюрах. Например, в книге французской писательницы Г. Виткоп-Менардо об Э. Т. А. Гофмане помещены два изображения его друга Гиппеля-младшего. Однако под одной иллюстрацией об авторе и времени написания картины сделана подпись, из которой следует, что на данной странице должен быть портрет Гиппеля-старшего [2, с. 60; 49, S. 43; см. об этом: 39, p. 282].

Теодор Готлиб Гиппель, с 1790 г. — фон Гиппель, родился в Гердауне (ныне поселок Железнодорожный Калининградской области) 31 января 1741 г. В 1780 г. назначен бургомистром, в 1782 г. — обер-бургомистром Кёнигсберга. В 1786 г. Гиппель стал членом военного совета и президентом города [подробнее см.: 46]. Во второй половине 1750-х гг. учился в Кёнигсбергском университете, слушал лекции И. Канта. В 1760–1761 гг. жил в Российской империи, в Санкт-Петербурге [12, с. 328–329; 37]. Затем учился на юридическом факультете Альбертины; был успешным адвокатом, автором нескольких литературных произведений; состоял в масонской ложе [см., напр.: 3, с. 85–86; 9, с. 34–35, 64, 274, 671; 24; 30; 36; 38].

Как же выглядел бургомистр Гиппель-старший?

В 1768 г. кёнигсбергский книготорговец и издатель Иоганн Якоб Кантер (Johann Jakob Kanter) перенес из Альштатта в бывшую Лёбенихтскую ратушу книжный магазин. Его украсили 12 бюстов античных деятелей (Пиндара, Цезаря, Тацита, Плутарха и др.) и 9 портретов современников Кантера, в том числе шести кёнигсбержцев, которые часто посещали книжную лавку. Среди них — погрудный портрет двадцатисемилетнего Теодора Готлиба Гиппеля [28, S. 183; 29, S. 88; 41, S. 26] с густыми длинными волосами, облаченного в одежду с отложным воротником а-ля Шиллер [39, p. 282]. Автором картины была известная немецкая художница Анна Доротея Лисиевская (в замужестве Тербуш; Anna Dorothea Lisiewska-Therbusch, 1721–1782) [24, S. 9; см. также: 48], писавшая живописные полотна в стиле рококо. Вероятно, между 1810 и 1815 гг. художница Агата фон Рюдгиш (Agathe von Rüdgisch) по мотивам картины Тербуш создала портрет Гиппеля (рис. 1, 2), оформленный в раму в стиле рококо и переданный в Кёнигсбергский художественный союз в 1841 г. племянником бургомистра Теодором Готлибом Гиппелем-младшим [22, S. 10, 52; 38, S. 145, 233, Anwendung; 43; 45, S. 396].

Репродукцию произведения А. Тербуш обнаружить не удалось. Вместе с тем образ Гиппеля воспроизведен А. фон Рюдгиш, видимо, весьма близко к оригиналу. Это следует из сравнения этого полотна

и написанного А. Тербуш также в 1768 г. портрета немецкого пейзажиста и гравера, исторического живописца Якоба Филиппа Хаккерта (Jakob Philipp Hackert, 1737–1807), создавшего по заказу российской императрицы Екатерины II для Большого Петергофского дворца серию картин о русско-турецкой войне 1768–1774 гг. [20]. Копия, сделанная А. фон Рюдгиш, и портрет Хаккерта, хранящийся в Венской академии изобразительных искусств [35], близки по стилю, деталям одежды, рисунку локонов длинных волос.

На двух более поздних погрудных портретах Гиппеля, отличающихся друг от друга наклоном головы и техникой исполнения, некоторые элементы одежды бургомистра похожи на детали костюма, в котором Гиппель изображен на картинах А. Тербуш и А. фон Рюдгиш. Также в некоторой степени схожи формы глаз, рта, подбородка. Однако голова Гиппеля повернута вправо, а не налево, как в версии Тербуш. Фактически позже появившиеся портреты представляют собой переработанное и перевернутое изображение, созданное Тербуш и Рюдгиш. Если на их произведениях прядь волос закрывает наполовину правое ухо Гиппеля, то на новых скрывает половину левого уха. Один портрет выгравировал на меди Людвиг Буххорн (Karl Ludwig Bernhard Christian Buchhorn, 1770–1856). Автор монографии о Гиппеле У. Берг утверждает, что гравюра создана

Рис. 1. Т. фон Гиппель.
Портрет работы А. фон Рюдгиш
по картине А. Д. Тербуш

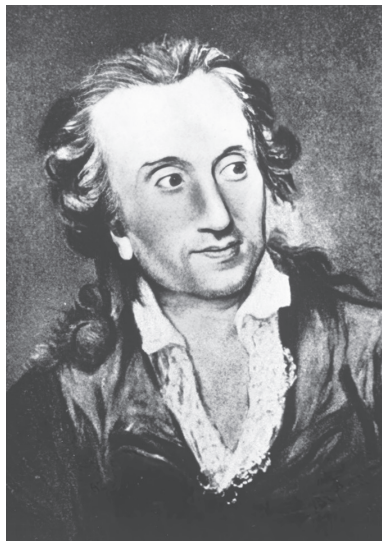

Рис. 2. Фрагмент портрета
Т. фон Гиппеля работы
А. фон Рюдгиш

Рис. 3. Т. фон Гиппель.
Гравюра на меди Л. Буххорна.
Не позднее 1835

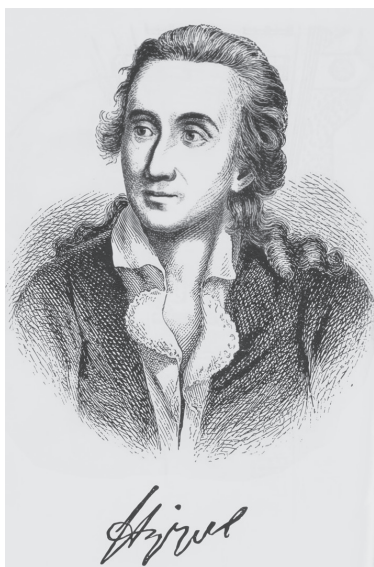

Рис. 4. Т. фон Гиппель.
Ксилография К. Лауфера.
Около 1840

не позднее 1835 г. в качестве иллюстрации к 12-му тому собрания сочинений кёнигсбергского бургомистра [24, S. 43] (рис. 3). Другое произведение — хранящийся в настоящее время в Берлинской государственной библиотеке офорт, изготовленный Карлом Лауфером (Carl Laufer) около 1840 г. [38, S. 140, 234; 39, p. 282, 493; см. также: 14] (рис. 4). Вполне вероятно, что эти портреты навеяны образом, воспроизведенным А. Тербуш, а затем А. фон Рюдгис.

Внешний облик кёнигсбергского обер-бургомистра, изображенного в профиль, представлен на плакете (памятной медали) из базальта, изготовленной Паулем Генрихом Коллином (Paul Heinrich Collin, 1748–1789) в 1784 г. (рис. 5). На лицевой стороне сделана надпись: “Oberbürgermeister Hippel” (Обер-бургомистр Гиппель), на реверсе — “Zu Königsberg in August 1784” (Кёнигсберг, август 1784) [9, с. 248; 27, S. 62; 42, S. 55–56; 44, S. 115, 120].

По мотивам плакеты в форме медальона выполнен графический портрет Гиппеля в его автобиографическом сочинении, изданном в 1801 г. [32; Frontispiz] (рис. 6).

На гравюре Иоганна Фридриха Болта (Johann Friedrich Bolt, 1769–1836), созданной в 1802 г. [25; см. также: 23, S. 431; 26, Frontispiz] (рис. 7), Гиппель запечатлен в профиль, но его голова, покрытая париком, повернута влево. В отличие от портрета Коллина, Гиппель изображен в сюртуке (так как не виден весь костюм, то можно

Рис. 5. Профиль Т. фон Гиппеля на плакете работы П.Г. Коллина. 1784

Рис. 6. Портрет Т. фон Гиппеля. 1801

предположить, что это строгий, официальный наряд), с пышным шейным платком. Черты лица бургомистра на этих портретах схожи, но существенно отличается длинный нос. На медальоне Коллина он прямой, на гравюре Болта — рельефный. По мнению люксембургского ученого Й. Конена, данное посмертное изображение Гиппеля является портретом высокопоставленного чиновника в конце жизни: «Этот профиль пятидесятилетнего мужчины с исхудавшим, но все еще мечтательным лицом производит впечатление типичного прусского бюрократа», причем «сухого, жесткого, педантичного, холодного прусского бюрократа» [39, р. 282–283, 352].

Рис. 7. Теодор Готтлиб фон Гиппель. Гравюра на меди И.Ф. Болта. 1802

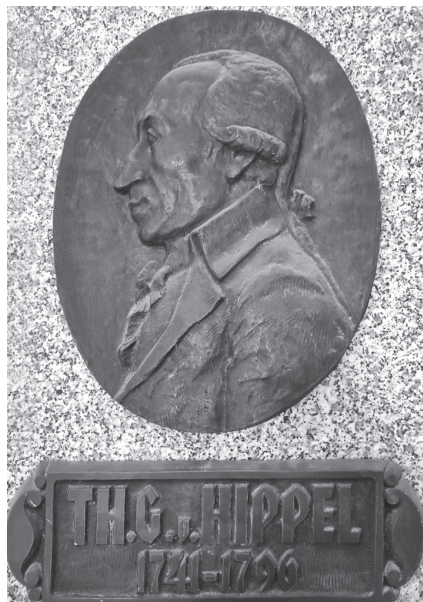

Рис. 8. Памятная доска Т. фон Гиппелю в корпусе БФУ им. И. Канта в Калининграде

Гравюра раньше находилась в частной коллекции, теперь хранится в Берлине в Тайном архиве прусского культурного наследия [38, S. 234].

По мотивам произведения Болта создана памятная доска Т. фон Гиппелю (рис. 8), открытая в фойе здания БФУ им. И. Канта на улице Университетской, 2 [24, S. 115] 21 сентября 1995 г. [12, с. 346]. Об этом событии Й. Конен написал: «Мне оказали честь в старом здании университета открыть памятную доску в честь Гиппеля. Ее автор — калининградский скульптор [Михаил Давыдович] Дунеман [1927–1995]. Доска была изготовлена на денежные средства, которые я получил в качестве премии» [10, с. 14].

Еще один портрет обер-бургомистра Кёнигсберга создан неизвестным автором и датируется периодом с 1771 по 1791 г. (рис. 9). Его репродукции многократно публиковались [см., напр.: 11, с. 80; 29, S. 158; 31, S. 16; 34, Frontispiece; 38, Frontispiz]. Данная поясная картина, написанная маслом, хранилась в музее «Пруссия» и была утрачена в конце Второй мировой войны [38, S. 140]. Гиппель на ней запечатлен сидящим за столом. Он опирается на небольшую стопку бумаг, лежащую на столе, и держит в руке книгу. Й. Конен так охарактеризовал портрет: «На нем изображен сидящей худощавый мужчина среднего роста лет сорока (на тот момент, когда он стал бургомистром Кёнигсберга, то есть в 1780 г. — *В. М.*), одетый в элегантный красный сюртук, уверенный в себе, держащий в пухлой руке полуоткрытую книгу. Узкое, вытянутое лицо... отличается высоким лбом и поразительно закругленными узкими бровями. Глубоко посаженные глаза, смотрящие вдаль, отражают меланхолическую натуру, но в то же время большой ум. Чрезмерно длинный рельефный нос и рот с чувственными губами принадлежат человеку волевому,

с эгоистическим характером» [Ibid.; см. также: 39, p. 281–282].

В 1773 г. Т. Гиппель стал королевским советником уголовной полиции [24, S. 10, 129], самым молодым в Кёнигсберге. Писатель Гиппель на страницах второго тома романа «Жизнеописания по восходящей линии», впервые изданного в 1779 г., охарактеризовал одного персонажа — королевского советника, который «отличался внешностью и умом и умел сохранять достоинство в глазах каждого. Ему было лет сорок. Он обладал утонченными познаниями, читал древних и знал писателей Нового времени. Он не стремился к тому, чтобы его слушали или почитали; но где бы ни находился, он излучал искры света. Он никого не притеснял, не уничтожал зародыши

остроумия у молодежи, сидящей с ним за столом, подводя сок к своим усыхающим от возраста ветвям. Ум и остроумие оставались для него умом и остроумием, откуда бы они ни появлялись... Наш советник умел быть оригинальным в самых обыденных вещах... Он не был женат. Говорят, что у него случилась несчастная любовь» (как и у Гиппеля). В романе словесно обрисован портрет советника: «Я все еще вижу перед собой этого мужчину с его открытым, очень открытым лбом, черными волосами, с глазами, в которых отражался весь его внутренний мир» (цит. по: [11, с. 78–79; 33, S. 181–182]).

И. Конен аргументированно предположил, что в образе королевского советника запечатлен сам автор романа — Теодор Готтлиб Гиппель. «Тот, кто видел портрет Гиппеля после назначения его в 1780 г. управляющим бургомистром, который висел в Прусском музее вплоть до падения Кёнигсберга, сразу все поймет. Высокий лоб, черные как смоль волосы, такие же темные глубоко посаженные глаза, благородная, почти королевская осанка того самого мужчины “около

Рис. 9. Портрет Т. Гиппеля.
Неизвестный художник.
Между 1771 и 1791

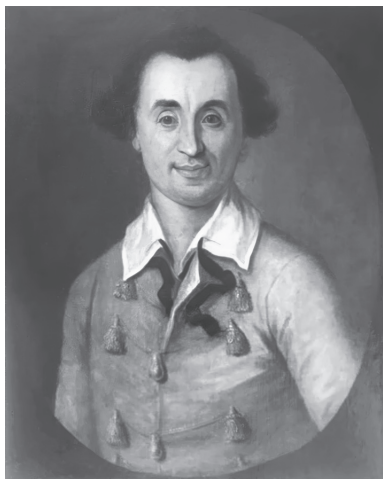

Рис. 10. Портрет Т. Гиппеля.
Неизвестный художник.
Вторая половина XVIII в.

сорока”, по которому видно, что он получил всестороннее образование — это мог быть только сам Гиппель! Его элегантная дипломатическая скромность, умение приспособляться к любой обстановке, его умная, изысканная речь и прежде всего похвальное упоминание его обширных знаний в области права, а также его готовность с открытым сердцем и умом принимать “игроков играющих”» [11, с. 80].

В 2003 г. потомки обер-бургомистра передали в Калининградский областной историко-художественный музей его портрет, выполненный неизвестным художником [8] (рис. 10). Изображение сотрудники музея датируют второй половиной XVIII в.

И. Владимирова, завершившая реставрацию картины в 2024 г., отмечает, что «по определенным косвенным признакам можно сказать, что [это прижизненный портрет]: по креплениям подрамника старым, по домотканому холсту — в XIX веке такие уже не использовали почти. Но на самом деле надо проводить... искусствоведческое исследование» (цит. по: [17]). Человек на портрете не скован рамками официальности, он улыбается, его взгляд добродушен и даже несколько лукав.

В Кёнигсберге имелся и скульптурный портрет Гиппеля. В 1860 г. скульптор Рудольф Леопольд Зимеринг (Rudolf Leopold Siemering, 1835–1905) подготовил из желтого песчаника медальоны для установки на фасаде правого флигеля (если смотреть из строения) нового здания Кёнигсбергского университета под аттиком над каждым из окон. Среди изображений выдающихся людей Альбертины укреплен бюст Т. фон Гиппеля-старшего [13, с. 356–357; 9, с. 165; 42, S. 165; 47, S. 10–11, Atlas. Bl. 1].

В полный рост Теодор фон Гиппель воспроизведен на полотне Эмиля Дёрстлинга (Emil Doerstling, 1859–1940), написанном в 1892–1893 гг. На картине изображены сотрапезники И. Канта [1] (об отношениях Канта и Гиппеля см.: [15, с. 157, 160–161, 164]). Среди них

сидящий за столом «Гиппель, элегантно одетый во все черное (или красное?), как бургомистр занимает почетное место» [11, с. 83], опираясь на стоящий рядом стул (рис. 11). Й. Конен подчеркивает, что глава Кёнигсберга здесь «изображен... с утонченными, сдержанными и несколько меланхоличными чертами лица» [38, S. 141].

Информация о внешности Гиппеля противоречива. С одной стороны, Дёрстлинг изобразил крупного, статного главу Кёнигсберга. Й. Конен также обращает внимание на то, что у обер-бургомистра была «благородная, почти королевская осанка» [11, с. 80]. С другой — некоторые имеющиеся описания облика Гиппеля-старшего противостоят этому портрету. В калининградской публицистике без указания источника информации констатируют, что Гиппель был «хилого телосложения». «Еще в детстве он выделялся среди сверстников остроумием, интеллектом и непонятно откуда взявшейся любовью к античной литературе. Физически Гиппель был слаб, поэтому сторонился шумных мальчишеских компаний, предпочитая в тишине и одиночестве предаваться чтению и мечтам. Борясь с телесной немощью, он рано воспитал в себе железную волю, а из-за постоянной нужды свел к минимуму материальные потребности» [21]. Писатель и культуролог А. Н. Попадин отмечает некрасивость Гиппеля: «Он имел утиный нос, невысокий рост, невзрачную внешность и чрезвычайно живой характер, склонный к парадоксам и авантюрам» [16].

Писатель Эрнст Теодор Амадей Гофман дружил с племянником и воспитанником Гиппеля — Гиппелем-младшим. В литературе

Рис. 11. Т. фон Гиппель (на переднем плане). Фрагмент картины Э. Дёрстлинга «Кант и его сотрапезники». 1892–1893

высказывается предположение, что писатель придал некоторые черты Гиппеля-старшего «крестному» Дроссельмейеру — чудаку, «замаскированному» под важного чиновника, — в сказке «Щелкунчик и Мышиный король». «Старший советник суда не отличался красотой: это был маленький, сухонький человек с морщинистым лицом, с большим черным пластырем вместо правого глаза и совсем лысый, почему он и носил красивый белый парик; а парик этот был сделан из стекла (из стеклянного волокна. — *Примеч. издателя*), и притом чрезвычайно искусно» [6, с. 10; см. также: 5; 16; 21].

Гиппель распорядился похоронить себя на кладбище для бедных. Затем останки обер-бургомистра и писателя перенесли на Нойросгартенское кладбище, а в 1924 г. — на место погребения ученых у обсерватории [4; 7, с. 40; 9, с. 613]. Летом 2016 г. во время строительства жилого комплекса в районе современной калининградской улицы Генерала Галицкого на месте старого профессорского захоронения в куче строительного мусора была обнаружена могильная плита Теодора Готлиба фон Гиппеля. «На найденной плите помимо имени выбиты годы жизни (1741–1796) и изречение на немецком языке: “Быть, а не казаться”» [18]. Надгробная плита передана в областной историко-художественный музей. Имевшийся на плите портрет Гиппеля утрачен. Возможно, это произошло еще во время английской бомбардировки города в 1944 г. или позже, в советское время, в ходе разбора развалин [18; о месте погребения Т. фон Гиппеля см.: 40]. Создателем барельефа был известный скульптор Станислав Кауэр (Stanislaus Cauer, 1867–1943). Автор справочника о кёнигсбергских скульптурах Г. Мюльпфордт утверждал, что портрет был изготовлен в 1914 г. из мрамора [42, S. 45]. Й. Конен пишет, что профиль Гиппеля Кауэр вырезал из красного гранита, а надгробное изображение и скульптурный портрет Гиппеля на фасаде университетского здания неточно передавали черты лица кёнигсбергского бургомистра [38, S. 141, 209].

Собранные материалы были переданы 3D-скульптору В.В. Капштыку (Санкт-Петербург). Опираясь прежде всего на гравюру 1802 г. как соответствующую официальному статусу главы города, он смоделировал трехмерный портрет Т.Г. фон Гиппеля (рис. 12). За основу реконструкции образа кёнигсбергского бургомистра в полный рост (рис. 13) взято его изображение на картине Э. Дёрстлинга; публицистические и художественные описания 3D-художник не принял во внимание.

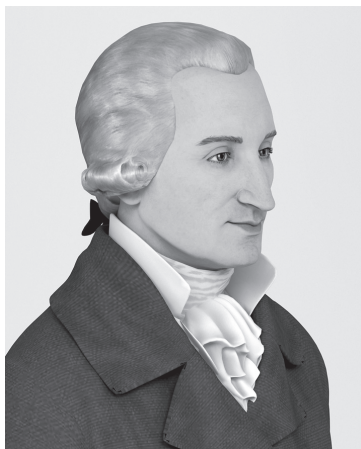

Рис. 12. Т. Гипсель.
3D-реконструкция портрета,
выполненная В. В. Капштыком.
2023

Изображения размещены на сайте
«Мир Иммануила Канта» [19].

*Исследование было поддержа-
но из средств программы стра-
тегического академического ли-
дерства «Приоритет 2030» БФУ
им. И. Канта.*

Рим. 13. Т. Гипсель.
3D-реконструкция фигуры,
выполненная В. В. Капштыком. 2023

Список источников и литературы

1. Баранова Е., Штурм Т. Виртуальная реконструкция дома Иммануила Канта. URL: <https://kant-online.ru/laboratoriya-kantianskaya-ratsionalnost-2/4882-2/> (дата обращения: 30.04.2023).

2. Виткон-Менардо Г. Э. Т. А. Гофман сам свидетельствующий о себе и о своей жизни (с приложением фотодокументов и других иллюстраций) / пер. с нем. О. Мичковского. Челябинск, 1999.

3. *Гальцов В. И.* Университет в Кёнигсберге. Хроника событий и люди. Калининград, 2007.

4. *Гиппель А.* Статья о Теодоре Готлибе фон Гиппеле Старшем для кёнигсбергского журнала № 88 “Königsberger Bürgerbrief” / пер. с нем. О. Мелешкевич. 2016. URL: <https://freunde-kants.wixsite.com/freunde-kants-ru/hippel> (дата обращения: 20.03.2023).

5. Гиппель, Теодор Готлиб фон. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гиппель,_Теодор_Готлиб_фон (дата обращения: 30.04.2023).

6. *Гофман Э. Т. А.* Щелкунчик и мышинный король. М., 2020.

7. Кант и Кёнигсберг / сост. В. П. Лебедев-Шапранов; пер. с нем. С. Х. Симкин, Ю. Волков. Калининград, 2005.

8. *Катериуша А.* Реставратор портрета друга Иммануила Канта: «Иногда позолоту стирают мокрой тряпкой, а старинную живопись протирают одеколоном» // Комсомольская правда (Калининград). 2024. 13 апр. URL: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/27591/4918301/> (дата обращения: 02.05.2024).

9. Кёнигсберг — Калининград: ил. энцикл. справочник. Калининград, 2006.

10. *Конен Й.* Мои встречи с Леонардом Калининковым // Кантовский сборник. 2011. Вып. 2 (36). С. 11–14.

11. *Конен Й.* Одно Кёнигсбергское общество друзей без участия Канта // Кантовский сборник. 2013. Вып. 4 (46). С. 76–84.

12. *Конен Й.* Россия глазами Гиппеля / пер. с нем. Е. Орел // Балтийский филологический курьер. 2003. № 3. С. 328–346.

13. *Лавринович К. К.* Альбертина: Очерки истории Кёнигсбергского университета. Калининград, 1995.

14. Литография «Теодор Готлиб фон Гиппель». URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Theodor_Gottlieb_von_Hippel_der_Ältere#/media/Datei:Theodor_Gottlieb_von_Hippel_d._Ä..JPG (дата обращения: 03.05.2024).

15. *Лысков А., Сафронов Р.* Господин обербургомистр обедает у Канта // Запад России. 1997. № 1 (18). С. 150–169.

16. *Попадин А. Н.* Дроссельмейер в жизни и в сказке. Теодор фон Гиппель, человек и персонаж. URL: <https://popadin39.livejournal.com/57734.html> (дата обращения: 04.05.2024).

17. *Разина Л.* «Теперь господин фон Гиппель улыбается»: как реставратор из Москвы вернула к жизни кёнигсбергского бургомистра. 15.04.2024. URL: <https://klops.ru/kaliningrad/2024-04-15/293430-teper-gospodin-fon-gippel-ulybaetsya-kak-restavrador-iz-moskvy-vernula-k-zhizni-kyonigsbergskogo-burgomistra> (дата обращения: 30.05.2024).

18. *Сомов А.* Теодор Гиппель — веселый президент Кёнигсберга // Страна Калининград. 2020. 5–11 февр. С. 15.

19. Теодор Готлиб фон Гиппель // Мир Иммануила Канта. Трёхмерная реконструкция Кёнигсберга времен жизни великого философа. URL: <https://worldkant.ru/people/gippel/> (дата обращения: 20.03.2023).

20. Якоб Филипп Хаккерт. Германия. 1737–1807. Биография и информация. URL: https://artchive.ru/artists/331~Jakob_Filipp_Khakkert/biography (дата обращения: 03.05.2024).

21. Якишина Д. Обер-чудак Кёнигсберга // Новые колеса. 2007. 6 сент. URL: https://old.rudnikov.com/article.php?ELEMENT_ID=18684 (дата обращения: 05.05.2024).

22. *Anderson E.* Zum 100 jährigen Bestehen des Kunstvereins Königsberg Pr. E. V.: ein Rückblick auf die Vereinstätigkeit. Königsberg, 1931.

23. *Bachor O.-W.* Der Kreis Gerdauen. Ein ostpreußisches Heimatbuch. Würzburg, 1968.

24. *Berg U.* Theodor Gottlieb von Hippel: Stadtpräsident und Schriftsteller in Königsberg, 1741–1796. Göttingen, 2004.

25. *Bolt F.* Theodor Gottlieb von Hippel (1741–1796). [1802]. URL: <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/b/bd/TheodorGottliebHippelFriedrichBolt1802.jpg> (дата обращения: 05.05.2024).

26. *Borowski L. E.* Ueber das Autorschicksal des Verfassers des Buchs: Ueber die Ehe — der Lebensläufe nach aufsteigender Linie u. a. m. Königsberg, 1797.

27. *Brinkmann J.* Beiträge der Töpferkunst in Deutschland // Jahrbuch der Hamburgischen Wissenschaftlichen Anstalten. 13. Jahrgang. 1895. Hamburg, 1896. S. 43–77.

28. *Dreher C. R.* Der Buchhandel und die Buchhändler zu Königsberg in Preußen im 18. Jahrhundert // Archiv für Geschichte des deutschen Buchhandels. Leipzig, 1896. Bd. 18. S. 148–219.

29. *Gause Fr.* Kant und Königsberg: Ein Buch der Erinnerung an Kants 250. Geburtstag am 22. April 1974. Leer, 1974.

30. *Grimoni L.* Theodor Gottlieb von Hippel: Ein früher Vertreter der Frauenemanzipation // Königsberger Bürgerbrief. 2017. № 89. S. 38–41.

31. *Hansen M.* Kreis Gerdauen unvergessen. Rendsburg, 1994.

32. *Hippel T. G.* Biographie des Königl. Preuß. Geheimenkriegsraths zu Königsberg, Theodor Gottlieb von Hippel, zum Theil von ihm selbst verfaßt. Gotha, 1801.

33. *Hippel T. G.* Lebensläufe nach Aufsteigender Linie // Samtliche Werke. Berlin, 1828. Bd. 2. S. 1–445.

34. *Hippel T. G.* On marriage. Detroit, 1994.

35. *Hirhager U.* Damaging the silence and order at the institute. Women and the Academy of Fine Arts Vienna // Sztuka i Dokumentacja. 2023. № 29. S. 73–83.

36. *Jäger H.-W.* Hippel, Theodor Gottlieb von // *Neue Deutsche Biographie*. 1972. Bd. 9. S. 202–203 [Online-Version]. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd11855137X.html#ndbcontent> (дата обращения: 30.04.2023).

37. *Kohnen J.* Hippels Rußlandbild // *Königsberger Beiträge*. Von Gottsched bis Schenkendorf / hrsg. J. Kohnen. Frankfurt a/M; Berlin; Bern, 2002. S. 139–161.

38. *Kohnen J.* Theodor Gottlieb von Hippel. Eine zentrale Persönlichkeit der Königsberger Geistesgeschichte. Biographie und Bibliographie. Lüneburg, 1987.

39. *Kohnen J.* Theodor Gottlieb von Hippel. 1741–1796: L’homme et l’œuvre. Bern; Frankfurt a/M; N. Y.; Nancy, 1983. Vol. 1.

40. *Lindemann-Stark A.* Hippels Grab. Ein Kuriosum Königsberger Stadtgeschichte // *Königsberger Beiträge*. Von Gottsched bis Schenkendorf / hrsg. J. Kohnen. Frankfurt a/M; Berlin; Bern, 2002. S. 163–180.

41. *Minden D.* Vortrag über Porträts und Abbildungen Kants // *Schriften der physikalisch-ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg*. 1868. Bd. 9. S. 24–34.

42. *Mühlpfordt H. M.* Königsberger Skulpturen und ihre Meister 1255–1945. Würzburg, 1970.

43. *Osman S.* Glanzlichter in der abendländischen Kultur. Vier bedeutende Persönlichkeiten aus Ostpreußen wurden mit interessanten Neuerscheinungen auf dem Büchermarkt gewürdigt // *Ostpreußenblatt*. 1988. 11. Juni. Folge 24. S. 9.

44. *Rohde A.* Königsberg Pr. Leipzig, 1929.

45. *Schmidt-Liebich J.* Lexikon der Künstlerinnen 1700–1900. Deutschland, Österreich, Schweiz. München, 2005.

46. *Schneider F.* Theodor Gottlieb von Hippel als dirigierender Bürgermeister von Königsberg // *Altpreußische Monatsschrift*. Königsberg, 1910. Bd. 47. S. 535–569.

47. *Stüler A.* Das neue Universitäts-Gebäude zu Königsberg in Pr. // *Zeitschrift für Bauwesen*. 1864. H. 1–2. S. 1–14; Atlas. Bl. 1–6.

48. The images // Kant in the classroom. Materials to aid the study of Kant’s lectures. URL: <https://users.manchester.edu/facstaff/ssnaragon/kant/helps/life/icondata.html> (дата обращения: 05.05.2024).

49. *Wittkop-Ménardeau G. E. T. A.* Hoffmann in Selbstzeugnissen und Bild-dokumenten. Reinbek bei Hamburg, 1966.

Об авторе

Виталий Николаевич Маслов — канд. ист. наук, доц.; науч. сотр., Научно-исследовательский центр социально-гуманитарной информатики, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград).

ORCID ID: 0000-0002-1830-4657

E-mail: VMaslov@kantiana.ru

Theodor Gottlieb von Hippel: review of materials for 3D reconstruction of a portrait

The article systemizes information about the portraits of Theodor Gottlieb von Hippel. The images are grouped according to the principle of similarity of his facial features and clothing details. At the same time, the research notes the differences in the images of the burgomaster of Königsberg. The author shows the descriptions of these paintings in scientific and journalistic writings about Hippel.

Keywords: Theodor Gottlieb Hippel, Anna Dorothea Lisiewska-Therbusch, Agathe von Rüdgersch, Ludwig Buchhorn, Carl Laufer, Paul Heinrich Collin, Johann Friedrich Bolt, Rudolf Leopold Siemering, Emil Doerstling, Stanislaus Cauer.

The author

Vitaly N. Maslov, Dr. (History), Researcher, Associate Professor; Research Centre for Social and Humanitarian Informatics, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

ORCID ID: 0000-0002-1830-4657

Между Талмудом и скальпелем: российские диссертанты в Кёнигсбергском университете во второй половине XIX — начале XX века

Исследование посвящено социально-исторической характеристике российских диссертантов в Кёнигсбергском университете во второй половине XIX — начале XX в. На основе автобиографических разделов диссертаций, университетских справочников и матрикулов установлено, что большинство российских диссертантов приезжало в Кёнигсберг из черты оседлости, меньшую часть составляли балтийские немцы. Основными факультетами, на которых обучались соискатели, были медицинский и философский. Пики диссертационной активности приходятся на конец 1880-х и начало 1900-х гг., что, вероятно, связано с изменениями в политике российских властей в отношении еврейского населения. Имеющиеся данные свидетельствуют об отсутствии административных ограничений для иностранцев на медицинском и философском факультетах.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, Кёнигсбергский университет, российско-германские научные контакты, студенческая эмиграция

История присутствия россиян в Кёнигсбергском университете традиционно вызывает интерес со стороны отечественных исследователей. При этом в историографии «русской Альбертины» наблюдается перевес в пользу XVIII в. В частности, калининградские историки Ю. В. Костяшов и Г. В. Кретинин на основе источников из российских архивов разрабатывали в начале 1990-х гг. такие темы, как «Петровские студенты в Кёнигсберге» [6; 7], «Россияне в Кёнигсбергском университете в период Семилетней войны» [8], «Кёнигсбергский университет и российское Просвещение» [6]. Были изданы и монографические исследования по истории Кёнигсбергского университета, в которых большое внимание уделено российскому следу в истории Альбертины XVIII в. [2; 9].

Между тем опыт пребывания российских студентов в Кёнигсберге в XIX в. практически не исследован. Так, например, не система-

тизирована информация о том, на каких факультетах чаще всего обучались наши соотечественники, чему были посвящены их диссертации, как складывались взаимоотношения с преподавателями и другими студентами, какие академические маршруты выстраивали россияне после завершения обучения и т. д.

В центре настоящего исследования стоят следующие вопросы: кем были российские диссертанты в Кёнигсбергском университете (этническая, социальная и профессиональная характеристика), что побуждало их выбрать для обучения именно Альбертину, как проходило обучение будущих российских соискателей в столице Восточной Пруссии и как складывалась их последующая судьба. Хронологические рамки исследования охватывают период со второй половины XIX до начала XX в. (до 1914 г.). Выбор именно этого периода обусловлен тем, что в XVIII — первой половине XIX в. диссертационная активность россиян в Альбертине носила эпизодический характер — периоды без «российских защит» могли продолжаться несколько десятилетий, по большей части российские диссертанты были немцами, переехавшими в Россию в период правления Петра I¹.

Для начала важно сделать понятийное уточнение. Как корректно назвать студентов из Российской империи в изучаемый период: русскими или россиянами? В историографии существует несколько подходов к решению этого вопроса. Сторонники первого подхода традиционно обозначают всех студентов из России как «русских». Например, А. Ю. Андреев в своей книге подробно разбирает этот вопрос и использует обозначение «русские студенты», руководствуясь в первую очередь территориальным критерием [1, с. 12–18]. В первую очередь принимается во внимание указанное в университетском матрикуле место рождения студента.

Приверженцы второго подхода считают, что использование понятия «русские студенты» создает множество очевидных сложностей, прежде всего не учитывается конфессиональное и национальное разнообразие студентов из Российской империи. Этот вопрос обсуждался в российской прессе еще в начале XX в. [Там же, с. 12].

¹ В XVIII в. на разных факультетах Альбертины докторские степени получили следующие россияне (в скобках указаны годы присуждения степени): Иосия Вейтбрехт (1737), Иван Парфёнович Хмельницкий (1761), Иван Максимович (1773), Нестор Герасимович Квятковский (1784).

В связи с этим многие российские и немецкие исследователи предпочитают обозначать студентов из России, обучавшихся в немецких университетах в XIX — начале XX в., как «россиян» [11; 14; 23]. Подобное решение, с одной стороны, указывает на общее территориальное происхождение студентов, а с другой — не препятствует дальнейшему выделению этнических групп (см., напр.: [23, S. 18–26]). Конечно, и такой подход имеет недостатки: в частности, не принимается во внимание самоидентификация студентов и то, как их воспринимали немецкие органы власти или университетские профессора.

Наконец, сторонники третьего подхода избегают обобщающих терминов и, опираясь главным образом на национальный критерий, рассматривают каждую группу студентов отдельно. Принимая во внимание все терминологические сложности, автор настоящей статьи избрал второй подход.

Основными источниками для исследования стали оцифрованные тексты диссертаций, в которых внимание было уделено не собственно научным текстам, а титульным листам, посвящениям и автобиографиям. Важно уточнить, что в XIX в. в немецких университетах существовало несколько видов диссертаций. Они различались по цели, присуждаемому статусу и требованиям к диссертанту. Основным видом являлась докторская диссертация (*Innauguraldissertation*), после защиты которой соискатель получал право преподавать в университете. Другим видом была габилитационная диссертация — как правило, бóльшая по объему работа, после защиты которой соискатель мог получить звание приват-доцента и профессорскую должность. В настоящем исследовании речь пойдет о первом типе.

При поиске текстов диссертаций и определении фамилий российских студентов существенно помогли созданные польскими и немецкими историками базы данных: одна содержит список кёнигсбергских студентов за 1821–1921 гг. [25], в другой собраны данные об университетских сочинениях и диссертациях, защищенных в Альбертине в период с 1544 по 1905 г. [26]. На титульных листах диссертаций размещалась информация о месте рождения диссертанта, его факультетской принадлежности и назначенных ему оппонентах. Важно уточнить, что место рождения могло не совпадать с местом происхождения диссертанта. В некоторых случаях удалось выяснить, что соискатели еще в школьном возрасте переехали из России в Германию, но по университетским справочникам все равно

проходили как студенты из России (об этих казусах будет сказано отдельно). В «Справочниках сотрудников и студентов Кёнигсбергского университета» (пример справочника: [16]) также содержится информация о том, когда будущий диссертант начал обучение в университете и где он проживал. Последнее особенно важно для подступов к реконструкции повседневности российских студентов в Кёнигсберге.

В посвящениях к диссертациям соискатели чаще всего указывали своих родителей или преподавателей. Из автобиографических текстов, сопровождавших диссертации, можно получить сведения о том, какой путь проделал диссертант перед обучением в Кёнигсберге, кем были его родители, у каких преподавателей он учился и т. д.

По сравнению с XVIII в., когда студенты из России постоянно присутствовали в Кёнигсберге по инициативе властей, в начале XIX в. важность Альбертины как образовательного центра для россиян снизилась [5, с. 57]: сам университет устарел по сравнению с другими (на западе немецких земель), расширилась сеть университетов в Российской империи, у потенциальных студентов, особенно состоятельных, появились возможности для более дальних образовательных путешествий. Возможно, именно с этим связано то, что по крайней мере по имеющимся на сегодняшний день данным в первой половине XIX в. в Кёнигсберге российские студенты не защитили *ни одной* диссертации.

Ситуация существенно изменилась в 1860-е. С 1868 по 1914 г. на философском, медицинском и юридическом факультетах Альбертины защитилось 105 диссертантов из Российской империи: 70 — на медицинском факультете, 34 — на философском и 1 — на юридическом. В этот период в диссертационной активности россиян в Кёнигсберге практически не было пробелов. Максимальный период без защит длился 3 года (1869–1871). Общие пики активности пришлись на 1885–1887 гг. (2 диссертации на философском факультете и 8 на медицинском²) и 1890–1891 гг. (одна диссертация на философском

² На медицинском факультете в этот период получили степень следующие студенты из России: Герман Вольпе (Hermann Wolpe), Саломон Шнейерсон (Salomon Schneierson), Грегор Натансон (Gregor Natanson), Давид Робинсон (David Robinsohn), Кальман Давидсон (Kallmann Davidsohn), Григорий Вольфович (Grigory Wolfowicz), Ширах Гроль (Sirach Groll), Бернхард Якобсон (Bernhard Jacobsohn). На философском факультете степень получили Герман Минковский (Hermann Minkowski) и Абрахам Тавроги (Abraham Tawrogi).

факультете и 7 на медицинском³), в начале XX в. соискатели с философского факультета обошли своих коллег с медицинского: в 1900–1905 гг. было защищено 12 диссертаций на медицинском факультете и 20 — на философском⁴.

Обобщенные данные рожают множество вопросов. Во-первых, почему именно 1860-е годы стали вехой в диссертационной активности россиян в Альбертине? Для ответа требуется обратиться к более широкому контексту, связанному с положением евреев в Российской империи в период правления Александра II. Период 1861–1864 гг. был отмечен рядом преобразований в «еврейском вопросе»: так, имевшие ученую степень евреи получили право жить вне черты оседлости, свободно выбирать род занятий и поступать на государственную службу [12, с. 509–510], согласно новому уставу гимназий и прогимназий были отменены ограничения для обучения евреев [13, с. 172]. Можно предположить, что, несмотря на эти прогрессивные

³ На медицинском факультете: Кальман Блох (Calman Bloch), Макс Захариас (Max Zacharias), Макс Блитштайн (Max Blitstein), Ойген Зегал (Eugen Segall), Георг Гроте (Georg Grote), Фридрих Биддер (Friedrich Bidder), Эдуард Аншпах (Eduard Ansprach). На философском факультете докторскую степень получил Мориц Клоц (Moritz Klotz). Часто в источниках (например, на титульных листах диссертаций и в университетских справочниках) встречаются разные варианты написания имен и фамилий россиян. В большинстве случаев неизвестно, как они писались кириллицей, поэтому в данной статье предложено наиболее вероятное их написание.

⁴ На медицинском факультете: Самсон Крайс (Samson Kreis), Мендель Радилловский (Mendel Radilowski), Ральф Соколовский (Ralph Sokolowsky), Исидор Гарфеин (Isidor Garfein), Адольф Фриденталь (Adolf Friedenthal), Роберт Бирих (Robert Bierich), Артур Магнус (Arthur Magnus), Вернер Конопка (Werner Konopka), Мейлах Зельдин (Meilach Seldin), Эвел Робсманн (Ewel Robsmann), Нахим Зегал (Nachim Segal), Замуэль Гольдман (Samuel Goldmann). На философском факультете: Беньямин Шапиро (Benjamin Schapiro), Нахмон Рахмилевич (Nachmon Rachmilewitz), Симон Берхин (Simon Berchin), Йозеф Бунимович (Joseph Bunimowicz), Йозеф Могилеввер (Joseph Mohilewer), Бертольд Ноттбек (Berthold Nottbeck), Мовша Шейнберг (Mowscha Scheinberg), Исаак Верниковский (Isaak Wiernikowski), Мордехай Лейзер Каплан (Mordechai Leiser Kaplan), Лейзер Холодец (Leiser Cholodetz), Идель Пайм (Idel Peim), Абрахам Сарсовский (Abraham Sarsowsky), Беньямин Зиев (Benjamin Siew), Эрих фон Унгерн-Штернберг (Erich von Ungern-Sternberg), Йонас Анцель Зальцер (Jonas Antzel Salzer), Йозеф Либерман (Joseph Lieberman), Йозеф Эдмунд фон Волосевич (Josef Edmund von Wolosewicz), Ури Уринсон (Uri Urinsohn), Берка Шмишелевиц (Berka Schmischelewitz), Макс Мейер Карлин (Max Meyer Karlin).

меры, получение ученой степени в российских университетах все еще было сопряжено с рядом сложностей и заграничные университеты, в частности немецкие, предоставляли более удобные возможности для обучения и получения степени. Известная исследовательница русско-немецких университетских контактов Труде Маурер усматривает причину большого числа российских студентов еврейского происхождения после 1887 г. в немецких университетах в том, что в этом году была установлена процентная норма приема евреев в высшие учебные заведения Российской империи. Согласно этой норме, в университетах, расположенных в черте оседлости, евреям разрешалось учиться в количестве не более 10% от всех студентов, вне черты — не более 5%, а в университетах Петербурга и Москвы — не более 3% [11, с. 234].

Пиковая активность российских молодых ученых в Альбертине может быть связана с различными факторами. Если более внимательно рассмотреть состав защитивших диссертации в 1885–1887 гг., обнаружится, что большая часть будущих диссертантов была зачислена в Альбертину в 1882–1883 гг. Можно предположить, что здесь сошлись два фактора: во-первых, к началу 1880-х достигли возраста те молодые представители еврейских общин, которые в 1860-е гг. благодаря политике Александра II получили возможность обучаться в гимназиях и выстроили таким образом фундамент для последующего обучения в университете. Во-вторых, в начале 1880-х гг. эти люди столкнулись с контрреформами Александра III и ростом числа погромов. Таким образом, диссертанты, защитившиеся в 1885–1887 гг., получили общее образование в России при Александре II, но при сыне «царя-освободителя» были вынуждены покинуть родину.

Большое количество защит в начале XX в. можно объяснить общим увеличением количества студентов из России в германских университетах. Это связано с событиями Первой русской революции, когда «почти все российские университеты приостановили работу в результате сложного стечения таких факторов, как бойкоты лекций студентами, закрытие учреждений властями и прекращение доцентами своих занятий» [Там же, с. 200]. Очевидно, что на динамику защит влияли и другие факторы, связанные в том числе с политикой прусских властей в еврейском вопросе, с преподавательским составом Альбертины и т. д. Исследование этого вопроса — задача для отдельной статьи.

География происхождения диссертантов довольно обширна (от Читы и Верхнеудинска до Варшавы⁵), однако половина соискателей все же родилась на западной окраине Российской империи: 52 соискателя приехали в Кёнигсберг из региона между Тельшяем на севере и Могилёвом на юге, Витебском на востоке и Варшавой на западе. Подобная география, очевидно, была предопределена еврейским происхождением абсолютного большинства диссертантов. Выбор Кёнигсберга для обучения мог быть обусловлен различными факторами, самый очевидный из них — географический, поскольку Кёнигсбергский университет был самым близким к российской границе немецким университетом. Это, скорее всего, означало и меньшие транспортные расходы при переезде, и более доступные поездки к родственникам в России. В целом во второй половине XIX в. Восточная Пруссия была местом активного взаимодействия между Россией и Германией. Можно предположить, что в этом пограничье во второй половине XIX — начале XX в. существовала сформированная представителями еврейских общин сеть коммуникаций: по обе стороны имелись разнообразные деловые и родственные связи, которые очевидно облегчали деятельность в таких разнообразных сферах, как торговля, контрабанда революционной литературы, получение образования [3, с. 55].

Важно уточнить, что указанное в университетском справочнике место рождения студента могло не совпадать с реальным местом происхождения. В некоторых случаях удалось выяснить, что соискатели ещё в школьном возрасте переехали из России в Германию, но по университетским справочникам всё равно проходили как студенты из России. В качестве примера можно привести случай Макса Захариаса, защитившегося в 1890 г. на медицинском факультете [41]. Он родился в 1863 г. в Ковно в семье торговца, это указано и в справочнике, и в биографическом разделе диссертации [16, S. 28; 40, S. 28], однако, видимо, с начала 1880-х Захариас жил

⁵ В Чите родился Мордехай Элисберг (Mordechäus Elisberg), он получил докторскую степень на медицинском факультете Альбертины в 1899 г. В Верхнеудинске (нынешний Улан-Удэ) родился защитившийся в 1896 г. на медицинском факультете Якоб Бавли (Jakob Bawli). В Варшаве родились следующие диссертанты: Йозеф Лёвенштайн (Jozef Löwenstein) — получил степень на философском факультете в 1908 г., Лея Клачкин (Leia Klatschkin) — медицинский факультет, 1911 г., Генрих Мюнц (Heinrich Münz) — медицинский факультет, 1914 г.

в Кёнигсберге; он обучался в Альтштадтской гимназии и закончил ее в 1884 г. [19, S. 71]. Аналогичная судьба была и у братьев Германа и Оскара Минковских [33; 40]. Можно также привести пример химика Бенямина Зиева. В университетском матрикеле указано, что он родился в Алседжяе в 1879 г., затем получил некое «первичное образование» (Vorbildung) в Берлине, где позже, с октября 1897 по октябрь 1899 г., посещал занятия в университете. После этого он сдал гимназические экзамены в гимназии Фридрихсвердера и поступил в Сорбонну⁶, где, однако, учился недолго — весной 1901 г. уже был зачислен в университет в Кёнигсберге как студент из Алседжяя. Можно ли с полной уверенностью причислять этих диссертантов к множеству «русские студенты», — вопрос, ответ на который, скорее всего, потребует индивидуального подхода к каждому случаю. В любом случае как минимум с формально-административной точки зрения по месту рождения это были действительно российские студенты.

Возвращаясь к анализу образовательных предпочтений диссертантов, можно сказать, что преобладание диссертантов на медицинском факультете связано с общими образовательными предпочтениями молодых представителей еврейских общин того времени. Студенты еврейского происхождения и в российских, и в немецких университетах часто выбирали медицину. Медицинское образование, тем более наличие ученой степени, давало ряд преимуществ и защищало от дискриминационных мер. Возможно, в Германии профессия врача обеспечивала эмигрантам возможность для стабильного заработка. Диссертанты с философского факультета, как правило, были химиками — кафедра химии в изучаемый период входила в состав философского факультета. Меньшая часть диссертантов с этого факультета — гебраисты и востоковеды, среди которых можно выделить таких ученых, как Израиль Франк-Каменецкий (Israel Frank-Kamenetzky) [4, с. 826], Шмария Левин (Schmarja Levin) [10], Исаак Верниковский (Isaak Wiernikowsky).

Контекстуализация собранных данных позволяет увидеть, что образовательные предпочтения российских студентов в Кёнигсберге

⁶ Видимо, для учебы в Сорбонне необходимым условием было наличие свидетельства о завершении гимназического образования. При этом в прусских университетах от иностранцев не требовали свидетельства об окончании школы [11, с. 198].

несколько отличались от предпочтений их коллег, например, из Грайфсвальдского университета, где во входящей в его состав сельскохозяйственной академии в Эльдене обучалось большое количество балтийских немцев, стремившихся получить образование, чтобы улучшить экономическое состояние своих поместий [11, с. 197–198].

Университет — место вхождения в профессиональное сообщество, в его стенах соискатели из России находили учителей и коллег. Оставленные в диссертациях благодарности дают возможность увидеть, у каких профессоров чаще всего обучались россияне. Защитившиеся на медицинском факультете чаще всего — по 17 раз! — выражали благодарность таким профессорам, как Альфред Грюнхаген (Alfred Gruenhagen, 1842–1912), Макс Яффе (Max Jaffe, 1841–1911), Бернхард Наунин (Bernhard Naunyn, 1839–1925). Для понимания общего контекста, той атмосферы, в которой обучались россияне, представляется целесообразным коротко затронуть биографии названных преподавателей Альбертины.

Родившийся в Кёнигсберге физиолог А. Грюнхаген с 1872 г. был профессором Альбертины и возглавлял Физико-медицинский кабинет. Грюнхаген — фигура неоднозначная, он начал свою исследовательскую карьеру с прорывных работ, но с годами его исследования все больше утрачивали актуальность и при этом, как отмечали современники, самомнение профессора росло [37, S. 70]. В 1883 г. он не был назначен преемником Вильгельма фон Виттиха (Wilhelm von Wittich, 1821–1884) на посту директора Физиологического института, что привело к усложнению отношений с факультетом [Ibid., S. 537]. В последующие годы лекции физиолога не пользовались популярностью, хотя российские диссертанты стабильно продолжали выражать ему благодарность до конца 1880-х. Примерно в 1890 г. Грюнхаген отказался предоставлять университетскому квестору отчеты, чтобы не признавать, что его учебные мероприятия больше не проводятся из-за отсутствия студентов [Ibid.]. Через четыре года после этого Грюнхаген завершил свою преподавательскую деятельность.

Фигура клинициста Бернхарда Наунина и его роль в жизни российских студентов в Кёнигсберге заслуживает отдельного исследования. Сын обер-бургомистра Берлина, он изучал медицину в родном Бонне, а в 1869 г. занял должность экстраординарного профессора Дерптского университета. В России он, однако, пробыл недолго — в 1871 г. он подал в отставку в связи с получением места в Бернском

университете. Совсем скоро, впрочем, Наунин покинул Берн и вернулся на Балтику — в 1872 г. он возглавил Кёнигсбергскую университетскую клинику.

В мемуарах Наунин вспоминал, что «немецкие факультеты того времени демонстрировали довольно низкую степень серьезности при присуждении докторских степеней», но в Кёнигсберге в этом деле «сохранялась строгость» и принимались только «достойные научные работы» [29, S. 275]. Наунин упоминал о двух случаях, когда он советовал студентам, которые сдали экзамен, но не «проявили достаточного таланта», чтобы написать диссертацию, попробовать с этими же текстами получить степень доктора в каком-нибудь другом немецком университете. В результате оба соискателя вскоре вернулись в Кёнигсберг как «доктора медицины» [Ibid.].

Как практикующий врач Наунин активно взаимодействовал с представителями еврейской общины Кёнигсберга и других провинциальных городов, он также консультировал тех, кто был в Кёнигсберге проездом [Ibid., S. 294]. Помимо этого нуждавшийся в практике Наунин часто путешествовал в Россию, где вел прием пациентов не только в крупных городах, но и в небольших пограничных поселениях [Ibid., S. 301]. В мемуарах ученый не пишет о том, играли ли его поездки какую-либо роль в привлечении студентов из России на учебу в Кёнигсберг, обсуждал ли он с кем-то из российских студентов их родные края, однако из текста можно заключить, что Наунин был настроен крайне доброжелательно по отношению к евреям из России.

Важную роль в обучении российских евреев в Кёнигсберге играл Макс Яффе. Он родился в 1841 г. в Силезии и переехал в столицу Восточной Пруссии в 1865 г., сразу же начал работать в университете и в 1873 г. занял должность профессора фармакологии. Вся свою научную жизнь он провел в Кёнигсберге и помимо своей основной должности был, как подчеркивал его преемник Александр Эллингер (Alexander Ellinger, 1870–1923), одним из «самых востребованных консультантов в городе, провинции и за ее пределами» [37, S. 265]. Яффе был также известен как врач, не обращавший внимания на социальный статус пациентов. Его долгая привязанность к Альбертине и отнимавшая много времени сторонняя деятельность привели к тому, что исследования Яффе были несколько однобокими, хотя тот же Эллингер писал, что до самого конца его учитель делал много «ценных открытий» (цит. по: [Ibid.]). Современники ценили Яффе за «тонкий юмор» и «золотое сердце», в городе о нем ходили анекдоты [32, S. 69].

В диссертациях, защищенных российскими соискателями на философском факультете, чаще остальных упоминаются химики Генрих Клиндер (Heinrich Klinger, 1853–1945) (17 раз) и Рейнхарт Блохман (Reinhard Blochmann, 1848–1920) (14 раз). Клиндер родился в 1853 г. в Лейпциге. После учебы в университете в родном городе он также провел несколько семестров в Бонне и Гёттингене. В 1875 г. он защитил диссертацию под руководством известного химика, будущего лауреата Нобелевской премии Отто Валлаха (Otto Wallach, 1847–1931). С 1895 по 1902 г. Клиндер занимал должность профессора фармацевтики и возглавлял Фармацевтико-химический институт Альбертины, в 1903–1922 гг. служил профессором химии. Во время работы в Кёнигсберге Клиндер уделял меньше внимания написанию научных работ, что, видимо, освободило время для руководства большим числом докторантов, среди которых было немало россиян. Блохман, помимо преподавания на кафедре химии, был активным просветителем и сотрудничал с восточнопрусскими промышленными предприятиями, нуждавшимися в научных консультациях в сфере технической химии [37, S. 328]. На факультете Блохман и Клиндер, специалисты в близких сферах, конкурировали. Учебники первого при этом продавались лучше. В 1906 г. карьера Блохмана пошла на спад, одновременно с этим возросло значение лаборатории Клингера [Ibid.]. Примечательно, что конкурирующие преподаватели содействовали в благодарностях российских диссертантов.

Таким образом, экскурсы в биографии популярных у соискателей из России профессоров показывают, что, видимо, на факультетах сохранялась толерантная по отношению к российским диссертантам атмосфера. Некоторые преподаватели медицинского факультета посещали Россию, взаимодействовали с представителями кёнигсбергской еврейской общины.

Процедуры получения докторской степени на медицинском и философском факультетах были довольно схожи. Согласно статуту медицинского факультета 1854 г.⁷, студент-иностранец, чтобы претендовать на получение ученой степени, должен был проучиться в университете четыре года, затем сдать *Tentamen philosophicum* — устный экзамен по логике, психологии, зоологии, ботанике, минералогии. Особенно тщательно проверялись познания соискателя в фи-

⁷ Процедура получения докторской степени описана по статутам медицинского факультета 1854 г. и философского факультета 1881 г.: [35, S. 29–35; 36, S. 26–30].

зике и химии. Экзамен принимали преподаватели философского факультета в присутствии декана медицинского факультета. С разрешения руководства медицинского факультета соискатель также мог быть освобожден от сдачи этого экзамена.

Соискателям с философского факультета не требовалось сдавать *Tentamen philosophicum*. Вместо этого они должны были предоставить «пробный трактат» (*specimen*). Если соискатель планировал защищать диссертацию по философии или истории, *specimen* должен был быть написан на латинском языке, в других случаях было возможно написание на немецком языке. Эта «проба пера» могла быть впоследствии использована в диссертации.

После успешной сдачи экзамена кандидат должен был написать на латинском языке прошение на допуск к получению докторской степени, в нем он представлял краткую автобиографию с описанием предыдущей учебы, подтверждал заверченный четырехлетний курс обучения и успешно сданный *Tentamen philosophicum* (на философском факультете — свидетельство о принятии «пробного трактата»). Далее на основе этого прошения факультет принимал решение о допуске кандидата к экзаменам по медицине. Последние состояли из предварительных экзаменов в устной и письменной формах и главного экзамена. В ходе письменного экзамена, проходившего в присутствии декана, соискатель должен был письменно (на латинском языке) выполнить задание из области теоретической или практической медицины. На философском факультете проверялись знания соискателя в таких областях, как философия, филология, история, математика, естественные науки. В ходе устного экзамена оценивалось умение кандидата вести научную дискуссию. Письменную работу соискателя оценивали преподаватели соответствующего факультета и голосовали за допуск или недопуск кандидата к главному экзамену.

В ходе главного экзамена преподаватели опрашивали соискателя, чтобы проверить его знания в различных сферах медицины или другой области знаний. Решение о результатах экзамена принималось большинством голосов экзаменаторов, в случае одинакового количества голосов право окончательного решения оставалось за деканом. После сдачи экзамена соискатель должен был предоставить факультету написанную на латинском или немецком языке диссертацию. В статуте медицинского факультета содержатся следующие требования к тексту: «темой диссертации может быть все, что имеет отношение

к медицине как к науке и искусству», «в диссертации могут излагаться новые собственные или чужие наблюдения, еще не подвергавшиеся научному анализу», также текст может быть посвящен «историческому или критическому обзору» уже произведенных исследований. Диссертация должна была быть написана без посторонней помощи — перед печатью соискатель подписывал соответствующее подтверждение. В статуте философского факультета предмет диссертационного исследования не оговаривается.

Защита диссертации — диспутация — начиналась с выступления оппонентов. Их должно было быть как минимум двое. Соискатель мог найти оппонентов самостоятельно, если же ему это не удавалось, то их назначал декан из числа приват-доцентов и студентов факультета. Также могли выступать и добровольные оппоненты. Иногда российские диссертанты выступали оппонентами на защитах своих соотечественников. Так, в 1876 г. на защите диссертации Соломона Вольфсона (Solomon Wolfsohn) ему оппонировал защитившийся на год позже Бертольд Пойрош (Berthold Peurosch) [39] — оба диссертанта при этом были учениками профессора М. Яффе. А в 1888 г. Герману Блоху (Hermann Bloch) оппонировал его брат Кальман [20]. Подобные случаи оппонирования своим соотечественникам происходили и на философском факультете. Так, в 1900 и 1901 гг. на защитах Нахмона Рахмилевича и Симона Берхина оппонировали Мордехай Каплан и Мовша Шейнберг соответственно [18; 31]. В 1902 г. Шейнберг был оппонентом уже у Каплана [24].

На основе имеющихся на сегодняшний день источников сложно детально реконструировать повседневную жизнь российских диссертантов в Кёнигсберге. Очевидно, что переезд в Кёнигсберг был сопряжен с рядом вопросов, один из которых — жилищный. Из издаваемых каждый год «Справочников служащих и обучающихся Альбертины» известны адреса российских диссертантов за 1870–1890-е гг. Анализ этих адресов дает возможность утверждать, что диссертанты, учившиеся на медицинском факультете, селились либо в квартале между улицами Oberlaak — Steindamm rechte Strasse — Steinhammer Wall Strasse⁸, либо на Форштадте⁹. Выбор первого района

⁸ В современном Калининграде этот квартал примерно ограничен Московским проспектом, улицей Генерала Галицкого и Ленинским проспектом.

⁹ Форштадт — район Кёнигсберга. Он находился в окрестностях современных улиц Ленинский проспект (от эстакадного моста до Дома искусств), Полоцкой и Краснооктябрьской.

вполне понятен: в окрестностях этих улиц находились многие важные для студентов-медиков учреждения — Анатомический институт, Медицинская университетская клиника, Хирургическая клиника и т. д. Выбор для проживания Форштадта можно объяснить тем, что в этом районе — в окрестностях Старой синагоги¹⁰ — жили многие представители еврейской общины. В списке адресов диссертантов философского факультета сложно усмотреть какую-либо закономерность, хотя университетские здания, связанные с кафедрой химии, находились в том же «медицинском квартале». Как следует из университетских справочников, диссертанты во время учебы довольно часто меняли адреса, некоторые жили каждый семестр на новой улице. Также по списку адресов можно судить о том, что будущие соискатели, если они не были родственниками, во время учебы не селились в одном доме.

Короткий путь от дома до учебных корпусов был удобен студентам-медикам, которые, скорее всего, много времени проводили в университетских клиниках. У ряда диссертаций в названии содержится подпись «из Хирургической / Глазной / Психиатрической клиники Кёнигсбергского университета» [21; 22; 34] или «Из Гигиенического института Кёнигсбергского университета» [17]. Это говорит о том, что соискатели основывали свои научные тексты на случаях из практики, полученной в университетских клиниках.

Естественно, учеба не была единственным занятием студентов из России. Так, известно, что будущие доктора наук были участниками сионистского движения. Как вспоминал российский диссертант Шмария Левин, немецкие и русские еврей-гебраисты в Кёнигсберге объединились в «Союз Маскилим» (*Verein der Maskilim*), на собраниях которого под видом научных дискуссий вели политические споры на злобу дня [15, S. 120]. Известно также, что еврейские студенты вместе отмечали национальные праздники. Например, венская еврейская газета *Die Welt* сообщала в январе 1901 г., что в декабре в Кёнигсберге в «Отеле Эпштейна»¹¹ отмечался праздник Маккавеев,

¹⁰ Старая синагога Кёнигсберга находилась на Synagogenstraße, 2. Ныне это место примерно соответствует адресу улица Краснооктябрьская, 7.

¹¹ На 1900 г. этот отель находился на Feuerstraße, 38. Ныне не существующая улица проходила между современным Ленинским проспектом и улицей Серпуховской. На некоторых картах встречается название *Vorstädtische Feuergasse*. Здание «Отеля Эпштейна» находилось на месте нынешнего дома 2/6 по улице Полоцкой.

на котором с речью выступил Йозеф Могилевер (Joseph Mohilewer) [30]. Последний защитил на философском факультете Альбертины диссертацию по психофизиологии Вильгельма Вундта (Wilhelm Wundt) [28]. Названный отель, видимо, был традиционным местом собраний еврейской молодёжи, в 1899 г. там же прошло первое собрание некоего сионистского союза, на нём выступали и российские диссертанты: Мейеровиц (Theodor Meyerowitz), Вольфсон [38]. Основываясь на сообщениях сионистской прессы, можно предположить, что студенты-евреи, прибывшие из России, становились частью еврейских сообществ Кёнигсберга.

Восточная Пруссия в изучаемый период была зоной транзита революционных идей, поэтому повседневные занятия российских студентов иногда могли идти вразрез с законом¹². Судя по воспоминаниям, знавшие о политической ситуации в России немцы с подозрением относились к еврейским студентам. Так, посещавший лекции Г. Клингера будущий писатель Эрнст Вихерт (Ernst Wiechert, 1887–1950) вспоминал, что русские евреи «стойчески терпели» лекции Клингера только для того, «чтобы с особой точностью начинить свои нигилистические бомбы, прежде чем бросить их под машину великого князя или министра полиции» (цит. по: [37, S. 328]). Обоснованность подобных стереотипов еще предстоит выяснить, однако некоторым студентам, видимо, удавалось совмещать политическую (или даже революционную) деятельность с подготовкой к защите диссертации. Так, начальник Варшавского районного охранного отдела докладывал 4 ноября 1910 г. со ссылкой на агентурные сведения о том, что в Кёнигсберге действует «Союз еврейского искусства и литературы», в котором «состоят интеллигенты, по большей части русские подданные, почти все принадлежащие к каким-нибудь революционным партиям. <...> Цель общества помогать политическим эмигрантам, главным образом ораторам, и распространять нелегальную литературу, преимущественно еврейскую» (цит. по: [3, с. 54]). В письме сообщались фамилии членов общества: Моисей Финк, Липманович и Бандалин — это были студенты Альбертины. Мозес (также встречается имя Мовша) Липманович в 1914 г. получил степень на медицинском факультете Альбертины [27]. Под фамилией Бандалин в Кёнигсбергском университете значилось двое студентов — видимо, братья Нохим и Хирш. Неизвестно, кого имел в виду начальник охран-

¹² См. подробнее: [3; 5, с. 59–60].

ки, но студент-медик Нохим получил степень в том же году, что его товарищ по «Союзу еврейского искусства и литературы» [17].

Для более полной реконструкции истории повседневности российских студентов в Кёнигсбергском университете необходимо привлечение широкого массива источников — сионистской прессы, российских студенческих газет, донесений прусских и российских полицейских органов. Приведенные выше сведения отражают все разнообразие того опыта, который получали (или, по крайней мере, наблюдали) российские соискатели в Кёнигсберге.

Отдельное просопографическое исследование, посвященное судьбам российских диссертантов после получения степени, еще предстоит провести. По имеющимся на сегодняшний день данным из адресных книг Кёнигсберга можно с некоторой уверенностью утверждать, что россияне не оставались в Кёнигсберге после защиты диссертации — например, не удалось найти кого-либо из диссертантов в списках кёнигсбергских врачей в адресных книгах изучаемого периода. Некоторые из получивших докторскую степень переезжали из Кёнигсберга в другие города Германии. Часть диссертантов вернулась в Россию. Среди них можно назвать Шмарию Левина (депутат Государственной думы I созыва), Теодора Мейеровица (врач в Ковно), Йозефа Могилевера (раввин в Белостоке) — судьбы российских диссертантов разнообразны, как и география их проживания после Кёнигсберга.

Студенты из России, получившие докторские степени в Кёнигсбергском университете, в большинстве были представителями еврейских общин, выходцами из черты оседлости. Помимо этого, имелось некоторое число диссертантов — немцев из балтийских провинций Российской империи. Самый восточный германский университет во второй половине XIX — начале XX в., видимо, предоставлял хорошие возможности для получения образования «экономкласса». Предположительно существовавшие трансграничные связи, личные контакты, толерантная атмосфера на медицинском и философском факультетах, преподаватели, знакомые с Россией, — все это, скорее всего, облегчало диссертантам жизнь на чужбине.

Следует признать, что очень немногие российские диссертанты вошли в историю науки. Среди ученых, оставивших заметный след в той или иной научной сфере, можно назвать математика Г. Минковского, патолофизиолога О. Минковского, востоковеда И. Г. Франк-Каменецкого. О траектории большинства диссертантов после полу-

чения степени мало что известно. Некоторые, насколько можно судить по имеющимся источникам, становились практикующими врачами или аптекарями. Иные были активными участниками сионистского движения и переселились в Палестину.

Сохранение памяти о россиянах, получивших степени в Кёнигсбергском университете, возможно в стенах Балтийского федерального университета им. И. Канта или на улицах бывшего «медицинского квартала» Кёнигсберга. Новые коммеморативные практики позволят разнообразить нарратив об Альбертине как о месте пересечения десятков молодых людей, стремившихся лечить людей, анализировать химические реакции, читать древние тексты. С началом Первой мировой войны единое образовательное пространство, существовавшее в этом российско-германском пограничье как минимум с 1860-х гг., было разрушено.

Список источников и литературы

1. *Андреев А. Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. М., 2005.
2. *Гальцов В. И.* Университет в Кёнигсберге. Хроника событий и люди. Калининград, 2012.
3. *Дементьев И. О., Шепель Я. Г.* Русские революционеры в Восточной Пруссии: забытые «места памяти» // Калининградские архивы. 2020. Вып. 17. С. 40–73.
4. *Каганович Б. С., Вольфцун Л. Б.* Материалы к биографии И. Г. Франк-Каменецкого // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXIV: материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. 22–24 июня 2020 г. СПб., 2020. С. 822–831.
5. *Костяшов Ю. В.* Восточная Пруссия в экономическом, общественном и культурном пространстве России во второй половине XIX — начале XX века // Acta Historica Universitatis Klaipedensis. 2012. Т. 24. С. 51–66.
6. *Костяшов Ю. В., Кретинин Г. В.* Петровское начало: Кёнигсбергский университет и российское просвещение в XVIII веке. Калининград, 1999.
7. *Костяшов Ю. В., Кретинин Г. В.* Российские студенты времен Петра I в Кёнигсберге // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 174–176.
8. *Кретинин Г. В.* Россияне в Кёнигсбергском университете в период Семилетней войны // Кретинин Г. В. Война и мир: исследования по российской и всеобщей истории. Калининград, 2018. С. 94–99.
9. *Лавринович К. К.* Альбертина: Очерки истории Кёнигсбергского университета. Калининград, 1995.

10. Левин Шмарьяху // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/zionism/parties-institutions/12380/> (дата обращения: 01.05.2025).
11. *Маурер Т.* «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015.
12. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. второе. Т. 36. Отд. второе. № 371191–37826. СПб., 1863.
13. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. второе. Т. 39. Отд. второе. № 41319–41641. СПб., 1867.
14. *Рогозин А. А.* Современная германская и российская историография о причинах популярности Германии в качестве страны обучения среди российских студентов в конце XIX — начале XX вв. // Социология. 2014. № 4. С. 140–146.
15. *Als Student in Königsberg. Erinnerungen bekannter Korporierten* / hrsg. von K. U. Bertrams. Hilden, 2006.
16. Amtliches Verzeichniß des Personals und der Studierenden auf der Königlich Albertus-Universität zu Königsberg in Pr. für das Winter-Semester 1884/85. Königsberg, 1885.
17. *Bandalin N.* Die Fragebogen bei Wohnungs-enquêtes. Aus dem Hygienischen Institut der Königl. Universität zu Königsberg i. Königsberg, 1914.
18. *Berchin B. S.* Über einige Alkyläther des Acetaldoxims: Inaugural-Dissertation. Königsberg, 1901.
19. Bericht über das Altstädtische Gymnasium zu Königsberg in Pr. von Ostern 1884 bis Ostern 1885, womit zu der öffentlichen Prüfung der Schüler aller Klassen am 27. März vormittags von 8½ und nachmittags von 3 Uhr an zugleich im Namen der Lehrer der Anstalt ganz ergebenst einladet der stellvertretende Dirigent Prof. Dr. O. Retzlaff. Königsberg, 1885.
20. *Bloch H.* Über elektromotorische Erscheinungen am bebrüteten Hühner-
ei: Inaugural-Dissertation. Königsberg, 1888.
21. *Frenkel E.* Das Verhalten der Gesichtsfeldgrenzen bei Stauungspapille: Aus d. Univ.-Augenkl. zu Königsberg i. P. Königsberg, 1913.
22. *Gurdus M.* Über maximale Torsion und Torsionsileus bei testis retentus: Aus d. chir. Universitätskl. in Königsberg i. P. Königsberg, 1913.
23. *Heidborn T.* Russländische Studierende an der Berliner Friedrich-Wilhelms-Universität und der Technischen Hochschule Berlin 1880–1914: Inaugural-Dissertation. Bonn, 2009.
24. *Kaplan M. L.* Beiträge zur Kenntnis der aliphatischen Ketoxime: Inaugural-Dissertation. Königsberg, 1902.
25. Königsberger Studenten von 1829 bis 1921. Arbeitsstelle für kulturwissenschaftliche Forschungen. URL: <https://www.forschungen-engi.ch/datenbanken/koenigsberger-studenten-von-1829-bis-1921> (дата обращения: 01.05.2024).
26. Königsberger Universitätschriften und Promotionen 1544 bis 1905. Arbeitsstelle für kulturwissenschaftliche Forschungen. URL: <https://www.for>

schungen-engi.ch/datenbanken/koenigsberger-universitaetsschriften-und-promotionen-1544-bis-1905 (дата обращения: 01.05.2024).

27. *Lipmanowitsch M.* Ueber Pemphigus der Schleimhäute mit Mitteilung eines neuen Falles. Königsberg, 1914.

28. *Mohilewer J.* Wundt's Stellung zum psychophysischen Parallelismus: Inaugural-Dissertation. Königsberg, 1901.

29. *Naunyn B.* Erinnerungen, Gedanken und Meinungen des Dr. B. Naunyn. Emeritierter Professor der inneren Klinik Universität Straßburg. München, 1925.

30. *N-s M.* Königsberg i. Pr. // Die Welt. 1901. № 3. 18. Januar. S. 10.

31. *Rachmilewitz N.* Ueber einige Derivate der Benzhydroxamsäure: Inaugural-Dissertation. Königsberg, 1900.

32. *Schüler-Springorum S.* Die jüdische Minderheit in Königsberg/Preussen, 1871–1945. Göttingen, 1996.

33. *Schwermer J.* Minkowski, Hermann // Neue Deutsche Biographie. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/sfz70725.html#ndbcontent> (дата обращения: 01.05.2024).

34. *Siskind S.* Os trigonum tali. Königsberg, 1909.

35. Statuten der medicinischen Facultät der Königlichen Albertus-Universität zu Königsberg. Königsberg, 1854.

36. Statuten der philosophischen Facultät der Königlichen Albertus-Universität zu Königsberg. Königsberg, 1881.

37. *Tilitzki C.* Die Albertus-Universität Königsberg. Ihre Geschichte von der Reichsgründung bis zum Untergang der Provinz Ostpreußen (1871–1945). Berlin, 2012. Bd. 1: 1871–1918.

38. *Wiernikowsky I.* Königsberg in O.-P. // Die Welt. 1899. № 16. 21. April. S. 12.

39. *Wolfsohn S.* Über die Wirkung der Salicylsäure und des salicylsauren Natrons auf den Stoffwechsel: Inaugural-Dissertation. Königsberg, 1876.

40. *Wormer E.J.* Minkowski, Oskar // Neue Deutsche Biographie. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd117578673.html#ndbcontent> (дата обращения: 01.05.2024).

41. *Zacharias M.* Über Nabelschnurumschlingungen und Nabelschnurvorfälle: Inaugural-Dissertation. Königsberg, 1890.

Об авторе

Яков Геннадьевич Шепель — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград).

ORCID ID: 0000-0002-9160-2140

E-mail: iakovshep@gmail.com

Ya. G. Shepel

Between the Talmud and the scalpel: Russian PhD candidates at the University of Königsberg in the second half of the 19th — early 20th century

The research is devoted to the socio-historical characteristics of Russian PhD candidates at the University of Königsberg in the second half of the 19th — early 20th century. Based on the autobiographical sections of dissertations, university reference books and matricula, it was established that the majority of Russian PhD candidates came to Königsberg from the Pale of Settlement, while a smaller number were Baltic Germans. The candidates studied mainly at the medical and philosophical faculties. The peaks of dissertation activity occurred in the late 1880s and early 1900s, which is probably due to changes in the Russian authorities' policy towards the Jewish population. The available data indicate that there were no administrative restrictions for foreigners at the medical and philosophical faculties.

Keywords: East Prussia, Russian-German scientific contacts, student emigration, University of Königsberg

The author

Yakov G. Shepel, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

ORCID ID: 0000-0002-9160-2140

Польское национальное меньшинство в Восточной Пруссии между мировыми войнами: проблемы самоопределения¹

Рассмотрены вопросы межнациональных и межгосударственных отношений, развитие польского национального движения в Восточной Пруссии в 1918–1939 гг. Охарактеризовано влияние на эти процессы взаимоотношений между Германией и Польшей в межвоенный период. Развитие национальной жизни вопреки германизаторскому курсу оказалось возможным благодаря деятельности сравнительно малочисленной польской интеллигенции в Восточной Пруссии, моральной и финансовой помощи Польского государства, а также польских благотворительных фондов и частных жертвователей.

Ключевые слова: Германия, Польша, Восточная Пруссия, польское движение, национальное меньшинство, межвоенный период

Восточная Пруссия — уникальный уголок Балтийского региона со сложным историческим прошлым. Войны, восстания, эпидемии, миграции, смена государственной принадлежности — все эти факторы оказывали значительное воздействие на демографическое развитие региона, вносили вклад в формирование его своеобразной этнической структуры. Ведь территория Восточной Пруссии издавна являлась зоной интенсивных этнических контактов, поскольку находилась на пограничье германского, славянского и балтийского миров. Эти земли, не раз менявшие свой государственный статус, стали территорией складывания полиэтнического общества. Национальная структура при этом сохраняла одну общую черту: наряду с преобладающим этносом в Восточной Пруссии проживал ряд меньшинств. До Второй мировой войны это при доминирующей роли немцев были прежде всего поляки, литовцы, евреи.

¹ В основе статьи — переработанный текст фрагмента диссертации, успешно защищенной под руководством Ю. В. Костяшова в 2004 г.

Обсуждаемый регион представлял собой пример достаточно мирного сосуществования различных народов и этносоциальных групп. В этом смысле история Восточной Пруссии дает уникальную возможность для всестороннего изучения проблем положения и развития отдельного национального меньшинства, его взаимоотношений с другими этносами, в том числе с господствующей нацией, а также с государством проживания и «этнической родиной».

В то же время отделенная «Данцигским коридором» от остальной Германии Восточная Пруссия порой больше зависела от соседних стран, чем от центрального правительства. Наличие здесь национальных групп, родственных населению близлежащих государств, влияло на ситуацию в этом регионе, а положение поляков в Восточной Пруссии во многом определялось состоянием польско-германских отношений.

Нас интересует период между двумя мировыми войнами. Небольшое отступление от обозначенных хронологических рамок вызвано необходимостью исторического экскурса для выяснения истории появления польского населения в восточнопрусском регионе. В рамках межвоенного двадцатилетия выделяются два ключевых события, имевших принципиальное значение для судьбы поляков в этой области Германии: плебисцит 11 июля 1920 г. о государственной принадлежности Вармии и Мазур и приход нацистов к власти в 1933 г. Поэтому выделяются следующие периоды: 1918–1920 гг., 1920–1933 гг., 1933–1939 гг.

После 1933 г. произошла переоценка ценностей в национальной политике: усилились тенденции перехода от национальной и религиозной терпимости к германизаторскому курсу, что привело к сокращению доли польского населения в структуре восточнопрусского общества. Положение поляков в немецком государстве в большой степени зависело от состояния польско-германских отношений, которые переживали периоды конфронтации и сближения.

Восточная Пруссия представляла собой пример достаточно мирного сосуществования различных этносоциальных групп, в том числе польских, в рамках одной провинции за исключением отдельных периодов в XX столетии. В межвоенный период в провинции сформировалось и развивалось польское национальное движение, направленное на сохранение национальной самобытности. Выделялось несколько районов с компактным проживанием поляков — прежде всего Вармия и Мазурское поозерье, после 1920 г. к ним добавилось три района правительственного округа Западная Пруссия,

вошедшего в состав провинции Восточная Пруссия. Польские жители были представлены в 17 из 42 районов провинции. Местные поляки по своему этническому облику, конфессиональной принадлежности и особенностям жизненного уклада подразделялись на три этносоциальные группы: жители Вармии (или вармяки), мазуры и немногочисленные кашубы [2, с. 124].

При этом особое внимание необходимо уделить мазурам, которые, в отличие от большинства поляков-католиков, исповедали протестантскую веру, были подвержены сильной германизации, но продолжали оставаться частью польского сообщества, сохраняя свою особость в немецкой по преимуществу среде. Наиболее «продвинутой» в национальном развитии была немногочисленная диаспора польских жителей Повислья. С точки зрения социального положения поляки всех этносоциальных групп были преимущественно жителями сельской местности или маленьких городков.

После 1933 г. традиционная политика терпимости к инациональным элементам стала уступать место курсу на германизацию, что привело к сокращению польского меньшинства в структуре населения восточнопрусской провинции на фоне общего роста числа ее жителей. Если в 1910 г. в этом регионе насчитывалось более 280 тыс. поляков, то к 1925 г. их доля сократилась более чем в два раза — до 109 тыс. чел., а к концу 1930-х гг. не превышала 10 тыс. чел. [1, с. 34]. Сокращение было вызвано объективными факторами, связанными с миграционными процессами внутри Германии и эмиграцией на «историческую родину». Но главная причина катастрофического сокращения польского элемента провинции заключалась в манипуляциях государственных статистических органов путем игры понятиями «родной язык» и «национальная принадлежность», введения определения «двухязычное население» и т.п. На основе сравнения различных методик подсчетов, которые существуют в научной литературе, можно сделать вывод, что польское население Восточной Пруссии к концу 1930-х гг. (с учетом высоких темпов естественного прироста) практически удержало свои позиции на уровне начала века и оставалось второй по численности (после немцев) этнической группой провинции. Поляки в Восточной Пруссии не только сохранили свой язык, но отождествляли себя с остальным польским сообществом. Они представляли собой своеобразный «островок» среди «немецкого моря», но не растворились в общей массе, а сохранили свою польскую идентичность.

Представители Польского государства на Парижской конференции имели определенные виды на часть Восточнопрусского региона, они предлагали включить южные районы Восточной Пруссии в состав Польши, а северную часть с Кёнигсбергом превратить в самостоятельное, независимое от Германии государственное образование [10, s. 53–54]. Обсуждение этого вопроса вызвало споры между Францией и Великобританией. Английская дипломатия выступала против претензий поляков на Вармию и Мазуры, так как опасалась усиления влияния своего главного соперника — Франции. Последняя позиционировала себя в роли защитника польских интересов. Американцы в этом вопросе придерживались нейтралитета. Для рассмотрения всех нюансов этой проблемы были созданы специальная комиссия под руководством французского дипломата Ж. Камбона и ряд вспомогательных подкомиссий.

Польская делегация демонстрировала завидное упорство в своих требованиях, не желая отказываться от проекта раздела Восточной Пруссии. Тем не менее после жарких дискуссий союзники пришли к компромиссному решению о проведении референдума в спорных этнически смешанных районах южной части Восточной Пруссии. Это решение было закреплено Версальским договором. Вторая Речь Посполитая получила лишь небольшую территорию (район Зольдау, совр. Джалдово, Польша), а на остальной территории южной части Восточной Пруссии должен был проводиться плебисцит [Ibid., S. 237]. Такой, казалось бы, справедливый подход в определении будущего целого региона и его жителей в действительности лишал поляков всякой надежды на приобретение этой территории. Ход событий в Восточной Пруссии лишь подтвердил это: приняв решение о проведении голосования, союзники определили судьбу восточнопрусской провинции в пользу Германии, а плебисцит лишь оттянул время, чтобы политики различного ранга насладились игрой в «демократию» и «примат международного права».

Плебисцит 11 июля 1920 г. охватил десять районов с 23 городами Мариенвердерского и Алленштайнского правительственных округов Восточной Пруссии, где проживало почти 600 тыс. жителей. Он имел самую демократичную на тот момент процедуру голосования, которая, по общему мнению, исключала возможности масштабной фальсификации результатов. На долю Польши пришлось всего 3,34% голосов, Германия же получила 96,66% [8, S. 11].

Результат референдума определил дальнейшее развитие национальной жизни поляков в Восточной Пруссии. Судьба государственной принадлежности этих районов провинции была решена. Только несколько населенных пунктов перешли в состав Польши, а большая часть территории осталась в составе германского государства, так что в последующие два десятилетия польские жители этой территории старались обеспечивать сохранение своего языка и культуры в его рамках.

Польские жители Варминьско-Мазурского региона и Повислья в составе восточнопрусской провинции были гражданами немецкого государства. Веймарская конституция гарантировала им свободу, в том числе национально-культурное развитие. Конституция также допускала использование ненемецких языков в образовании и в сфере государственной жизни. Но на самом деле этих «привилегий» фактически не существовало. Правда, полякам повезло несколько больше, чем представителям некоторых других национальностей в Германии: они хотя бы признавались в качестве национального меньшинства.

Процесс германизации, начавшийся еще в XIX в., приобрел ускоренные темпы в 1930-е гг. Первоначально приход Гитлера к власти не принес никаких видимых изменений в положении поляков. Однако ряд имперских законов 1933–1935 гг., которые не были явно направлены против иноязычных граждан, привел к их экономической дискриминации. Свою уязвимость польские жители Восточной Пруссии более остро почувствовали после принятия закона об охране границ империи и ответных мерах в 1937 г. [12, s. 283]. Тогда под благовидным предлогом «защиты немецкого государства» у поляков начали отчуждать земельные владения.

Местные власти также внесли свою лепту в укрепление «безопасности отчизны». К концу 1930-х гг. они постарались ликвидировать все польские названия населенных пунктов, рек и других объектов. Использование польского языка сократилось до минимума, особенно в сфере образования и религиозной жизни. В борьбе с проявлениями национальной жизни ощутимую помощь официальным властям оказывали различные немецкие организации антипольской направленности.

Политика в отношении национальных меньшинств в основе своей не менялась. Она должна была укладываться в поговорку: «Чей хлеб едят, того песни поют». Политический фактор (прежде всего

участие в избирательных процессах) влиял на формирование этнического своеобразия местного населения. Чисто политической организации у поляков в Германии не было, накануне избирательных кампаний формировались предвыборные блоки, носившие название партий, чья деятельность затухала после окончания электорального периода. В Восточной Пруссии в качестве таковой выступала «Польская народная партия». Польские блоки участвовали в избирательных кампаниях различного уровня, особое значение имели выборы в рейхстаг и прусский ландтаг. Польское меньшинство смогло провести своих представителей в прусский ландтаг на выборах 1921 и 1924 гг. В органах местного самоуправления (провинциальные собрания, крайстаги) депутатов от национальных меньшинств присутствовало больше. Финансирование избирательных кампаний этих блоков по преимуществу обеспечивало правительство Польши [11, с. 55–57].

Присутствие представителей польского меньшинства в разных представительных органах власти (прусском ландтаге, местном самоуправлении) имело большое значение как для самого польского движения в Германии, так и для Польши. В глазах международного сообщества оно становилось свидетельством существования польской жизни в Германии. В то же время выборы, в том числе явка, в представительные органы власти демонстрировали низкую активность поляков, особенно в Восточной Пруссии.

Большинство польских жителей этой провинции все же ощущали себя прежде всего гражданами государства, а уже потом членами определенного национального сообщества, так что национальные лозунги не всегда находили сторонников. Поляки имели собственные политические пристрастия, поэтому многие из них отдавали голоса за социал-демократов, партию Центра, а впоследствии их все более стали привлекать идеи национал-социалистов. Особый авторитет последние приобрели в мазурской среде.

Во все времена повседневная жизнь отдельного человека зависела от его материального состояния и места в социальной иерархии. Экономический фактор сильно влиял на жизнь поляков Восточной Пруссии. В социально-экономическом плане местные поляки представляли собой большей частью сельскохозяйственное население с небольшой долей ремесленников и промышленных рабочих. Формирование их хозяйственных институтов опиралось на местные традиции. Польские жители достаточно активно включились

в кооперативное движение: на территории Восточной Пруссии они создали собственные кооперативные объединения. Наибольшее развитие получили кредитные кооперативы (народные банки). Самым стабильным был польский банк в Ольштыне, а самым неустойчивым — Мазурский банк в Щитно, который в конце концов перешел под контроль немецкого капитала. Кроме того, здесь действовал сельскохозяйственно-торговый кооператив «Земледелец», который осуществлял поддержку крестьянства [7, s. 105].

Деятельность польских хозяйственных институтов зависела от тех процессов, которые затрагивали экономику в целом, — кризиса, стабилизации и роста. К тому же им приходилось преодолевать противодействие немецкой администрации, и они вынуждены были действовать в условиях жесткой конкуренции, соперничая с более благополучными немецкими кооперативами. Наличие в регионе собственных кредитных учреждений позволяло решать отдельные проблемы польского движения, обеспечивало финансовую поддержку различным национальным мероприятиям. Деятельность хозяйственных институтов создала материальную базу для польского движения в Восточной Пруссии и являлась одной из ярких форм национальной жизни поляков. Их существование стало одним из важнейших атрибутов этнической обособленности поляков от остального немецкого населения. Кооперативное движение благодаря своим демократическим формам и самоуправлению превратилось в благоприятный фактор национальной жизни польского населения.

После плебисцита 1920 г. среди местных поляков бытовало мнение, что Вторая Речь Посполитая «отречется» от своих соотечественников. Но в начале 1920-х гг. официальная Варшава все больше стала интересоваться проблемами соотечественников за рубежом. С каждым годом увеличивалась помощь восточнопрусским полякам со стороны польских дипломатических представительств. Активное участие в решении проблем «немецких поляков» стали принимать общественные благотворительные фонды из Польши. Но помощь Второй Речи Посполитой польским жителям Восточной Пруссии не была проявлением одной лишь сентиментальной заботы о них. Польское правительство стимулировало польское движение в Германии, исходя из интересов собственного государства. Зачастую они не совпадали, да и не во всем могли совпасть с интересами польского национального меньшинства. Более того, поддерживая польское меньшинство в Германии, Польша учитывала также наличие немецкого

меньшинства в пределах своей страны. Поэтому в отношениях с Германией Польша не желала переходить ту грань защиты прав национального меньшинства, которая привела бы к росту требований об улучшении положения немцев в границах польского государства.

Положение восточнопрусских поляков осложняли неурегулированные торгово-экономические отношения между двумя соседними государствами. «Таможенная война», объявленная Польшей Восточной Пруссии, не только нанесла обоюдный ущерб, но и ухудшила отношение к польским жителям со стороны немецких властей. В этой связи в Польше появился ряд проектов изменения политики в отношении этой соседней территории.

Определенное сближение между Польшей и Германией наблюдалось после заключения пакта о ненападении 1934 г. Но временное потепление отношений двух стран, а также попытки разрешения спорных вопросов не принесли кардинального изменения в положении польских жителей региона. Наоборот, вскоре со стороны нацистских властей последовали более жесткие меры воздействия на национальные организации с целью ограничения их деятельности [1, s. 270–271]. Правда, польско-немецкая декларация об основах политики в отношении национальных меньшинств 1937 г. породила надежды на гарантии со стороны немецкого государства в вопросе развития национальной культуры. Однако прозвучавшие заявления не были подкреплены конкретными шагами по их реализации, а лишь привели к замешательству местных чиновников и породили растерянность в рядах польского движения в Германии.

Положение восточнопрусских поляков во многом зависело от состояния польско-германских отношений. Очевидно, что, когда они были натянутыми, это негативно сказывалось на ситуации вокруг польского меньшинства. В моменты благоприятного развития взаимоотношений между двумя государствами поляки в Германии чувствовали себя более свободно. Зачастую в такие периоды Польша сокращала свою помощь польскому меньшинству, а также настоятельно рекомендовала ему демонстрировать большую лояльность к немецкому государству. Кроме того, эффект от воздействия внешнеполитического фактора на развитие национальной жизни поляков в Восточной Пруссии отчасти нивелировался противодействием со стороны местного бюрократического аппарата.

Наличие национальных организаций было одновременно свидетельством и предпосылкой существования польского сообщества

в Восточной Пруссии. Польские организации, которые сформировались после плебисцита 1920 г., можно разделить на несколько групп. Это были местные общества и отделения общегерманских объединений. К первым относились организации, распространявшие влияние на всю Восточную Пруссию, и локальные объединения, сфера деятельности которых охватывала отдельные районы провинции. Организации различались также по гендерному и возрастному принципам, существовали объединения профессионального и религиозного характера, а также общества по интересам. Объединения второй группы охватывали все регионы компактного проживания поляков в Германии. Представители польского сообщества участвовали и в работе Союза национальных меньшинств в Германии.

Одним из первых в регионе был создан Союз поляков в Восточной Пруссии, просуществовавший всего несколько лет [Ibid., s. 38–39]. Более долгосрочной была деятельность Союза обществ молодежи в Восточной Пруссии, который на протяжении полутора десятков лет объединял различные польские молодежные общества и кружки региона. В Мазурском Поозерье существовало несколько объединений локального характера. Под свои знамена пытались собрать местных польскоговорящих жителей «Мазурская взаимопомощь», Мазурское объединение, а также Союз мазуров. Все они отличались тем, что проявляли мазурскую обособленность. Главная позиция в польском движении принадлежала Союзу поляков в Германии, который имел региональное отделение и представителей во всех районах компактного проживания польского населения. Он поддерживал различные акции Полонии в Восточной Пруссии [6, s. 217].

Национальные общественные организации, которые своей деятельностью охватывали далеко не всех поляков в Восточной Пруссии, тем не менее оставались на протяжении всего межвоенного периода главными очагами национально-культурной жизни поляков и наиболее эффективным средством сохранения национального самосознания и противодействия германизации.

Поляки в Восточной Пруссии в межвоенный период сформировали ряд различных по своему характеру и формам деятельности национальных организаций, которые сумели развернуть разнообразную деятельность, называемую в историографии «польским движением» (*Ruch polski*) в Восточной Пруссии. Вовлеченные в это движение наиболее активные представители меньшинства способствовали поддержанию национальной жизни и самосознания поляков. Националь-

ные организации оказывали помощь полякам в решении различных повседневных проблем, выступали в качестве посредников между органами власти и отдельными гражданами, причем необязательно своими членами.

Вместе с тем это движение не было массовым — далеко не все вступали в польские организации. Невозможно определить долю поляков, охваченных организованными формами, или назвать точное число читателей национальной прессы, но совершенно очевидно, что в самой восточной германской провинции существовала, функционировала и развивалась польская национальная среда. Национальное движение оставалось главной предпосылкой и гарантией сохранения самобытности поляков. Оно стало в сравнении с другими национальными меньшинствами более активным и успешным. Польские организации и пресса продолжали свою деятельность даже в самые трудные годы нацизма, поддерживая своих соотечественников вплоть до начала Второй мировой войны.

В 1920–1939 гг. в Восточной Пруссии выходило тринадцать различных польских региональных изданий, включая приложения. Накануне Второй мировой войны из них сохранилось восемь, половина в качестве приложений. Польская периодическая печать, так же как и общественные организации, подразделялась на местную и центральную. Самой солидной была «Ольштынская газета», просуществовавшая более полувека. Она поочередно была печатным органом нескольких польских общественных организаций. Кроме основного издания выпускались приложения, рассчитанные на различные категории читателей. Параллельно с «Ольштынской газетой», которая предназначалась для польских жителей всего восточнопрусского региона, выходили в свет и печатные органы местного значения. Среди мазурской прессы это были «Мазурский друг народа», «Мазур», «Цех» [3, s. 150].

Польское население читало также издаваемую в Берлине прессу: «Бюллетень Союза поляков в Германии», «Поляк в Германии», «Культурная волна» (позже «Культурная оборона»). С 1933 г., после принятия закона о прессе в Германии, условия существования национальных изданий ухудшились; издатели и редакторы должны были получать официальную регистрацию, иначе им запрещалась профессиональная деятельность [5, s. 99–102]. К тому же польским малотиражным изданиям приходилось все время преодолевать финансовые проблемы и бороться с хронической нерентабельностью.

Польские издания не только информировали, но и выполняли просветительскую и коммуникативную функции. Польская пресса имела большое значение в сохранении и развитии польского языка в восточнопрусском регионе, служила популяризатором национальной истории и традиций. Польские издания, используя все свои пропагандистские и агитационные возможности, выступали организаторами национальной жизни в регионе, объединяющими центрами, вокруг которых группировались представители национального меньшинства. Польская пресса охватывала идеями национального единения большее число поляков, чем состояло в общественных организациях. Благодаря газетам осуществлялась связь восточнопрусских поляков с Польшей, местные жители узнавали, как живут их соотечественники в других регионах, что также способствовало осознанию своей сопричастности к единой польской нации.

Еще одним аспектом проявления национальной жизни стала попытка поляков Восточной Пруссии организовать обучение детей на родном языке. Совсем непродолжительное время, перед плебисцитом, в этом регионе существовали польские школы. На протяжении 1920-х гг. польские общественные деятели пытались решить проблему открытия национальных школ. Это удалось сделать после принятия прусскими властями в декабре 1928 г. Устава, касавшегося урегулирования системы образования для польского меньшинства. В течение следующего десятилетия в восточнопрусском регионе было создано более двадцати национальных начальных школ, основано около полутора десятков дошкольных учреждений, а в 1937 г. в Квидзыне была открыта вторая в Германии польская гимназия [4, s. 148].

Обучение на польском языке в Восточной Пруссии могло существовать только при финансовой поддержке Второй Речи Посполитой. Кампания по созданию и поддержке собственных школ оказалась, пожалуй, самой удачной в деятельности поляков в Восточной Пруссии. Национальные школы стали символом сохранения польского языка, культурных традиций в Восточной Пруссии. Они продолжали действовать и в то время, когда практически все остальные сферы национальной жизни были парализованы. Школы не только выполняли просветительно-образовательную функцию, но стали ретранслятором польской культуры для местных поляков.

Наряду с польскими школами существовали иные культурно-просветительские институты, которые преследовали цель формирования знаний и уважительного отношения к польскому языку и националь-

ной культуре, — библиотеки, избы-читальни, клубы. На их базе открывались театральные, певческие и хоровые кружки. Несмотря на сравнительно небольшое число участников, все эти культурные институты давали возможность наиболее активной части восточно-прусских поляков удовлетворять свои национально-культурные запросы и тем самым влиять на своих соотечественников, в той или иной степени приобщая их к истокам национальной культуры.

Церковь также имела большое значение в жизни польского меньшинства, как католического, так и протестантского. Многие их объединения носили религиозный характер, будь то женские общества или песенные хоры. Религия играла значительную роль в образовательной сфере, недаром первые школьные общества на Повислье и в Вармии назывались польско-католическими. Польскоговорящие священнослужители не только вели религиозные службы, но и принимали участие в других сферах общественной жизни, часто возглавляя польские организации либо их отделения; в газетах, выходивших на Мазурах, пасторы зачастую выступали редакторами. Церковь была для поляков не только основой духовной жизни, но и краеугольным камнем в деле сохранения национальной самобытности [9, с. 257–266].

Выступая фактором сплочения отдельных групп прихожан-поляков, церковная жизнь в то же время раскалывала польское меньшинство по конфессиональному признаку. С одной стороны, символом верности польским национальным идеалам становился католицизм; в противовес ему для мазуров такую роль выполнял протестантизм. Это во многом препятствовало объединению польского этнического меньшинства в сообщество единомышленников.

Многонациональная структура Восточной Пруссии, этой пограничной немецкой провинции, была предопределена историческим развитием. Наряду с доминирующим немецким населением в этом регионе проживали представители других национальностей, среди которых значительную долю составляли поляки. Польских жителей провинции условно можно подразделить на несколько этносоциальных групп: «вармяки», поляки Повислья, мазуры, кашубы. Польское меньшинство в Восточной Пруссии пыталось не только самореализовываться в качестве граждан Германии, но и сохранять этническую самобытность и развивать собственную культуру. В межвоенный период польские жители вынуждены были действовать сообразно сложившейся ситуации. Как показал результат плебисцита 1920 г., поляков

больше устраивало немецкое гражданство, они не желали серьезных перемен в образе жизни, что в дальнейшем способствовало их социальной адаптации в немецком государстве. В то же время поляки выступали за развитие родной культуры и использование польского языка в образовательной, управленческой и религиозной сферах.

Сохранение и развитие национальной жизни стало возможным благодаря противодействию германизаторскому курсу нескольких факторов. Важную роль в этом играла сравнительно малочисленная группа польской интеллигенции в Восточной Пруссии, которая инициировала проведение почти всех значительных мероприятий в национальной жизни поляков. Национальное движение поляков было бы невозможным без действенной моральной и финансовой помощи польского государства, благотворительных польских фондов и частных пожертвований граждан Второй Речи Посполитой.

Нахождение за пределами Германии, в том числе и в Польше, нескольких миллионов немцев на положении национальных меньшинств в какой-то мере защитило поляков от прямых репрессивных мер в сфере национальной жизни. По крайней мере до середины 1930-х гг. германские власти вынуждены были считаться с этим обстоятельством, умеряя свои стремления по воплощению в жизнь лозунга «Одно государство — одна нация».

В конце 1930-х гг. немецкие власти перестали давать разрешение на проведение польских мероприятий, все чаще стали запрещать разговаривать по-польски в общественных местах, не было возможности использовать национально-культурные символы. В августе 1939 г. все польские организации в Восточной Пруссии были ликвидированы, а их руководители и активные участники оказались в тюрьмах и концлагерях. Так был закрыт вопрос «польского национально-го меньшинства».

Список источников и литературы

1. *Chalupczak H.* II Rzeczpospolita a mniejszość polska w Niemczech. Poznań, 1992.
2. *Chalupczak H.* II Rzeczpospolita a mniejszość polska w Niemczech. Zasad y formy finansowania mniejszości polskiej w Niemczech w latach 1919–1939 // *Przegląd Zachodni.* 1988. № 1. S. 123–128.
3. *Cieślak T.* Prasa polska na Mazurach i Warmii. 1718–1939. Olsztyn, 1964.
4. *Dzieje Warmii i Mazur w wypisach / oprac. S. Szostakowski.* Warszawa, 1964.

5. Kwestia narodowościowa poza Polską // Sprawy Narodowościowe. 1934. № 1. S. 99–105.
6. *Mallek K.* Interludium mazurskie: wspomnienia 1920–1939. Warszawa, 1968.
7. *Pietrzak-Pawłowski K.* Działalność polskich instytucji gospodarczych w Niemczech w latach 1920–1939 // Polacy w republice weimarskiej i w III Rzeszy: materiały z seminarium w Rucianem 26–30.04.1964 r. Olsztyn, 1965. S. 103–120.
8. Sieg der Selbstbestimmung. Düsseldorf, 1920.
9. *Soloma A.* Za każdą cenę: niemiecki kler katolicki wobec ludności polskiej na Warmii, Mazurach i Powiślu w latach 1919–1939. Warszawa, 1976.
10. Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały. Warszawa, 1965. T. 1.
11. *Wrzesiński W.* Na swoim i wśród obcych. Katowice, 1971.
12. *Wrzesiński W.* Polski ruch narodowy w Niemczech w latach 1922–1939. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1993.

Об авторе

Наталья Александровна Строгонова — канд. ист. наук, глава администрации муниципального образования «Озерский муниципальный округ Калининградской области» (Озёрск).

E-mail: stroganovan@mail.ru

N. A. Stroganova

The Polish national minority in East Prussia between the World Wars: problems of self-determination

The article examines issues of interethnic and interstate relations, the development of the Polish national movement in East Prussia in 1918–1939. The study describes the influence of relations between Germany and Poland in the interwar period on these processes. The development of national life in spite of the Germanization course became possible due to the activities of the relatively small Polish intelligentsia in East Prussia, moral and financial assistance from the Polish state, as well as Polish charitable foundations and private donors.

Keywords: Germany, Poland, East Prussia, Polish movement, national minority, interwar period

The author

Natalia A. Stroganova, Dr. (History), Head of the administration of the municipality “Ozersky Municipal District of the Kaliningrad Oblast” (Ozersk).

Вильгельм Воррингер: «внутренний эмигрант» в Кёнигсберге

Охарактеризован кёнигсбергский этап жизни и творчества выдающегося немецкого искусствоведа, профессора Альбертины Вильгельма Воррингера (1881–1965). На основе различных источников и исследований сделана попытка реконструировать стратегии поведения интеллигенции, не разделявшего установки национал-социалистического режима, но воздерживавшегося от участия в движении Сопротивления. Приведены краткие сведения о родственниках и друзьях Воррингера, которые так же негативно относились к нацизму.

Ключевые слова: Вильгельм Воррингер, «внутренняя эмиграция», Кёнигсбергский университет, национал-социализм

О чем невозможно говорить, о том следует молчать.

Людвиг Витгенштейн.

Логико-философский трактат (7)

Давайте прикладывать ухо к каждому произведению, как к морской раковине, — не раздается ли в ее спокойной глубине шум великого моря, волны которого несут нас от берегов Сегодня к горизонту Завтра.

В. Воррингер. Качество и мировоззрение.

К открытию Берлинского Сецессиона.

1919 [7, с. 259]

К 1933 г. профессор Кёнигсбергского университета Вильгельм Воррингер (1881–1965) был признанным историком искусства и авторитетным преподавателем, его книги выходили в Германии и переводились за рубежом, у него был счастливый брак — жена и три дочери, старшая из которых уже имела почетную профессию — трудилась врачом. Супруги Воррингеры занимали 170-метровую квартиру в доме, построенном в 1920-е гг. в самом центре нового Кёнигсберга — в нескольких минутах ходьбы от Северного вокзала, откуда быстро можно было добраться до побережья Балтийского моря.

Воррингеры, правда, предпочитали отдыхать не на ближайших курортах, а в Ниддене (совр. Нида, Литва) — на Куршской косе, в месте, которое сама природа, казалось, создала для творчества и отдыха.

Всё изменилось в Кёнигсберге — как повсюду в Германии — в январе 1933 г. с приходом к власти Адольфа Гитлера.

Но нет, не *всё*. Квартиру Воррингеры сохранили до самого конца своего пребывания в столице Восточной Пруссии. Отдыхать на косу они еще ездили несколько лет. Воррингер продолжал читать лекции для студентов и горожан — вплоть до начала августа 1944 г. Однако двенадцать лет нацистской диктатуры не прошли бесследно для него: Воррингер в течение этого времени не опубликовал ни одной книги в Германии. Он замолчал, и молчание это было красноречивее слов. Европейски известный исследователь и по совместительству *истинный ариец*, он не участвовал в подпольной деятельности и не был отстранен нацистами, как многие его коллеги и друзья. «Внутренняя эмиграция» была выбором, который сделал не симпатизировавший, очевидно, новому режиму Вильгельм Воррингер. Его опыт — опыт повседневной жизни интеллектуала при диктатуре — заслуживает пристального внимания.

Исследователи давно уже обратились к этому сюжету. Однако главная и, увы, нередкая проблема заключается в отсутствии надежных источников для реконструкции этой интеллектуальной истории, которая постоянно пересекается с историей политической. Помочь могли бы архивы кёнигсбергского гестапо, но они, по всей видимости, не сохранились. Исследователи собрали, насколько это было возможным, официальную документацию и эго-документы, но все они дают скудную информацию. В биографии Воррингера кёнигсбергского периода выделяются три уровня. *Публичная деятельность*, как отмечено выше, протекала в условиях отсутствия академических публикаций, но в форме устных выступлений, стенограммы которых не велись, но в которых велик (был бы) соблазн находить намеки и аллюзии. *Частная жизнь* супружеской четы Воррингеров — встречи с друзьями и коллегами, общение с родственниками — тоже не запротоколирована, хотя некоторые выводы сделать все же позволяет. Наконец, *внутренний мир* Воррингера, в который практически невозможно попасть, особенно с учетом утраты домашней библиотеки и семейного архива — весь этот корпус потенциально важных источников, вероятно, сгорел в Кёнигсберге в конце войны. Послевоенные высказывания Воррингера

в отношении ретроспективно осмысливаемого трагического национального и личного опыта трудно интерпретировать — они сделаны уже со знанием того, как все закончилось. Словом, *идеальных источников* здесь не найти.

И все же даже с учетом всех этих сложностей можно попытаться очертить опыт «внутренней эмиграции» хотя бы пунктирно. Возможно, сам вопрос о том, какие стратегии применяли интеллектуалы из среднего класса в условиях террористической диктатуры, не менее ценен, чем однозначные ответы на него.

Вехи биографии

Вильгельм Роберт Воррингер родился 13 января 1881 г. в Аахене — более чем в тысяче километров от Кёнигсберга. Он начал учиться во Фрайбургском университете, и первоначальные интересы будущего искусствоведа лежали в сфере германистики, на что не в последнюю очередь повлияли сочинения Фридриха Ницше. Затем Воррингер несколько раз поменял место обучения: после Мюнхенского университета он полгода провел во Флоренции и принял решение переквалифицироваться — изучать историю искусства [25, S. 795]. В Берлинском университете молодому Воррингеру довелось учиться у знаменитого Генриха Вёльфлина (Heinrich Wölfflin, 1864–1945).

В 1907 г. в Берне он защитил диссертацию «Абстракция и вчувствование» — следом вышла одноименная книга, которая прогремела в мире искусствоведения [36]. «Немногие докторские диссертации смогли занять столь важное место в истории модернистского искусства и критики», — писал в предисловии к переизданию английского перевода книги уже в конце XX столетия американский искусствовед Хилтон Крамер [21, p. vii]¹. Есть основания полагать, что именно Воррингер, неожиданно в 27 лет снискавший славу исследователя-новатора, ввел в оборот термин «экспрессионизм».

По всей видимости, именно успех этой книги побудил Воррингера ступить на путь университетского преподавателя. Он недолгое время поработал в Бернском университете, потом, в 1914 г., был приглашен

¹ Если первый английский перевод появился в 1953 г., то на русский язык полностью книга не переведена до сих пор. Фрагменты опубликованы в антологии 1957 г. в переводе Е. Фроловой (вероятно, с английского) [4], в 2016 г. еще один фрагмент, «Абстракция и вчувствование. Теоретическая часть», в переводе С.С. Ванеяна с немецкого увидел свет в журнальной публикации [2, с. 149–164]. На русском языке также существует еще несколько переводов статей Воррингера [3; 5; 7, с. 239–293].

в Боннский университет, однако карьеру прервала Первая мировая война. После участия в боях на Западном фронте он оказался на далеком востоке — в госпитале в Дерпте (совр. Тарту, Эстония). Лишь в 1925 г. Воррингер стал доцентом Боннского университета, а в зимнем семестре 1928/29 г. получил профессию в Кёнигсберге. К тому времени он был уже состоявшимся и плодовитым исследователем, чьи интересы отличались необычайной широтой — в фокусе его внимания были искусство Древнего Египта и художники Северного Возрождения, средневековая книжная миниатюра и экспрессионизм...

В брак Воррингер вступил еще в 1907 г. в Кёльне. Его избранница Марта (урожд. Martha Maria Emilie Schmitz, 1881–1965) стала со временем достаточно известной художницей, близкой к экспрессионистам. В Кёнигсберге она преподавала в академии художеств, имела свою студию (пока власти не закрыли ее), участвовала в выставках «Восточнопрусское искусство», которые раз в два года Кёнигсбергский кунстфериайн проводил в галерее в башне «Врангель». Несмотря на то что творческие интересы Марты Воррингер лежали в плоскости экспрессионистской, то есть «дегенеративной» с точки зрения нацистов, живописи, мы находим ее имя среди участников провинциальных выставок второй половины 1930-х — 63-й (1935 г.), 64-й (1937 г.) и 65-й (1939 г.) [22, S. 186–188].

В Альбертине Воррингер трудился больше полутора десятилетий. Последнюю лекцию — о Рембрандте — он прочитал 4 августа 1944 г., между 18 и 19 часами. Как он писал другу, на этой лекции было больше слушателей, чем когда-либо за 35 лет его преподавательской деятельности [16, S. 168]. Возможно, именно о ней вспоминал классический филолог Герхард Перль (Gerhard Perl, 1927–2008): лекция о голландском художнике проходила в самом большом лекционном зале, но обычно места хватало не всем, так что многим студентам приходилось слушать лектора стоя. «Находчивые люди, — иронично замечает мемуарист, — обеспечивали себе места, занимая их на предыдущем занятии, которое вел музыковед, пораженный постоянному росту числа слушателей» [26, S. 283–284].

Кажется, всем было ясно, что война идет к поражению Германии. Воррингеры получали достоверную информацию о реальной ситуации на фронте от своей кёнигсбергской подруги Гертруд Филипп (Gertrud Philipp), чей муж служил в абвере в Берлине. Восьмого августа Воррингеры с рюкзаком и продуктовым набором пришли на Центральный вокзал в Кёнигсберге и взяли два билета (места у окна) в вагоне 3-го

класса на поезд до Берлина. Багаж они отправили накануне. Марта Воррингер записала в дневнике: «Когда мы покидали полностью заставленную квартиру, у нас не было ощущения, что это навсегда...» (цит. по: [16, S. 201]). Оказалось — навсегда. Воррингеры уехали к дочери в Берлин, где и остались, причем тем самым профессор рисковал быть арестованным — он нарушил приказ по университету, запрещавший покидать провинцию [Ibid., S. 37]. Историк Хельга Гребинг (Helga Grebing, 1930–2017), близкая к семье Воррингеров, цитирует запись в дневнике, сделанную Вильгельмом в Берлине 5 мая 1945 г.: «Не было другой цены, за которую можно было бы купить мир. И в конце концов победила моя сторона» [Ibid.; глава о Воррингерах в Кёнигсберге: S. 103–130; см. также: 17].

Послевоенная жизнь Воррингеров сложилась относительно благополучно. Власти не предъявляли претензий Воррингеру. Более того, он участвовал в денацификационных мероприятиях, что говорит об отсутствии подозрений в его адрес. Так, например, его коллега по университету музыковед Ханс Энгель (Hans Engel, 1894–1970; с 1935 г. доцент, с 1940 — профессор; член НСДАП с 1941) оказался в американской зоне оккупации, где подвергся процедуре денацификации в январе — мае 1946 г. Энгель представил 42 оправдательных письма, в том числе от Воррингера. Последний характеризовал его как «члена партии по принуждению в высшей степени» и считал вступление в партию действием с целью закамуфлировать истинные взгляды Энгеля, ориентированного, по мнению ходатая, на «пламенную и фанатичную борьбу с нечестивым духом нацизма» (цит. по: [27, S. 130]). Единым фронтом с Воррингером в деле апологии Энгеля выступили классические филологи Вальтер Отто и Конрат Циглер из Грайфсвальда (Konrat Ziegler, 1884–1974; репутация последнего была безупречна: в 2001 г. он был посмертно удостоен звания «Праведника народов мира» за помощь евреям во времена диктатуры). Энгель успешно прошел все процедуры и вернулся к нормальной академической жизни.

В 1946 г. Вильгельм поступил на работу в Университет Мартина Лютера в Халле. Жизнь в Восточной Германии, однако, показалась ему недостаточно свободной: летом 1950 г., после того как власти ГДР без его ведома поставили его подпись под письмом в поддержку решения о сносе Королевского дворца в Берлине, Воррингер, читавший лекции в Кёльне, решил остаться в Западной Германии [25, S. 796]. Жена всюду следовала за ним. Последние полтора десяти-

летия своей жизни (1950–1965) они провели в Мюнхене — городе их юности. Вильгельм скончался 25 марта 1965 г., Марта ушла из жизни 27 октября того же года.

Кёнигсбергский период: молчание как высказывание

В биографической заметке о Воррингере Генрих Никель пишет:

Самый продолжительный период своей профессиональной жизни Воррингер провел в качестве профессора истории искусства в Университете Альбертина в Кёнигсберге (1928–1944). Тогда он полностью посвятил себя преподаванию, что для него означало разъяснение исторических контекстов искусства, развития его форм и стилистических изменений. В своей насыщенной метафорами речи он не столько передавал фактические знания, сколько побуждал слушателей думать самостоятельно. Он ставил вопросы и отвечал на них встречными вопросами. Будучи небольшого роста, он как оратор и учитель стремился воздействовать на своих слушателей с беспрецедентной интенсивностью. Его лекции становились культурными событиями, выходившими за пределы факультета и университета, поскольку он также рассматривал язык и слово как средства художественного выражения. Места в лекционных залах нужно было занимать заранее. Все свои лекции он готовил в письменном виде и отмечал в рукописи каждую шутивную аллюзию и многозначительную реплику. Однако его манера изложения была настолько живой, что создавалось впечатление, будто формулировки возникли из спонтанного вдохновения [25, S. 797].

Тематика лекций Воррингера отражала диапазон его интересов: его волновали и переходные этапы в истории искусства, и кульминационные пункты в его развитии. В течение первой, «веймарской» пятилетки жизни в Кёнигсберге Воррингер сохранял высокую интенсивность творчества. В 1928 г. в Мюнхене вышла его книга о греческом и готическом искусстве [39], в 1931 г. кёнигсбергское издательство *Gräfe und Unzer* выпустило книгу Воррингера о Кэте Кольвиц [38], а издательство *Niemeyer* в Халле — монографию «О влиянии англосаксонской книжной миниатюры на раннесредневековую монументальную скульптуру континента» [40].

Всё изменилось в 1933-м. На протяжении всего периода господства нацистов в Германии Воррингер воздерживался от публикаций².

² Впрочем, в литературе есть упоминание о том, что одну рецензию он все же в эти мрачные годы опубликовал — на книгу Вальтера Цюльха (Walter K. Zülch,

Некоторые исследователи считают его молчание средством дистанцироваться от культурной политики национал-социалистического режима — «вероятно, он также не хотел подвергаться риску неправильного толкования своих высказываний» [25, S. 798]. В целом точку зрения о скрытой форме оппозиции Воррингера нацизму разделяют многие авторы, во многом благодаря усилиям Х. Гребинг — историка социал-демократической ориентации [16]. Только после окончания Второй мировой войны Воррингер опубликовал несколько новых эссе по теории искусства, и это косвенно доказывает оправданность трактовки его молчания в годы его зрелости.

В то же время звучат и более сдержанные оценки. Р. Хефтриг пишет: «...вопрос о том, свидетельствует ли это [молчание Воррингера] о сопротивлении, как утверждают некоторые авторы, остается открытым, поскольку никаких информативных документов из Кёнигсберга больше не существует» [19, S. 242]. Поиски в архивах Берлина и Ольштына ничего не принесли. Часть послевоенных источников отложилась в архивах ФРГ, но не все из них доступны для исследователей — например, дневники Марты Воррингер закрыты по воле дочерей до 2050 г. [9, S. 145]. В Бундесархиве хранится несколько внутренних документов из ведомства Розенберга. В одном из них, письме руководителя Культурно-политического архива³ от 29 ноября 1934 г., сообщается о взглядах троих лекторов по истории искусства, включая Воррингера. О нем, в частности, сказано: «Окружное отделение не может гарантировать политическую благонадежность доктора Воррингера. В своей местной группе он известен как убежденный пацифист. Две его взрослые дочери, которые еще в 1932 г. заявили о своем выходе из земельной церкви, подозревались в левых политических взглядах» [10]⁴.

Молчание Воррингера, таким образом, было, по всей видимости, стратегией защиты от возможных обвинений со стороны нацистского

1883–1966) о художнике рубежа XV–XVI вв. Маттиасе Грюневальде (в газете *Königsberger Allgemeine Zeitung* 4 января 1939 г.) [19, S. 242]. В выборе темы, однако, можно при большом желании также усмотреть проявление некоторого фрондерства: прочно забытый потомками, Грюневальд пережил новую волну интереса к своему творчеству благодаря экспрессионистам, ненавистным для нацистов.

³ Культурно-политический архив (Kulturpolitisches Archiv) — подразделение ведомства Розенберга (входило в структуру *Amt Kunstpflege*), проводившее с 1933 г. проверку благонадежности отдельных лиц.

⁴ Благодарю Я.Г. Шепеля за указание на этот источник.

режима, для которого взгляды историка искусства не были особым секретом. Любопытно при этом, что на начало 1940-х гг. выпала публикация в престижном издательстве *Gallimard* французского перевода книги Воррингера «Проблемы формы готики» (“*Formprobleme der Gotik*”, 1911), увидевшего свет под другим названием — «Готическое искусство». Перевод «известной книги немецкого историка искусства» (как сообщала рецензия в газете *Pariser Zeitung* 6 мая 1941 г. [33]), появившийся в оккупированном немцами Париже в 1941 г., был выполнен Д. Декурдеманшем [37]. Переводчик был больше известен под именем Жака Декура (Jacques Decour, 1910–1942): профессор-германист, журналист и писатель, он с 1940 г. принимал самое активное участие в Сопротивлении и был казнен нацистами в мае 1942 г.

Публикация перевода сочинения Воррингера о готическом искусстве в момент столкновения германской и французской культур неизбежно приобретала черты символичности. Ни предисловия, ни послесловия в издании не было, однако сама тема книги отвечала идее защиты культурных ценностей, основной угрозой для которых выступал тогдашний немецкий режим. Впрочем, публикация книги Воррингера в оккупированном Париже могла восприниматься по-разному. С одной стороны, как, наверное, полагал Д. Декурдеманш, этот ретроспективный академический взгляд на истоки европейской культуры должен был читаться как жест в защиту старых ценностей. С другой — сама тема готического искусства могла восприниматься как элемент, говоря современным языком, «мягкой силы» оккупанта. Проницательный советский философ М. А. Лифшиц позднее писал:

Известный историк искусства, оказавший громадное влияние на экспрессионизм, хотя сам он отрекся от тех последствий, которые вышли из его теории, Вильгельм Воррингер связывал характерные черты готической формы с немецким духом, германской расой, оставляя французам только систематику этого искусства, а не его подлинную сущность. Книга Воррингера «Проблема формы в готике» [!], вышедшая в 1911 году, пользовалась большой популярностью у немецкого читателя. Она внушала ему, что основой готики является полная противоположность «классическому человеку», который стремится к чувственному удовлетворению и не признает ничего трансцендентного, никакого дуализма и внутренней разорванности. Напротив, «готический человек» полон напряженной дисгармонии. Его беспокойная северная «художественная воля» ищет опьянения, экстаза, хаотического стремления, вместо стройного порядка и формального равновесия. Не трудно понять, какое

значение имели эти идеи в период возникновения кубизма и экспрессионизма, каким страшным эхом отозвались они в мифологическом бреде немецкой «консервативной революции», независимо от желания самого Воррингера [6, с. 183].

Семья Воррингеров, кажется, не имела оснований радоваться «консервативной революции». Х. Гребинг так характеризует их политические взгляды: «Для леволиберального Воррингера, близкого к социал-демократам, и его жены, приверженной этическому социализму и борьбе за права женщин, а также для двух их старших дочерей, состоявших в левомарксистских студенческих группах, приход к власти национал-социалистов стал катастрофой, в том числе личной. Для Воррингеров национал-социализм означал войну против либерализма и гуманизма, и поэтому они резко выступали против национал-социализма. С самого начала ничто, абсолютно ничто не могло их подкупить» [16, S. 25].

Конечно, выяснить сокровенные мысли Воррингера трудно. В литературе цитируется его письмо мюнхенскому издателю Райнхарду Пиперу (Reinhard Piper, 1879–1953), датированное 1937 г. В нем искусствовед определяет себя как «тихого человека в Германии, который громко говорит только у себя дома» (цит. по: [28, р. 12]). Наблюдая за событиями в жизни коллег по цеху, «тихий человек» тоже имел основания опасаться увольнения. С 1936 г. ему не выдавали документы для выезда за границу. И причин для тревог было достаточно. «Четверо близких родственников Воррингеров подверглись преследованиям во времена Третьего рейха, трое были отправлены в концлагеря, а один родственник был там убит. Некоторые работы Марты Воррингер были конфискованы как “дегенеративные”, и она лишилась своей студии в Кёнигсбергской художественной академии» [16, S. 26]. Младшие дочери Воррингеров участвовали в деятельности, которая практически граничила с участием в Сопротивлении. По мнению Х. Гребинг, только международная репутация Воррингера защитила его от прямых репрессий со стороны режима.

Косвенно о позиции Воррингера в первые месяцы власти национал-социалистов говорит его появление среди авторов последнего номера газеты *Königsberger Hartungsche Zeitung*. Старейшая — с 1660 г. — кёнигсбергская газета вышла 31 декабря 1933 г. в последний раз. Нацистский режим последовательно уничтожал свободу прессы, и владельцы *KHZ* не справились с политическим и эконо-

мическим давлением (подробно об обстоятельствах закрытия см.: [32]). В последнем номере с читателями прощалась не только редакция, страницы были предоставлены деятелям науки и искусства, среди которых были и два профессора Альбертины — Воррингер и Пауль Ханкамер (Paul Johannes August Hankamer, 1891–1945).

Можно писать эзоповым языком, а можно им говорить. Воррингер продолжал читать лекции, в том числе публичные. Он тревожился за переживающую крушение культуру старой Европы, за гуманистические ценности, «и все в зале, — пишет историк искусства С. Пройсс, — понимали его невысказанную критику в адрес нацистов» (цит. по: [28, р. 12]). Переводчик Воррингера, протоиерей С. С. Ванеян соглашается: «В своих публичных лекциях, пользовавшихся неизменным успехом у образованного населения города, Воррингер говорил о древнем искусстве, “которого уже нет” (в военное время это звучало, увы, сугубо актуально и — применительно сугубо к Восточной Пруссии — даже пророчески)» [2, с. 127].

Круг общения

В окружении Воррингера в Кёнигсберге было немало единомышленников — коллег по ученому цеху или художников. Вероятно, в частных беседах они многое обсуждали откровенно, причем не только вопросы эстетики, но и актуальную политическую повестку. Иногда уже это считают проявлением мужества [25, S. 798], хотя источников, которые бы с достаточной достоверностью отражали содержание частных разговоров и позволяли судить о степени рискованности поведения, в нашем распоряжении нет. И в то же время приходится признать, что Воррингер вел себя вполне корректно, насколько это было возможно в тех условиях.

Кто входил в семью Воррингеров? Во-первых, дочери. Старшая, Бригитта (Brigitte Worringer, 1908–1934), работала врачом в Бонне и рано умерла от скарлатины. Две младшие дочери, Рената (Renate Schad, 1911–1996) и Люсинда (Lucinde Worringer-Sternberg, 1918–1998), как отмечалось выше, участвовали в левых студенческих кружках. Рената затем поселилась в Берлине, и именно под предлогом встречи с ней родители бежали из Кёнигсберга в 1944 г. Люсинда, избравшая профессию актрисы, во время войны служила в Немецком театре в Варшаве, в последний раз она посетила родителей в Кёнигсберге 10 июля 1944 г. Она вышла замуж за крупного немецкого марксиста,

экономиста и социолога Фрица Штернберга (1895–1963). После прихода к власти нацистов Штернберг, еврей и марксист, был вынужден эмигрировать — в Чехословакию, потом, через другие страны, в США. После окончания Второй мировой войны он принимал активное участие в политической жизни ФРГ, сохраняя верность социалистическим идеалам. Вдова занималась наследием своего покойного мужа вместе с Хельгой Гребинг (см.: [30]). На мюнхенском кладбище Нордфридхоф Вильгельм и Марта Воррингеры, Фриц и Люсинда Штернберги и Хельга Гребинг покоятся в общей могиле.

Среди ближайших родственников, связи с которыми могли повредить Воррингерам, прежде всего следует назвать племянницу Марты, дочь ее старшей сестры Эльзу Курт (Else Court, 1899–1946)⁵. Она получила медицинское образование в Мюнхене, где активно участвовала в деятельности левых студенческих групп (отец называл ее «большевичкой», сожалея о ее отходе от католической веры). Первоначально Эльза работала в больнице для бедных в Кёльне, а с 1930 г. — в деревне Бенкхайм под Ангербургом в Восточной Пруссии (Benkheim, совр. Бане Мазурске в Польше, непосредственно у российско-польской границы). Естественно, она неоднократно навещала ближайших родственников в Кёнигсберге и вместе с ними отдыхала в Ниддене. В 1936 г. она отказалась присягнуть фюреру, чего требовала от медиков Ассоциация врачей обязательного медицинского страхования. За это Курт была лишена лицензии и больше не могла лечить за счет средств обязательного медицинского страхования — ей оставалась только частная практика. В 1939 г. она вновь занялась врачебной деятельностью в Ауленбахе под Инстербургом (Aulenbach, совр. пос. Калиновка Черняховского района Калининградской области). Там она и была арестована 29 июня 1940 г. по доносу местной жительницы в гестапо (обвинялась в «пораженчестве» — Эльза усомнилась в законности германского вторжения в Польшу), после чего суд в Кёнигсберге приговорил ее к двум годам тюремного заключения. Она отбывала срок сначала в Инстербурге, затем в Кёнигсберге, где Марта безуспешно пыталась ее навестить или получить хотя бы какие-то сведения. В июле 1942 г. Марта Воррингер в письме родственникам обмолвилась, что ожидает освобождения племянницы. Однако 20 июля в гестапо ей сообщили об отправке Эльзы в женский концлагерь Равенсбрюк. Марте разрешили погово-

⁵ Биография Эльзы Курт излагается далее по материалам статьи: [35].

речь с племянницей в течение двадцати минут и передать ей немного еды. Двумя днями позже Марта написала родственникам: «Она была удивительно уравновешенной. И все же я испытываю к ней безграничную жалость» (цит. по: [35, S. 217]).

В лагере Эльза первоначально трудилась швеей, а с 1943 г. — врачом. Эта работа позволила заключенной легче вынести испытания лагерем. Марта Воррингер продолжала поддерживать связь с племянницей и высылала ей продукты и книги. Тридцатого апреля 1945 г. Равенсбрюк был освобожден Красной армией. После этого Эльза Курт продолжила врачебную деятельность, но умерла от последствий тифа в марте 1946 г. Ее биография во многом восстанавливается историками по эго-документам, в том числе по сохранившимся письмам Марты Воррингер (ответные письма, к сожалению, погибли в Кёнигсберге [Ibid., S. 209]).

Были в окружении Воррингеров и другие *опасные связи* — например, Хайнц Литтен (Heinz Wolfgang Litten, 1905–1955), драматург и режиссер, сын профессора права в Кёнигсбергском университете Фрица Литтена (Fritz Litten, 1875–1940). Хайнц был помолвлен с Бригиттой Воррингер незадолго до ее скоростижной кончины. Родной брат Хайнца Ханс Литтен (Hans Achim Litten, 1903–1938) имел репутацию известного адвоката, отличившегося на процессах против национал-социалистов в веймарской Германии. К неарийскому происхождению в случае Ханса добавились и другие проступки в глазах нацистов: однажды он вызвал А. Гитлера в качестве свидетеля на допрос. С 1933 г. Ханс Литтен содержался в тюрьмах и концлагерях, в конце концов совершил суицид в Дахау в 1938 г. [16, S. 24; 34, S. 577]. Отец Литтенов умер в эмиграции в Англии.

С кем же общались Воррингеры? Во-первых, логично предположить, что классик искусствознания свел знакомство с теми специалистами, которые интересовались новыми архитектурными движениями, в том числе экспрессионизмом. В работе И. В. Белинцевой названы ведущие кёнигсбергские архитекторы, в круг которых вошёл Воррингер: Ханс Хопп (Hans Hopp, 1890–1971), Фридрих Ларс (Friedrich Lahrs, 1880–1964), Курт Фрик (Kurt Frick, 1884–1963) и др. Правда, оговаривает исследовательница, «к моменту появления ученого в Кёнигсберге экспрессионизм в Восточной Пруссии теряет популярность, и в конце 1920-х гг. многие мастера строили в духе Баухауса» [1, с. 291]. У нас нет надежных свидетельств по поводу взаимоотношений архитекторов с Воррингером, хотя косвенно о них

говорит тот факт, что Хопп, работавший с 1945 г. в Дрездене, оказывал поддержку Воррингеру, трудоустроивая его в 1946–1949 гг. [19, S. 244].

Х. Гребинг обосновала мнение о том, что в среде Воррингеров еще до 1933 г. собирались неконформисты, которым при нацистах стало еще сложнее [17, S. 17]. Эти инакомыслящие любили ездить в Нидден. Пребывание там трактуется исследовательницей как протест против национал-социализма — возвращенная нацистами в состав Восточной Пруссии только в 1939 г. территория Мемельского края, к которой относился Нидден, была наименее нацифицированной частью германского востока. В Ниддене вплоть до 1941 г. отдыхали в летние месяцы и сами Воррингеры. В письме к подруге от 28 июля 1931 г. Марта, в частности, сообщала: «Мы живем в деревянной рыбацкой хижине с соломенными крышами, у замечательных людей, отрешившихся от всех забот из-за своей работы и борьбы за несколько рыбешек — это их единственная пища. *Ничего* (Nitschewo) — да, они почти русские, и именно за это я их люблю» (цит. по: [Ibid., S. 18]).

Х. Гребинг перечисляет тех, кто в Кёнигсбергском кругу Воррингеров относился к числу оппозиционно настроенных к нацистскому режиму лиц, которые регулярно бывали в Ниддене. Список этот может удивить своей пестротой. Во-первых, Лиза фон Кюхлер (Lisa von Kuehler, 1888–1966), жена генерал-фельдмаршала Георга фон Кюхлера (Georg von Kuehler, 1881–1968), в качестве командующего группой армий «Север» руководившего осадой Ленинграда. После того как Кюхлер был снят с поста 31 января 1944 г. решением фюрера, его военная карьера завершилась; в Нюрнберге после войны он был признан виновным и приговорен к тюремному заключению. Далее — Барбара Кайзер (Barbara Kayser), жена военного врача Германа Кайзера (Hermann Kayser, 1895–1948), попавшего в советский плен в Сталинграде в 1943 г. и умершего в плену. В том же ряду — упомянутый выше Вальтер Отто и еще один профессор Альбертины — историк литературы и критик Эрих Йениш (Erich Jenisch, 1893–1966). Уроженец Кёнигсберга и выпускник местного университета, он работал в 1925–1940 гг. в Кёнигсбергской высшей торговой школе, после 1940 г. уехал из родного города. В том же списке — жена Йениша Марта (1899–?), дочь знаменитого актера и режиссера Пауля Вегенера (Paul Wegener, 1874–1948), одного из основоположников экспрессионизма в кинематографе [17, S. 23].

Однако понятно, что в первую очередь друзей и единомышленников Воррингер находил в кругу коллег. К самым близким, похоже, принадлежал знаменитый филолог-классик Вальтер Отто (Walther Friedrich Otto, 1874–1958), который занял профессорскую должность в Альбертине в 1934 г. после увольнения Пауля Мааса (Paul Maas, 1880–1964), не прошедшего расовый фильтр. Отто, вероятно, также был настроен скептически в отношении режима и даже подвергался некоторым ограничениям, но, в отличие от Воррингера, не умолк: двенадцатилетие нацистского правления было для него вполне плодотворным (о кёнигсбергском периоде жизни Отто см.: [26]).

Отто принял участие в инициативе Эриха Фиддера (Erich Fidder) отметить юбилей Воррингера в 1941 г. К 60-летию живого классика его друзья посвятили ему *Festschrift*, однако трудности военного времени сказались на реализации проекта, и книга вышла в Кёнигсберге с опозданием, только в 1943 г. [24]. Среди 14 авторов были, в частности, профессора Альбертины — Вальтер Отто со статьей «Улыбчивое дитя богов», историк философии Хайнц Гаймзёт (Heinz Heimsoeth, 1886–1975) с анализом «Пути юного Ницше в философию». В предприятии принял участие и профессор Боннского университета, филолог-романист Эрнст Роберт Курциус (Ernst Robert Curtius, 1886–1956), только еще готовившийся обрести славу своим трудом «Европейская литература и латинское Средневековье» (1948). Вклад Курциуса в *Festschrift* носил название «Метафорика письма и книги в мировой литературе».

Другим близким другом Воррингера был упомянутый выше Пауль Ханкамер, историк литературы и специалист по барокко. Он был профессором Альбертины в 1932–1936 гг., был отстранен нацистами по политическим причинам и уехал в Баварию. В дальнейшем его профессиональная деятельность была ограниченной, и Ханкамер погиб вскоре после окончания войны. Воррингер опубликовал в 1952 г. короткий мемуар о своем друге [41].

Встречаясь в Ниддене, кёнигсбергские друзья Воррингеров могли чувствовать себя чуть более свободно, чем дома, но все же этот оригинальный вид летнего отдыха не перерос в подпольную борьбу. Х. Гребинг отмечает, что образованные буржуа-индивидуалисты, охваченные разнообразными (и небеспочвенными) страхами, собирались и проводили некоторое время вместе. Эти групповые связи трудно признать формой деятельного протеста против нацистского режима, но они тем не менее тоже были своеобразным сопротивлением

в условиях диктатуры. Так уникальный пейзаж Куршской косы послужил целям облегчения участи тех, кто был настроен против национал-социализма, но не имел возможности перейти границы внутренней эмиграции [17, S. 27–28].

Наконец следует иметь в виду и широкий круг учеников Воррингера. По свидетельству И. Д. Чечота [3, с. 280; 7, с. 268], к ним относил себя восточногерманский историк искусства Фриц Герхард Штраус (Fritz Karl Gerhard Strauß, 1908–1984), защитивший в 1935 г. в Альбертине диссертацию по средневековой восточнопрусской скульптуре. Во время обучения в Кёнигсбергском университете он участвовал в деятельности студенческого коммунистического подполья (будучи с 1932 г. членом Компартии Германии, а в 1939 г. вступив для маскировки в НСДАП) [31; 19, S. 440]. Другой собеседник И. Д. Чечота, вспоминая о годах ученичества у Воррингера в Кёнигсберге, — Мартин Урбан (Martin Urban, 1913–2002; И. Д. Чечот ошибочно называет его Гансом Урбаном [3, с. 280; 7, с. 268]), историк искусства и многолетний директор музея Нольде в Зеебюлле (земля Шлезвиг-Гольштейн). Они, пишет И. Д. Чечот, «буквально озарялись при одном упоминании имени Воррингера и сразу же начинали рассказывать о том, как он говорил и показывал» [Там же]. Панорамную картину ученичества у Воррингера нескольких поколений немецких гуманистов исследователям еще предстоит нарисовать.

Остался еще один аспект повседневной жизни кёнигсбергского профессора — соседи. Воррингеры жили в доме 6 по Пробстхайдештрассе (сейчас на этом месте дом 6/8 по ул. Юношеской в Калининграде, строение датируется 1981 г.). Место жительства Воррингеров определяется по адресным книгам 1935–1941 гг. [13, S. 417; 14, S. 142, 641; 15, T. 1, S. 315; T. 2, S. 234]. Супружеская чета проживала в просторной квартире на последнем, четвертом (по немецкому счету — третьем) этаже, пользовалась телефоном. В 1935–1937 гг. (возможно, вплоть до 1940) их соседом по этажу был Вильгельм Галлас (Wilhelm Gallas), также профессор Кёнигсбергского университета. С соседом почти невозможно не общаться. Но стоило ли?

Вильгельм Галлас родился в 1903 г. в Санкт-Петербурге⁶. Он учился в немецкой Катариненшколе, но во время Первой мировой войны семья Галласа уехала в Германию. Он изучал право в Университете Фридриха Вильгельма в Берлине, где, используя свое знание

⁶ Биография Галласа излагается по материалам статьи [20].

русского языка, защитил диссертацию по советскому уголовному праву в 1931 г. под руководством известного юриста Эдуарда Кольрауша (Eduard Kohlrausch, 1874–1948). В 1903–1913 гг. Кольрауш был профессором Кёнигсбергского университета, затем перебрался в Страсбург и наконец в Берлин. Там он преподавал вплоть до мая 1933 г. (и даже был в конце своей карьеры ректором), но ушел в отставку, причем обстоятельства этого завершения трудового пути описываются историками противоречиво: Кольрауш не отвечал требованиям пронацистски настроенных студентов, хотя, с другой стороны, его же обвиняют в нацификации университета [34, S. 564].

Галлас работал в Бонне, затем в Гиссене, в 1935 г. был приглашен в Кёнигсберг, где и проработал пять лет (вполне вероятно, что он переехал сюда по совету Кольрауша). Его карьера развивалась вполне успешно — Галлас стал соредактором авторитетного юридического журнала *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*, преподавал без особых проблем в Альбертине. Похоже, он не был слишком активным национал-социалистом, хотя нет оснований считать его и тайным диссидентом. В 1939 г. он произнес речь по случаю очередного дня рождения Канта. Галлас следом за пресс-секретарем НСДАП Отто Дитрихом (Otto Dietrich, 1897–1952) интерпретировал моральный закон Канта как «почти классическую формулировку национал-социалистической этики», но в то же время критиковал кёнигсбергского философа за то, что его доктрина недооценивала «живое народное сообщество» (*lebendige Gemeinschaft des Volkes*) как основу правопорядка (цит. по: [23, S. 154]). Однако Галлас критиковал Канта в соответствии со взглядами своей партии, утверждая, что в его философии отсутствует «ссылка на живое сообщество людей, которая для нас сегодня является основным элементом любого правового порядка» [*Ibid.*].

В 1940 г. Галлас переехал в Тюбинген⁷; соседом Воррингера по этажу стал некий директор Волен (Wohlen) [15, Т. 2, S. 234]. На первом этаже в том же доме (по данным на 1941 г.) проживал экономист, профессор Альбертины Отто Хуммель (Otto Hummel, 1892–1980). Он работал в Кёнигсберге в 1929–1941 гг., потом был переведен в Позен (совр. Познань, Польша), где возглавил факультет права и политических наук, а в конце войны даже занял пост ректора. Хуммель был

⁷ Его дальнейшая жизнь сложилась относительно удачно: после Второй мировой войны Галлас работал в разных университетах ФРГ, закончил карьеру в Гейдельберге.

активным и убежденным национал-социалистом, и это вынужденное соседство едва ли должно было радовать Воррингера.

У нас нет сведений по поводу взаимоотношений Воррингера и его соседей. Во всяком случае, можно предполагать, что круг интересов юриста Галласа и экономиста Хуммеля отличался от той сферы, в которой вращалась мысль Воррингера. А близко общаться с ними, пожалуй, было рискованно. Судя по всему, эта сторона повседневной жизни Воррингеров останется неизвестной.

Заключение

После бомбардировок Кёнигсберга в августе 1944 г. Воррингеры уехали к дочери в Берлин, как отмечалось выше. Рукописи, книги, произведения живописи — всё сгнуло в Кёнигсберге. Это обстоятельство, кстати, привело к тому, что сегодня личный архив Воррингера практически не существует: дважды, в Кёнигсберге и в Халле, он оставлял перед бегством свои вещи, так что современные немецкие архивы и музеи почти ничем не могут похвастаться в том, что касается его наследия [12, р. 4].

Поведение Воррингера — его молчание в академической печати с 1933 по 1945 г. — не ускользнуло от внимания исследователей. Эту стратегию обычно определяют как «внутреннее изгнание» (*inneres Exil*) [10, S. 234] или «внутреннюю эмиграцию» (*innere Emigration*) [2, с. 127; 18, S. 253; 30, S. 131; 35, S. 213]. Похоже, именно она позволила Воррингеру избежать преследований со стороны советских властей после войны и даже занять некоторые позиции в академическом мире Восточной Германии. Пожалуй, можно присоединиться к мнению двух швейцарских искусствоведов: «Жизнь Воррингера представляется столь же противоречивой, как и его труды, но если рассматривать ее в общественном контексте, то кривое вдруг становится прямым, а некоторые противоречия исчезают. Вильгельм Воррингер, возможно, поздно нашел в себе мужество занять публичную позицию, но по-своему он был последователен» [11, S. 234]. Далеко не каждый интеллеktуал в нацистской Германии, принадлежащий к университетскому сословию и среднему классу, мог найти в себе мужество бросить открытый вызов тоталитарному режиму. Но Воррингеров трудно упрекнуть в недостатке мужества: поддержка неблагонадежной племянницы, демонстративное воздержание от публичной активности, контакты с оппозиционно настроенными

коллегами — все это, несомненно, воспринималось Воррингерами и их окружением как своего рода сопротивление диктатуре. Градации здесь определить трудно — и в силу состояния наших источников, и по причине сложности самого вопроса о моральном выборе, который надо совершать ежедневно в ухудшающихся условиях.

Мы, вероятно, никогда не узнаем, что конкретно говорил Вильгельм Воррингер о Рембрандте в своей последней лекции августовским вечером 1944 г. в стенах Альбертины, чья четырехсотлетняя история под аккомпанемент британских бомбардировок подходила к концу. Возможно, там — для слушателей, внутренний мир которых все больше заполняла тревога по поводу будущего, пугавшего своей неизбежностью и потому особенно побуждавшего искать в спокойном разговоре о прошлом ответы на мучительные вопросы, — звучала мысль, похожая на ту, что высказал в своей книге 1999 г. о Рембрандте Саймон Шама (Simon Schama), родившийся через полгода, 13 февраля 1945 г., в Лондоне, с нетерпением ожидавшем победы над Гитлером:

...для Рембрандта несовершенства есть норма человеческого существования. Вот потому-то он и спустя века будет волновать и привлекать тех, для кого искусство — это не поиск идеальной формы, то есть миллионы страдающих смертных, которые инстинктивно и с благодарностью разделяют его видение нашей судьбы, наших недостатков и слабостей, неустанно запечатлеваемых им на холсте, и осознают, что он не только правильно избрал свой сюжет, но и, еще того важнее, показал человека как существо, достойное любви и спасительной благодати [8, с. 874].

Список источников и литературы

1. *Белинцева И. В.* Архитектура Восточной Пруссии: избранные статьи и фрагменты. Калининградская область. Калининград, 2023.
2. *Ванеян С. С.* Вильгельм Воррингер: чувствуя абстракцию // *Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства.* 2016. Вып. 1 (21). С. 123–164.
3. Вильгельм Воррингер об искусстве XX века. Выступления разных лет / пер. и предисл. И. Д. Чечота // *Метафизические исследования.* СПб., 2000. Вып. 13. С. 252–295.
4. *Воррингер В.* Абстракция и одухотворение [фрагменты] / пер. Е. Фроловой // *Современная книга по эстетике. Антология / общ. ред. и вступ. ст. А. Егоровой.* М., 1957. С. 459–474.

5. *Воррингер В.* Доклад о древнерусской архитектуре // Вопросы искусства. 1997. № 1 (10). С. 501–511.

6. *Лифшиц М. А.* Как можно и как нельзя дифференцировать современных художников // Лифшиц М. А. Искусство и современный мир. М., 1978. С. 149–195.

7. *Чечот И. Д.* Эпоха модерна в поисках классической традиции. СПб., 2024.

8. *Шама С.* Глаза Рембрандта / пер. В. Ахтырской. СПб., 2017.

9. *Buchholz T.* Von Genies und Musen. Künstlerpaare des 20. Jahrhunderts in bildender Kunst, Literatur und Theater. Göttingen, 2009.

10. Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde. NS 15/256. Bl. 264

11. *Claussen P. C., Lengwiler U.* “Abstraktion und Einfühlung” und “Formprobleme der Gotik”: Wilhelm Worringers frühe Schriften // Georges-Bloch-Jahrbuch des Kunsthistorischen Instituts der Universität Zürich. 2002–2003. Bd. 9–10. S. 231–235.

12. *Donahue N. H.* Introduction: Art History or “Sublime Hysteria”? // Invisible Cathedrals: The Expressionist Art History of Wilhelm Worringer / ed. by N. H. Donahue. University Park, 1995. P. 1–11.

13. Einwohnerbuch von Königsberg und den Vororten. Königsberg, 1935. Teil 2.

14. Einwohnerbuch Königsberg. Königsberg, 1937.

15. Einwohnerbuch Königsberg (Pr.). Königsberg, 1941.

16. *Grebing H.* Die Worringers. Bildungsbürgerlichkeit als Lebenssinn — Wilhelm und Marta Worringer (1881–1965). Berlin, 2004.

17. *Grebing H.* In Nidden zwischen 1933 und 1944. Gelebte Bildungsbürgerlichkeit als bewusster Protest gegen Nationalsozialismus und Krieg // Niddener Hefte. 2006. № 2. S. 14–28.

18. *Hartewig K.* Kunst für alle! Hitlers ästhetische Diktatur. Norderstedt, 2018.

19. *Hefrig R.* Fanatiker der Sachlichkeit. Richard Hamann und die Rezeption der Moderne in der universitären deutschen Kunstgeschichte 1930–1960. Berlin, 1914.

20. *Hirsch H. J.* Wilhelm Gallas // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 1990. Bd. 102, H. 3. S. 493–503.

21. *Kramer H.* Worringer W. Abstraction and empathy. A contribution to the psychology of style / transl. by M. Bullock; introd. by H. Kramer. Chicago, 1997. P. vii–xiv.

22. Kunst des frühen 20. Jahrhunderts in deutschen Ausstellungen. Teil 1: Ausstellungen deutscher Gegenwartskunst in der NS-Zeit / bearb. von M. Papenbrock und A. Sohn. Weimar, 2000.

23. *Mentzel-Reuters A.* Die Königsberger Kant- und Copernicus-Wochen 1939–1942 // Immanuel Kant und sein Wirkungsort Königsberg. Universität, Geschichte und Erinnerung heute / hrsg. von J. Mähner, J. Sarnowsky. Göttingen, 2023. S. 137–161.

24. Neue Beiträge deutscher Forschung. Wilhelm Worringer zum 60. Geburtstag / hrsg. von E. Fidder. Königsberg, 1943.
25. *Nickel H.L.* Wilhelm Worringer (1881–1965) // Jahrbuch der Albertus-Universität zu Königsberg/Pr. 1995. Bd. 29. S. 795–798.
26. *Perl G.* Walter F. Otto (1874–1958) in Königsberg // Eikasmos. 1993. Bd. 4. S. 283–286.
27. *Rothkamm J., Schilling J.* Zweiundvierzig Persilscheine und die neue Musik. Hans Engels Weg an die Universität Marburg und sein Wirken in der frühen Nachkriegszeit // Musikwissenschaft und Vergangenheitspolitik: Forschung und Lehre im frühen Nachkriegsdeutschland / hrsg. von J. Rothkamm, Th. Schipperges. München, 2015. S. 123–176.
28. *Silaghi C.* Plenitudes of Painting: Wilhelm Worringer and the relationship between abstraction and representation in European painting at the beginning of the twentieth century: PhD thesis. Canterbury, 2012.
29. *Spenkuch H.* Einleitung // Wissenschaftspolitik in der Weimarer Republik: Dokumente zur Hochschulentwicklung im Freistaat Preußen und an Ausgewählten Professorenberufungen in sechs Disziplinen (1918 bis 1933). Berlin; Boston, 2016. S. 1–188.
30. Streiten für eine Welt jenseits des Kapitalismus. Fritz Sternberg — Wissenschaftler, Vordenker, Sozialist / hrsg. von H. Grebing, K.-J. Scherer. Paderborn, 2017.
31. Strauss, Gerhard. URL: <https://www.bundesstiftung-aufarbeitung.de/de/recherche/kataloge-datenbanken/biographische-datenbanken/gerhard-strauss> (дата обращения: 15.12.2024).
32. *Szostakowska M.* “Königsberger Hartungsche Zeitung” w latach 1660–1933: zarys dziejów wydawniczych // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1992. № 2. S. 109–126.
33. Tagebuch aus dem Kulturleben // Pariser Zeitung. 1941. 6 mai. S. 5.
34. *Tilitzki Ch.* Die Albertus-Universität Königsberg. Berlin, 2012. Bd. 1: 1871–1918.
35. *Wickert Ch.* Else Court (1899–1946) — Ravensbrücker Häftlingsärztin // Geschichte in Köln. Zeitschrift für Stadt- und Regionalgeschichte. 2014. Bd. 61. S. 207–240.
36. *Worringer W.* Abstraktion und Einfühlung: ein Beitrag zur Stilpsychologie. München, 1908.
37. *Worringer W.* L’Art gothique / trad. par D. Decourdemanche. P., 1941.
38. *Worringer W.* Käthe Kollwitz. Königsberg, 1931.
39. *Worringer W.* Griechentum und Gotik: vom Weltreich des Hellenismus. München, 1928.
40. *Worringer W.* Über den Einfluss der angelsächsischen Buchmalerei auf die frühmittelalterliche Monumentalplastik des Kontinents. Halle, 1931.
41. *Worringer W.* Paul Hankamer // Jahrbuch der Albertus-Universität zu Königsberg. 1952. Bd. 2. S. 26–29.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград).

ORCID ID: 0000-0001-5530-1108

E-mail: idementev@kantiana.ru

I. O. Dementev

Wilhelm Worringer: “internal emigrant” in Königsberg

The article considers Königsberg stage of the life and work of the outstanding German art historian, Professor of Albertina Wilhelm Worringer (1881–1965). By way of addressing various sources and studies, the research attempts to reconstruct the behavioral strategies of an intellectual who did not share the attitudes of the National Socialist regime, but refrained from participating in the Resistance movement. Brief information is provided about Worringer’s relatives and friends, who also had a negative attitude towards Nazism.

Keywords: Wilhelm Worringer, “internal emigration”, University of Königsberg, National Socialism

The author

Ilya O. Dementev, Dr. (History), Associate Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

ORCID ID: 0000-0001-5530-1108

Раздел 3

СОВЕТСКАЯ КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ (1946–1991)

Восстановление вагоностроительного завода в Калининграде

Охарактеризована история создания Калининградского вагоностроительного завода на базе бывшей вагоностроительной фабрики Л. Штайнфурта в 1946 г. В условиях послевоенного восстановления, когда область находилась в руинах и требовала полного восстановления инфраструктуры, организаторы нового предприятия столкнулись с серьезными трудностями. Показано, что первоочередная задача для них заключалась не только в восстановлении зданий, но и в создании новых производственных мощностей.

Ключевые слова: история промышленности, история Калининградской области, Калининградский вагоностроительный завод, советское время

Калининградский вагоностроительный завод возник на базе вагоностроительной фабрики в Кёнигсберге, которую в 1830 г. основал Леопольд Штайнфурт (Leopold Steinfurt). Сын жестянщика, приехавшего из Бремена, он родился в Кёнигсберге 7 июня 1804 г. С самого детства Леопольд проявлял интерес к технике, окончил Берлинский технический институт. В родном городе Штайнфурт занялся производством технических устройств, агрегатов и машин, которые в то время только начинали набирать популярность.

Вскоре помимо основной продукции предприятие приступило к выпуску рычагов, насосов и гидравлических прессов. Ассортимент рос очень быстро, и в какой-то момент Штайнфурт столкнулся с нехваткой производственных площадей. Тогда он решил приобрести старые дома бывших пивоварен, которые располагались рядом, и убедил вложиться в бизнес друга своего отца Фридриха Бесселя (1784–1846) и его тестя Карла Готфрида Хагена (1749–1829) — каждый внес по 1000 талеров [1, S. 17–18].

Развитие компании Штайнфурта шло стремительными темпами: если в 1837 г. оборот составлял 10 тыс. талеров при 15 рабочих, то к 1840 г. он увеличился до 17 тыс. талеров, а число работников

выросло до 65 человек. Вскоре вновь потребовалось расширение производственных площадей. Штайнфурт решил организовать литейный завод, но получить разрешение на такую стройку в густонаселенном Альтштадте у него шансов не было, поэтому находчивый предприниматель приобрел несколько участков на улице Вайдендамм (ныне ул. Октябрьская) за 5333 талера. Построив производственные цеха и склады за счет продажи участков на Бадергассе, он возвел 18-метровую трубу нового литейного цеха. В 1845 г. Штайнфурт принял участие в Промышленной выставке провинции Восточная Пруссия с 20 различными изделиями, включая насосы для сахарных котлов, опрыскиватели для цветочных клумб и оранжерей и т. д. Именно после выставки имя Штайнфурта приобрело известность, а заказы на его товары стали поступать в огромных количествах [2, S. 10–11].

Еще одним важным решением для Штайнфурта стала покупка литейного завода “Vulkan-Giesserei”, построенного в Хаберберге (ныне район от ул. Багратиона до Южного вокзала) в 1826 г. — самого крупного промышленного комплекса в городе. Благодаря этому у него просто не осталось конкурентов в производстве изделий из литого металла, существенно выросла и база клиентов. На обоих его предприятиях работало 160 человек, а оборот достигал 80 тыс. талеров в год. Недолгое время фирма Штайнфурта занималась даже кораблестроением. Быстроходный пароход “Frisch” вызвал всеобщее удивление, добравшись до Арнау (ныне пос. Марьино) за полчаса [1, S. 23].

Двадцать пятого мая 1864 г. Леопольд Штайнфурт скончался. У него не было наследника, и руководство предприятием взял на себя инженер Иоганн Фридрих Хуберт Хойман (Johann Friedrich Hubert Neumann, 1835–1905), который вскоре женился на дочери Штайнфурта Иде. Хойман быстро понял, что будущее фирмы связано с обновлением производимых товаров, и сделал ставку на производство товаров для железных дорог, которые в то время переживали период бурного роста. Уже в 1865 г. он получил первый заказ на 50 открытых товарных вагонов — это стало первым шагом по превращению предприятия Штайнфурта в акционерное общество «Вагоностроительная фабрика Л. Штайнфурта». В 1867 г. фирме заказали 150 закрытых товарных вагонов различные железнодорожные компании. К этому времени ее известность распространилась далеко за пределы Восточной Пруссии [Ibid., S. 18].

В период Франко-прусской войны (1870–1871) предприятие столкнулось с некоторым экономическим спадом, но после ее окончания

ситуация улучшилась. Фирма начала получать многочисленные заказы от Управления прусских железных дорог. Здесь строились различные типы вагонов — товарные, пассажирские и специальные (для перевозки различных материалов). В 1873 г. компания выпустила свой тысячный, а в 1899-м — десятитысячный вагон. Фабрика постоянно модернизировалась: началось использование электроэнергии для производственных нужд и освещения, стартовало производство обивочных материалов и шорных изделий, появилась новая лесопилка (в то время вагоны еще по большей части были деревянным). Когда в 1903 г. предприятие столкнулось с проблемой транспортировки готовых вагонов до железной дороги по неудобным улицам города, было решено приобрести участок в предместье Ратсхоф. В этом районе находился порт, там проходила железнодорожная линия Кёнигсберг — Пиллау (ныне Балтийск). В 1904 г. началось производство четырехосных пассажирских вагонов. В 1905 г. Хойман умер, оставив дело сыну Феликсу.

Предприятие и далее постоянно модернизировалось, обеспечивая работу 1200 сотрудникам. Яркий пример конструкторских разработок фирмы — автоматическая сцепка (для соединения вагонов), которую сконструировал главный инженер Карл Шарфенберг. Со временем ее внедрили на государственных и частных железных дорогах, в трамвайных предприятиях (сцепка Шарфенберга используется и сегодня) [2, S. 15].

В 1922 г. фирма была реорганизована в акционерное общество «Вагоностроительная фабрика Л. Штайнфурт». Под этим названием она и закончила свою историю в 1945 г.: «От завода осталась груда металла, обломков и вывеска на немецком языке: “г. Кёнигсберг, Вагонфабрик Штайнфурта”» [4, с. 125].

В начале 1946 г. на материально-технической базе вагоностроительной фабрики Штайнфурт было создано предприятие того же профиля, которое с июля 1946 г. получило наименование Калининградского вагоностроительного завода.

История советского завода началась в тяжелый послевоенный период. Вся область лежала в развалинах: было разрушено жилищно-коммунальное хозяйство, не работал транспорт, электростанции функционировали с перебоями. Уже на первых этапах предстояло не столько восстанавливать то, что можно и необходимо было восстановить, сколько строить заново предприятия, создавать целые отрасли промышленного производства.

В соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 14 октября 1945 г. и приказом народного комиссара транспортного машино-

строения от 29 октября 1945 г. была создана комиссия для приемки Кёнигсбергского вагоностроительного завода. В начале февраля 1946 г. группу мастеров Нижнетагильского вагоностроительного завода направили в Кёнигсберг принимать предприятие, на основе которого предстояло организовать производство.

В том же году на предприятие прибыли первые руководители — В.П. Горбунов (директор), В.П. Агапов (главный инженер и заместитель директора), Д.С. Вербицкий (заместитель директора по снабжению и коммерческой части) [3, д. 2, л. 1]. Датой начала организации завода можно считать 24 февраля 1946 г., когда был издан приказ о вступлении в должность директора завода [Там же].

Вновь создававшийся завод практически не имел рабочей силы — квалифицированных сотрудников, инженерно-технических работников, что вынуждало на ходу обучать новые кадры, проводя обучение на рабочих местах в процессе производства. В первую очередь были привлечены 150 человек из числа местного немецкого населения, а также военнопленные, которые занимались в основном расчисткой территории от завалов и разрушений [Там же].

По распоряжению Министерства транспортного машиностроения предусматривалось выделить с других подведомственных заводов 200 квалифицированных рабочих и 100 инженерно-технических работников [3, д. 6, л. 85], для чего временно перебросили 150 человек с Калининского вагоностроительного завода и около 100 — с Нижнетагильского.

В марте — феврале благодаря оргнабору на завод прибыло 500 человек из Ульяновской, Пензенской и Тамбовской областей [Там же]. Только около 10% из них имели специальность, а остальные никогда не работали на заводах. Было принято 139 местных демобилизованных, 144 человека по направлениям областного гражданского управления, 93 вольнонаемных.

Для организации обучения новых кадров при заводе была создана школа ФЗО — выделены помещение и инвентарь, привлечены педагог и семь мастеров. В ноябре 1946 г. на завод прибыло 130 учащихся, а за весь 1946 г. обучение прошло 323 человека [3, Историческая справка, л. 3]. Новоприбывшим рабочим предстояло трудиться в крайне тяжелых условиях.

Вагоностроительный завод, как и большинство заводов послевоенного времени, переживал трудности, связанные со стадией восстановления. Приходилось пренебрегать некоторыми существенными элементами для быстрого ввода в действие основных агрегатов, цехов

или всего завода. Особенно эти отклонения были заметны в Калининградской области: большинство заводов монтировались в основном из трофейных материалов и оборудования, как правило, без сохранившейся технической документации.

Восстановительные работы на вагоностроительном заводе начались в марте 1946 г. — после определения окончательного профиля завода [Там же]. Условия были не самыми лучшими: оборудование около двух лет подвергалось влиянию осадков, цеха были частично разрушены, не было дверей и кровли, в стенах наблюдались огромные пробоины. Почти все оборудование требовало ремонта, предприятие не было обеспечено электроэнергией, водой и паром, не работала канализация. Телефонная станция сгорела, недоставало бытовых помещений, транспортные средства. Железнодорожные пути нужно было перевести с немецкой колеи на советскую. На заводе и в близких окрестностях отсутствовали мартеновские печи и электропечи, что не давало возможности изготовить необходимые стальные детали. Предполагалось, что в первое время собирать вагоны будут целиком из деталей Калининского вагонзавода. В действительности же поставки систематически нарушались, и заводу самому приходилось на месте изготавливать недостающие комплектующие детали.

Для организации производства требовалось произвести большие строительно-монтажные работы по первоочередным объектам: восстановить и заново построить подъездные пути, жилые дома, складские помещения и др. На март 1946 г. структура завода была следующей: 1) управление; 2) производственные цеха (литейный, механический, кузнечные, деревообделочный, сборочные); 3) вспомогательные цеха (инструментальный, ремонтно-механический, электросиловой, ремонтно-строительный, дорожно-хозяйственный).

Для выпуска продукции в Калининграде Калининский вагонзавод должен был отправить в Калининград «довольно приличный багаж: чертежи, различную оснастку, приспособления, кондуктора для нижней и верхней рамы, инструменты и даже оставшуюся в заделе часть узлов и деталей» [4, с. 124–125].

И вот производство началось. «30 апреля 1946 года была закончена сборка пяти первых 20-тонных вагонов-самосвалов. Подкрашенные черной краской стояли они в цехе. И все работники завода приходили поглядеть на первенцев, подолгу стояли возле них, трогали руками лакированные борта...» [3, д. 6, л. 1]. Выпуск первых вагонов — очень важный момент в жизни завода. В то время думпкары были совершенно новым видом продукции для СССР, так что, выпустив их, завод

фактически вошел в число действующих предприятий. Директор завода В. П. Горбунов отметил в своем приказе от 30 апреля 1946 г.: «Получай, Родина, первые пять калининградских думпкаров!» [5, с. 130].

На протяжении всего 1946 г. завод систематически испытывал трудности из-за отсутствия кооперативных деталей для вагонов. Но, несмотря на все затруднения, уже в июне того же года завод приступил к нормальной работе. К осени удалось добиться выполнения плановых показателей (табл. 1). Отсутствие продукции в ноябре и проседание динамики в декабре объясняются сильными холодами, стоявшими в 1946 г., и абсолютной неподготовленностью к зимним условиями труда: например, у станочников были большие потери рабочего времени из-за того, что нужно было разогреть оборудование.

Таблица 1

Динамика выполнения плана производства думпкаров в 1946 г.

Количество	Месяц									
	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Шт.	5	10	20	20	11	40	50	–	25	
% (к плану)	25	40	66,6	50	27,5	100	100	–	50	

Источник: [3, д. 6, л. 35].

В 1946 г. был произведен ряд изделий на общую сумму 39 тыс. руб. Наряду с производством основной продукции завод выполнял значительное количество работ по капстроительству. В 1947 г. приступили к разработке и выпуску 40-тонных думпкаров [3, д. 107, л. 111]. Для этого был организован самостоятельный сборочный цех [5, с. 23]. Вместе с тем не прекращался выпуск и 20-тонных думпкаров. Во второй половине 1947 г. завод перешел на серийное производство четырехосных 40-тонных думпкаров.

Переход на производство новых вагонов был связан с трудностями и проходил в сложных условиях непрекращающейся эксплуатации старого производства и проектирования нового. При этом техническая база завода оставалась практически на уровне прошлых лет. Имевшиеся ограничения в подаче электроэнергии также осложняли работу завода. Сохранялось и неустойчивое финансовое положение предприятия: реализация продукции была убыточной. Помощь заводу поступала от Госбанка в виде кредитов и от Главвагонпрома в форме специального финансирования.

На заводе из-за отсутствия квалифицированных работников практически не был организован учет материальных ценностей, товаров, ширпотреба, бракованной продукции. Однако, несмотря на все трудности, объемы выпускаемой продукции продолжали расти (табл. 2).

Таблица 2

Рост производства

Год	Валовой выпуск		Товарное производство	
	Количество, ед.	% роста	Количество, ед.	% роста
1946	9995	–	3690	–
1947	10502	260,8	9040	223,6

Источник: [3, д. 16, л. 4].

Первый образец 40-тонного думпкара был выпущен к 1 мая 1947 г. Одновременно с его производством велись работы по усовершенствованию первоначальной конструкции. К концу года на заводе было собрано три варианта новых опытных образцов модернизированного думпкара. Немалое внимание уделялось бытовым нуждам трудящихся: восстанавливалось и заново строилось жилье, функционировало подсобное хозяйство. На территории завода работали парикмахерская, сапожная и швейная мастерские [3, д. 2, л. 1].

Завод развивался — на 1 января 1948 г. он насчитывал 1500 работников. Проводилась работа по совершенствованию моделей и испытанию новых образцов, по рационализации и охране труда, появился контроль качества продукции [3, д. 16, л. 7]. В 1948 г. завод отказался от государственной дотации, но сохранил деловые финансовые отношения с Госбанком.

Стартовал серийный выпуск 50-тонных вагонов-самосвалов, которые были разработаны в заводском конструкторском отделе. Эти вагоны уже имели открывающиеся вверх борта и разгружались не посредством ручных рычагов, а с помощью пневматических устройств, питающихся непосредственно от паровоза.

В 1948 г. структура завода выглядела следующим образом: 1) дирекция; 2) планово-экономический отдел; 3) производственно-диспетчерский отдел; 4) отдел оплаты труда и зарплаты; 5) отдел главного технолога; 6) отдел технического контроля; 7) центральная лаборатория; 8) энерго-механический отдел; 9) бухгалтерия;

10) финансово-бытовой отдел; 11) отдел снабжения; 12) отдел кадров; 13) административно-хозяйственный отдел. Общая численность инженерно-технического персонала составляла 135 человек [3, д. 29, л. 2]. Как можно заметить, структура завода с каждым годом становилась все шире.

В 1949 г. завод поставил перед собой задачу выпустить в 1,5 раза больше продукции, чем в 1948 г. Для ее осуществления нужно было ежемесячно производить 150 думпкаров. В том же году завод освоил выпуск цилиндров опрокидывания для 35-тонных думпкаров узкой колеи. В декабре завод выпускал уже 6 вагонов-самосвалов в сутки.

В 1950 г. завершилось восстановление завода. Его работа получила признание — продукция была востребована для нужд страны, а думпкары с логотипом завода встречались в разных уголках Советского Союза — на Печоре, в Магнитогорске, Караганде, Запорожье, на Дальнем Востоке, на стройке Волго-Донского канала, на Кузбассе...

К 1950 г. заводу удалось войти в число действующих предприятий. В основном было завершено строительство и восстановление цехов, поточных линий, подсобных помещений, налажен выпуск продукции, а 21 апреля 1950 г. был досрочно выполнен пятилетний план по выпуску валовой продукции. По сравнению с 1946 г. выпуск продукции увеличился в 19 раз. С 1946 по апрель 1950 г. было внедрено в производство около 500 различных приспособлений, облегчающих труд и намного ускоряющих производственный процесс [3, д. 77, л. 91].

Таким образом, процесс восстановления Калининградского вагоностроительного завода в 1946–1950 гг. представляет собой уникальный пример успешной адаптации промышленного объекта к новым социально-экономическим условиям на вновь приобретенной территории. В условиях острого дефицита материальных, технических и кадровых ресурсов были приняты эффективные организационно-управленческие решения. Ключевыми факторами успеха стали системный подход к мобилизации трудовых ресурсов (комбинирование оргнабора, привлечение демобилизованных и обучение на производстве), рациональное использование сохранившейся материально-технической базы, поэтапное наращивание производственных мощностей параллельно с решением социально-бытовых вопросов. Особого внимания заслуживает достигнутая за пятилетний период 19-кратная интенсификация производства, что свидетельствует об оптимальности выбранной модели реиндустриализации.

Список источников и литературы

1. *Grimoni L. Waggon-Fabrik L. Steinfurt A.-G. Königsberg (Pr). 1830–1945 // Königsberger Bürgerbrief. 1998. Winter. S. 17–24.*
2. *Wolf H. Waggonfabrik L. Steinfurt. Aktiengesellschaft // Freimann W. Die Gartenstadt Ratshof in Königsberg Pr.: Eine Dokumentation. Rendsburg, 1984. S. 10–15.*
3. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-192 (Калининградский вагоностроительный завод). Оп. 7.
4. На обновленной земле: сб. / сост. С. Т. Жбанков. Калининград, 1974.
5. Продолжение подвига / сост. В. А. Кратюк. Калининград, 1967.

Об авторах

Елизавета Алексеевна Соколова — главный архивист ОГКУ «Государственный архив Калининградской области» (Калининград).

E-mail: sokolovaelz39@gmail.com

Елена Вячеславовна Баранова — канд. ист. наук, директор Научно-исследовательского центра социально-гуманитарной информатики, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград).

ORCID ID: 0000-0001-7519-4258

E-mail: EBaranova@kantiana.ru

E. A. Sokolova, E. V. Baranova

Restoration of the Car-building plant in Kaliningrad

The article describes the history of the creation of the Kaliningrad Car-building plant in 1946 on the basis of the former Leopold Steinfurt Carriage Works. In the conditions of post-war reconstruction, when the region was in ruins and required a complete restoration of the infrastructure, the organisers of the new enterprise faced serious difficulties. The study states that the primary task for them was not only to restore the buildings, but also to create new production capacities.

Keywords: history of industry, history of the Kaliningrad Oblast, Kaliningrad Car-building plant, Soviet times

The authors

Elizaveta A. Sokolova, Chief archivist, State Archive of the Kaliningrad Oblast, Kaliningrad.

Elena V. Baranova, Dr. (History), Director, Research Centre for Social and Humanitarian Informatics; Associate Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

ORCID ID: 0000-0001-7519-4258

Библиотечная система Калининградской области: начало

Охарактеризована организация библиотечного дела в Калининградской области в 1946–1948 гг. В частности, представлена история создания Калининградской областной научной библиотеки в первые послевоенные годы. На основе архивных документов приведены статистические данные, относящиеся к раннему этапу развития библиотечной системы в регионе.

Ключевые слова: библиотечное дело, Калининградская область, организация библиотечного дела, Калининградская областная научная библиотека

Одной из задач советского государства в послевоенный период стало восстановление и дальнейшее развитие сети библиотек, развёртывание библиотечного обслуживания населения. Особая ситуация сложилась в Калининградской области, где формирование русскоязычного библиотечного фонда нужно было начинать с нуля.

Девятнадцатого мая 1946 г. в Кёнигсберге был создан областной отдел культурно-просветительной работы. В соответствии с решением Совета министров РСФСР от 18 июля 1946 г. № 458 было предписано обязать Калининградское областное управление по гражданским делам (тов. Борисов) и Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР (тов. Зуев) организовать во втором полугодии 1946 г. в Калининграде и Калининградской области 19 государственных массовых библиотек (из них одну областную, 3 городских, 14 районных и одну детскую).

Первая библиотека в области — Калининградская областная научная библиотека — была образована в июне 1946 г. (точную дату установить невозможно из-за отсутствия распорядительных документов). По поводу назначения директора областной библиотеки документ лаконичен: «... VI — 1946. Стаж рук. 1,5 года — утвержден Обкомом ВКП(б)» [2, оп. 7, д. 32, л. 26, 54].

Тогда же было подобрано и закреплено за библиотекой здание, где ранее помещался Прусский государственный архив. Архитектор Роберт Либенталь, уроженец Тильзита (ныне Советск), спроектировал здание в стиле баухаус для хранения архива — ранее документы размещались в северном крыле Королевского замка.

Основой библиотечного фонда послужила литература, присланная из Госфонда и КОГИЗа (областного отделения книготоргового объединения государственных издательств). Уже к 1 января 1947 г. в областной библиотеке насчитывалось около 35 тыс. томов [1, с. 201]. Первая запись в инвентарную книгу была сделана 1 октября 1946 г. [6, с. 12].

Областной отдел культпросветработы при Калининградском облисполкоме подготовил и направил в Центральное статистическое управление Госплана СССР (отдел культуры) «Сводку годовых отчетов самостоятельных библиотек Комитета по делам культурно-просветительных учреждений за 1947 год», выполненную по форме В-III-С [2, оп. 8, д. 2, л. 1–4]. Сводка имела следующие разделы: «Отделы библиотеки», «Читатели», «Движение книжного фонда», «Распределение книжного фонда по отделам», «Распределение книговыдач по отделам», «Работа читателей», «Межбиблиотечный абонемент», «Массовая работа», «Показатели работы библиотеки»¹.

Такой стандартный для всех регионов СССР отчет, имевший форму типографского бланка, требовал как предоставления статистических сведений, так и описания конкретной культурно-просветительской работы, проведенной с посетителями. Так, из первой таблицы узнаём, что штат областной библиотеки составлял уже 16 работников. В учреждении имелся читальный зал («читальня»), 17 «передвижек», при этом указывалось, что передвижного фонда в библиотеке нет. В подразделе «Число библиотек, имеющих детское отделение» стоит прочерк. За 1947 г. число читателей, бравших книги на дом, составило 1 тыс. 793 человека. Всего библиотечный фонд Калининградской областной библиотеки насчитывал на 1 января 1947 г. 35 тыс. книг (без брошюр, которые не записывались в основную инвентарную книгу). Предположим, что такое округленное число говорит о том, что проведенная инвентаризация книжного фонда не была окончательной. Но уже на 1 января 1948 г. указано точное количество поступивших за этот год изданий — 40 776 экземпляров.

¹ Сводные данные по числу библиотек, предоставивших сведения о наличии книг, о числе читателей, бравших книги на дом, и числе выданных книг.

Число общего библиотечного фонда становится менее круглым, но, скорее всего, тоже пока приблизительно — 71 500 изданий. Кроме того, если сложить данные за 1947 и 1948 гг., то окажется, что из библиотечного фонда пропало примерно 4300 изданий. Трудно предположить, что это было связано с непорядочностью читателей. Так, в отчете приводится отдельный показатель в 89 книг, которые не вернули читатели (чуть более 0,1% от общего библиотечного фонда). Показатель «выбыло книг по другим причинам» составляет всего 7 экземпляров, то есть на уровне погрешности. Однако если мы обратимся к цифре «брошюр, не занесенных в инвентарную книгу», их окажется 4180, что уже ближе к «пропавшим» 4300 единицам. Предположим, что в количестве 35 тыс. (на 1 января 1947 г.) ошибочно занесли именно эти брошюры.

Характерно, что районные (14), городские (7), сельские (31) и «самостоятельные детские» (4) библиотеки предоставили более точные статистические сведения. В данных по разделам нет ни одного округленного числа, нет такого множества пропаж — там статистика «бьется» до последней цифры². Например, всего книжный фонд районных библиотек составил 79 тыс. 391 экземпляр, из них выбыло 1458 книг: 598 «за ветхостью», 860 не возвратили читатели [2, оп. 8, д. 2, л. 1–4]³. Небольшая неточность в отчетах также наблюдается по городским и сельским библиотекам. Четыре детские библиотеки, похоже, или запутались в отчетности, или действительно каким-то образом утратили 1241 экземпляр из общего числа 9658, причем читатели не вернули только 29 книг [Там же, л. 4].

Вторая таблица говорит нам о читательских предпочтениях жителей нашего края. Так, книжный фонд всех библиотек распределялся по разделам следующим образом: общественно-политический — 55 137 экземпляров (из них труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина — 27 195, «военно-оборонные» — 4867 и др.); художественные — 41 392; детские (выделены отдельно) — 15 419; сельскохозяйственные — 10 377; технические — 8973; естественнонаучные — 7747.

² Поскольку сводный отчет по районным библиотекам составляли вышестоящие инстанции, можно предположить, что они могли скорректировать цифры до стопроцентного результата.

³ При сопоставимом с областной библиотекой количестве районных библиотечных изданий читатели последних не вернули книг в 10 раз больше в сравнении с жителями областного центра.

К «прочим» были отнесены 18 989 книг. Оказалось, что наибольшим спросом пользовалась художественная литература, в том числе детская. Читатели обращались к таким изданиям 253 336 и 109 649 раз соответственно. Несмотря на то что в библиотечном фонде количество общественно-политических изданий было примерно равным всей художественной литературе, включая детскую, востребованность художественного чтения оказалась в семь раз выше. Общественно-политические книги пользовались читательским спросом, их брали 44 288 раз (классики марксизма — 17 411, «военно-оборонные» — 6885), сельскохозяйственные — 32 158, естественно-научные — 13 353, технические — 13 040, прочие — 20 037⁴ [Там же, л. 2].

Библиотека представила приблизительную статистику посещений читального зала. Так, в отчете указывалось, что за 1947 г. «читальню» посетили 10 тысяч раз 700 читателей, которые взяли 19 200 книг [Там же, л. 3]. В течение 1948 г. областная библиотека организовала 53 книжные выставки, 2 читательские конференции: одну по повести Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке», другую — на тему «За что комсомол награжден тремя орденами» [3, с. 22].

В январе 1947 г. были утверждены структура и штатное расписание областной библиотеки. Из 16 первых библиотекарей высшее специальное образование имели 6 человек, это были «молодые библиотечные кадры, окончившие в 1946 г. Московский государственный библиотечный институт» [2, оп. 7, д. 16, л. 34–35]. Среди первых библиотекарей — Елизавета Ивановна Завьялова, Клавдия Ивановна Умняшкина, Галина Ивановна Ракель, Зоя Сергеевна Фейгина, Зинаида Андреевна Борель, Елизавета Филипповна Студилова, Клавдия Петровна Самарина, Лидия Захаровна Шевченко, Игорь Иванович Дементьев, Зоя Сергеевна Леонтьева, Галина Ивановна Егорова и др. [7, с. 135].

В информационном годовом отчете Калининградской областной библиотеки за 1947 г. директор Иван Алексеевич Бурма писал, что «областная библиотека еще не заняла должного места среди библиотек нашей Республики» [2, оп. 7, д. 16, л. 34].

Несмотря на все трудности, библиотека стала оказывать помощь в создании библиотечной системы области. К концу 1947 г. в городах

⁴ Составитель отчета вписывал чернилами цифры в государственный бланк, число естественно-научных изданий было замазано и внесено новое, детских книг — зачеркнуто, также внесено новое, но не принципиально различающееся с предыдущим. Исправления сделаны при пересчете суммы чисел по отдельным графам.

и районах Калининградской области работало 57 библиотек: 1 областная, 7 городских, 4 детские, 14 районных, 31 сельская. Книжный фонд составлял около 250 тыс. книг, в том числе 75 тыс. в областной библиотеке. Кроме того, в сельской местности работало 149 избчитален, 240 библиотек-передвижек. Лучшими библиотеками в 1947 г. были признаны Черняховская городская, детская города Калининграда, районные Полесская и Багратионовская. Они сумели перейти от организационных вопросов к реальной работе, «применить все формы и методы библиотечной практики по обслуживанию своих читателей как в деле пропаганды книг, так и в проведении массовых мероприятий с читателями» [5, с. 129].

В конце июля 1948 г. отдел культпросветучреждений при облисполкоме провел двухдневное совещание для заведующих отделами культпросветработы городов и районов с участием заведующих городскими, районными и сельскими библиотеками. В докладе об итогах Всесоюзного совещания библиотечных работников И. А. Бурма привел важные итоговые данные о состоянии библиотечного дела в Калининградской области. Так, к середине 1948 г. была открыта 91 массовая библиотека с книжным фондом более 300 тыс. книг. За последние полтора года работники библиотек обслужили 78 тыс. трудящихся, выдав им около миллиона книг и журналов [4]. Рубеж 1940–1950-х гг. особо отмечен напряженной методической работой. Только в 1948 г. проведено 10 крупных совещаний и семинаров продолжительностью от двух до шести дней, 10 практикумов для заведующих сельскими, профсоюзными и школьными библиотеками. Составлено 15 методических разработок и инструктивных писем, осуществлен 31 выезд в организованные библиотеки области. И все это при одном методисте, а весь штат библиотечных работников вместе с директором составлял 16 человек [7, с. 140]!

К началу 1950-х гг. сеть государственных массовых библиотек была создана, на протяжении последующих десятилетий она претерпевала изменения, но основа была заложена в первые годы образования Калининградской области.

Список источников и литературы

1. Бурма И. А. Книги — народу // Продолжение подвига. Калининград, 1967. С. 201–203.
2. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-289 (Калининградский областной отдел культурно-просветительной работы).

3. Отчет Калининградской областной библиотеки за 1948 год. Копия. Калининград, 1948 // Архив Центра регионоведения Калининградской областной научной библиотеки.

4. Поднять уровень библиотечной работы // Калининградская правда. 1948. 31 июля. № 152. С. 3.

5. *Постникова С. М.* Информационно-просветительский центр геополитического значения: К 70-летию Калининградской областной научной библиотеки // Библиотековедение. 2016. Т. 1, № 2. С. 127–135.

6. *Постникова С. М.* Архив местной печати // История печати и издательского дела: к 70-летию образования Калининградской области. Калининград, 2016. С. 12–16.

7. *Постникова С. М.* Калининградская областная библиотека: в начале пути // Время Музея. Калининград, 2021. Вып. 4. С. 128–145.

Об авторах

Андрей Анатольевич Ярцев — д-р ист. наук, директор музея «Фридландские ворота» (Калининград).

E-mail: profundis.2000@mail.ru

Светлана Масадировна Постникова — руководитель школьного музея, зав. библиотекой гимназии № 32 (Калининград).

E-mail: suetonius@mail.ru

S. M. Postnikova, A. A. Yartsev

Library system of the Kaliningrad Oblast: Origins

The study covers the organisation of library work in the Kaliningrad Oblast in 1946-1948 and, particularly, the establishment of the Kaliningrad Regional Scientific Library in the first post-war years. Based on archival documents, the article provides statistical data relating to the early stage of development of the library system in the region.

Keywords: Kaliningrad Oblast, Kaliningrad Regional Scientific Library, librarianship, organisation of library work

The authors

Andrey A. Yartsev, Prof. (History), Director of the Friedland Gate Museum, Kaliningrad.

Svetlana M. Postnikova, Head of the School Museum and the library of Gymnasium No. 32, Kaliningrad.

Заселение Калининградской области в отражении газеты «Калининградская правда» в 1946–1991 годах

На основе публикаций главной региональной газеты Калининградской области советского периода «Калининградская правда» охарактеризован процесс заселения края после окончания Второй мировой войны. Выделены три этапа в формировании исторической памяти калининградцев о заселении области. Сделан вывод о полноценном обращении прессы к теме истории переселения в конце 1980-х гг. в связи с ростом интереса калининградцев к этому вопросу, а также началом комплексного изучения истории переселения в Калининградском государственном университете.

Ключевые слова: первые переселенцы, Калининград, пресса, контент-анализ, перестройка

1940-е годы отмечены высокой интенсивностью и масштабностью миграций на всей территории СССР. Однако научный интерес к проблеме миграций в отечественной науке появился значительно позднее. Исследование процесса переселения в Калининградскую область начинается в 1960-х гг. Прежде всего следует отметить статьи калининградского историка Э. М. Колгановой «Заселение Калининградской области» и «Образование и развитие Калининградской области — интернациональный подвиг советского народа» [8; 9]. Отдельные аспекты переселения в область рассматривались в работах В. Г. Бирковского, В. С. Исупова, И. А. Фарутина [2; 5; 6]. На том этапе историков «интересовали вопросы об организации и причинах переселения, льготах переселенцам, количественные показатели заселения области, категории переселенцев» [1, с. 135].

Рост интереса к теме произошел с началом перестройки и проведением политики гласности, открытием ранее засекреченных архивных материалов. Впервые к теме переселения в Калининградскую область с новым методологическим подходом — методом устной истории — обратился Юрий Владимирович Костяшов. Под его руководством был осуществлен масштабный проект по сбору воспоминаний первых

переселенцев в Калининградской области. Коллектив калининградских историков подготовил книгу «Восточная Пруссия глазами первых советских переселенцев» [3]. Книга выдержала несколько изданий — впервые вышла на польском языке, затем на немецком, и лишь в 2002 г. на русском [1, с. 137]. Ю. В. Костяшова принадлежит серия статей по таким аспектам истории заселения области, как процесс переселения [13], состав первых переселенцев [12; 15], организация колхозной жизни [14; 16; 18], обратничество [17], социокультурная адаптация [10]. Материалы устной истории, представленные в книге «Восточная Пруссия глазами первых советских переселенцев», стимулировали рост интереса к рассмотрению проблем исторической памяти жителей области. В совокупности представлений об истории Калининградской земли тема переселения занимает одну из ключевых позиций [19], будучи своеобразным «местом памяти» в соответствии с концепцией французского историка Пьера Нора [20].

Формирование исторической памяти, по мнению историка Л. П. Репиной, происходит благодаря двум факторам: «а) памяти о пережитом, или представлениям, сформированным на основе жизненного опыта индивида; б) представлениям, выработанным обобщенным групповым опытом предыдущих поколений и усваиваемым индивидом в процессе социализации» [21, с. 12].

В этой связи историческая память о процессе переселения в Калининградскую область могла быть сформирована, с одной стороны, благодаря личной памяти, а с другой — рассказами о процессе переселения (как через свидетельства участников событий, так и через публикации в СМИ). Основным источником новостей в советском Калининграде было главное партийное издание «Калининградская правда» — первая газета области, которая стала выходить в Калининграде 9 декабря 1946 г., уже через месяц после прибытия первого эшелона с переселенцами [7]. Будучи официальным органом Калининградского областного комитета ВКП(б), газета на протяжении всего времени своего существования придерживалась линии изложения, заданной партийным руководством.

Цель работы — проследить динамику публикаций на тему переселения в Калининградскую область с момента выхода первого номера газеты в 1946 г. до трансформации издания в акционерное общество в ноябре 1991 г.

Публикации рассматривались с помощью метода контент-анализа, предполагающего анализ качественных и количественных

характеристик текстов. Отбор публикаций на тему переселения в Калининградскую область проходил с помощью поисковой системы онлайн-архива прессы советского периода <https://kaliningradka.kantiana.ru/lp/lp/pravda/>. Все публикации о переселенцах в Калининградскую область были переведены в машиночитаемый текст в программе *Fine Reader*. Всего проанализирована 181 газетная статья на тему переселения в Калининград (рис. 1).

На диаграмме (рис. 1) отражена динамика публикаций за весь период. Наибольшее количество материалов было опубликовано в 1940–1950-е гг., когда действовала программа по переселению и в область активно приезжали жители из других регионов страны. В 1960–1970-е гг. о процессе переселения в газете публиковали по 1–2 статьи в год, что можно объяснить, во-первых, сравнительно недавним прошлым (события 20–30-летней давности во многом не воспринимались как относящиеся к истории), а во-вторых, лейтмотивом исторического нарратива, сфокусированного на событиях Великой Отечественной войны. Всплеск интереса к теме переселения произошел в период перестройки — в момент трансформации политики редакции.

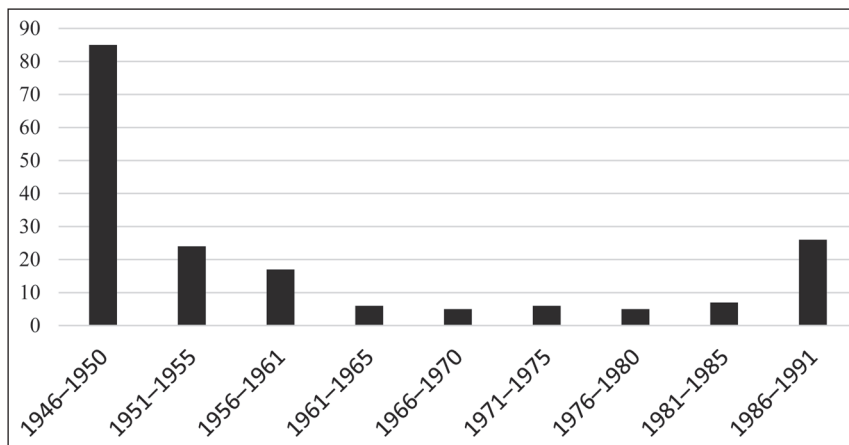

Рис. 1. Динамика публикаций на тему переселения в Калининградскую область в 1946–1991 гг.

Для анализа материалов на основе частотного словаря всех слов, употреблявшихся в публикациях, была разработана система категорий,

которая отражает несколько аспектов переселения в Калининградскую область, разделенных по основным сферам жизни общества (табл. 1).

Таблица 1

Система категорий

Категория	Индикаторы (смысловые единицы, по которым осуществлялся поиск)
<i>Экономические аспекты</i>	
Восстановление и строительство	восстановлени*, восстановить, руины, строительство, ремонт, построены, побелены, стрит*, построить
Колхозы	зерно, колхоз*, сев, животноводство, трудодень, скот, гектары, совхоз*
Промышленность	промышленност*, завод, комбинат*
Благополучие	богат*, изобили*, льгот*
<i>Политические аспекты</i>	
Власть	партия, партийный, собрание, правительство, председатель, исполком, КПСС, ВКП(б)
Личности	Сталин, Ленин, Калинин
<i>Социальные аспекты</i>	
Переезд	дорог*, поезд, приезжайте
Встреча	помощь, встреча, готово
Места выхода	Волга, Поволжье, Рязань, Брянск, Белоруссия, Тамбов
Семья	семья, семьи, папа, мама, отец, дети
Школа	школ*, образование, обучение, класс*
<i>Культурные аспекты</i>	
Калининградцы	старожил*, местн*, родилис*, родин*
Взаимодействие с немецким населением	немц* жители Кёнигсберга
«Присвоение»	хозяева, свое, наша земля, родина, наша область, наш край
История	война, Восточная Пруссия, Кёнигсберг, штурм

Анализ частоты встречаемости категорий показал, что на протяжении всего периода газета в первую очередь описывала деятельность колхозов по восстановлению народного хозяйства, во вторую — действия власти по организации переселения (табл. 2). Интересно, что некоторые категории, например «немцы», стали упоминаться только в 1990–1991 гг.

Частота встречаемости категорий

Категория		1940-е	1950-е	1960-е	1970-е	1980-е	1990-е
<i>Культурные аспекты</i>							
Немцы		4	0	0	0	0	12
Калининградцы		20	22	5	4	6	4
История		22	13	0	2	10	23
«Присвоение»		30	20	8	6	12	16
<i>Политические аспекты</i>							
Личности	Сталин	91	63	0	0	0	3
	Ленин	29	11	3	8	3	10
	Калинин	2	0	0	0	0	0
Власть		158	75	33	15	6	16
<i>Социальные аспекты</i>							
Встреча		43	42	10	5	7	6
Переезд		18	15	3	1	0	5
Семья		45	46	11	6	0	26
Школа		9	2	3	0	1	1
Места выхода	Волга	4	1	0	0	1	0
	Поволжье	1	0	0	0	0	1
	Рязань	6	3	0	2	3	1
	Брянск	4	7	1	2	3	0
	Белоруссия	2	0	0	0	3	0
	Тамбов	1	1	0	1	1	0
<i>Экономические аспекты</i>							
Промышленность		48	20	1	23	13	22
Колхозы		388	280	67	24	16	34
Благополучие		8	25	7	1	0	6
Восстановление и строительство		298	166	36	11	21	38

В историографии выделяются три этапа формирования исторического нарратива о прошлом региона [4]: курс на изгнание «прусского духа» и советизацию региона (1940–1950-е), появление альтернативных представлений наряду с господствующей официальной политикой памяти (1960–1970-е), усиление альтернативного дискурса и реабилитация довоенного прошлого в период перестройки (1980–1990-е). Далее представлены особенности публикаций на тему переселения в каждом периоде.

1940–1950-е гг.

На рисунке 2 представлена диаграмма, построенная на основе совместной встречаемости отдельных категорий в публикациях. Толщина линий отражает степень связанности тех или иных тем между собой в историческом нарративе «Калининградской правды». Ключевой в 1940–1950-е гг. стала задача восстановления и строительства в колхозах области. С категориями «восстановление и строительство», «колхозы» чаще всего совместно упоминалась категория «власть»:

По зову партии и правительства, по зову товарища Сталина со всех концов нашей Родины в новую советскую область переселились многие тысячи советских граждан — колхозников, рабочих, специалистов. На территории Калининградской области были созданы партийные и советские органы, призванные руководить строительством новой области¹.

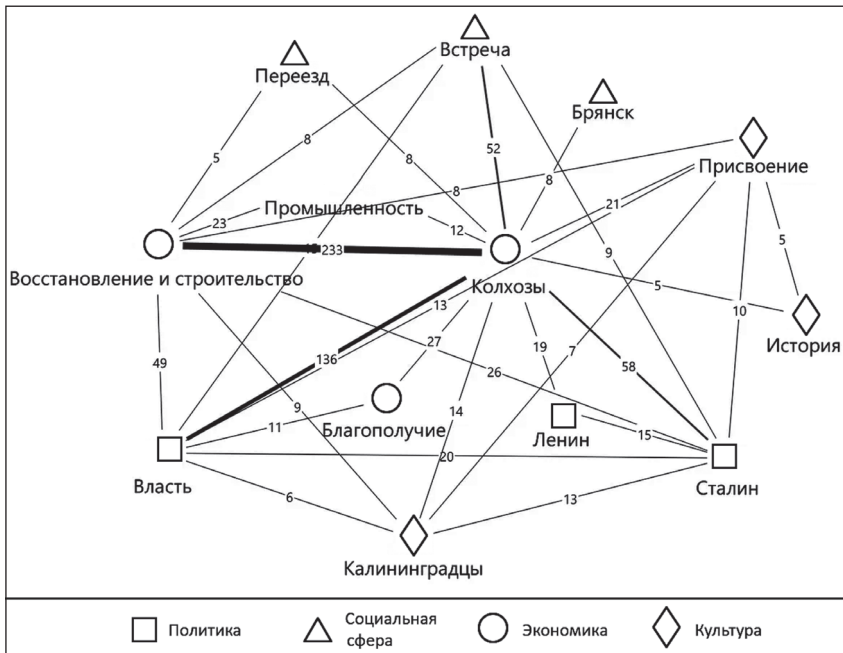

Рис. 2. Результаты визуализации частот совместной встречаемости категорий в 1940–1950-е гг. (порог > 5)

¹ Добро пожаловать, дорогие товарищи! // Калининградская правда (КП). 1949. 8 янв. С. 5.

Идиллическая картина освоения области изредка нарушалась критикой подготовки к приему первых переселенцев. Так, в статье 1949 г. под названием «Нет, не все в порядке!» возлагалась ответственность на руководителей колхозов:

В пос. Громе в начале января прибыло из колхозов 20 специалистов, но их не обеспечили общежитием, питанием, и они разошлись по домам. <...> Не сумев организовать сырьевой базы, т. Анаскин ищет иного выхода из создавшегося положения. Он распорядился снять двери и оконные переплеты в домах соседнего, еще пустующего, поселка. К сожалению, ни райисполком, ни райком ВКП(б) не пресекают подобной практики².

Особая роль в описании организации переселения отводилась И.В. Сталину:

Летом 1947 года товарищ Сталин специально заинтересовался, как устроились и как живут калининградцы на новой земле. В Москву были вызваны руководители области со специальным докладом. Вскоре товарищ Сталин направил в Калининград правительственную комиссию и поручил ей составить и представить на рассмотрение план социалистического строительства Калининградской области³.

О причинах появления специальной комиссии и бедственном положении в Калининградской области умалчивалось. Исследование обстоятельств деятельности комиссии стало возможно только в 2000-е гг., что подробно описано в книге Ю.В. Костяшова «Секретная история Калининградской области» [11].

Одной из линий в описании темы переселения была практика «присвоения», то есть восприятия территории Калининградской области как своей, а прибывших калининградцев — как хозяев:

...Поезд подходил к станции назначения. Так говорили железнодорожники. Шел мелкий пушистый снег. Тонким слоем покрыл он землю, некогда служившую опорой немецким захватчикам. На эту землю приехали ее настоящие, полноправные хозяева⁴.

² Нет, не все в порядке! // КП. 1949. 28 янв. С. 3.

³ У карты! // КП. 1950. 10 февр. С. 3.

⁴ Переселенцы // КП. 1949. 7 апр. С. 3.

Появляются и статьи об объединяющей характеристике всех первых переселенцев:

Калининградцы! Не каждый может назвать себя этим именем. Это не просто люди, привязанные к определенным географическим пунктам на побережье Балтийского моря. Это люди высокого долга, объединенные своей беспредельной преданностью к большевистской партии, к Родине, воплотившие в себе огромный опыт советской страны и каждое свое действие, каждый свой шаг связывающие с интересами государства, интересами народа. Калининградец тот, кто честно и беззаветно служит Родине, трудом и всей своей жизнью оправдывает ее доверие⁵.

1960–1970-е гг.

В 1960–1970-е гг. одновременно с сокращением количества статей отмечается сохранение принятого ранее исторического нарратива *власть — восстановление — колхозная жизнь* (рис. 3).

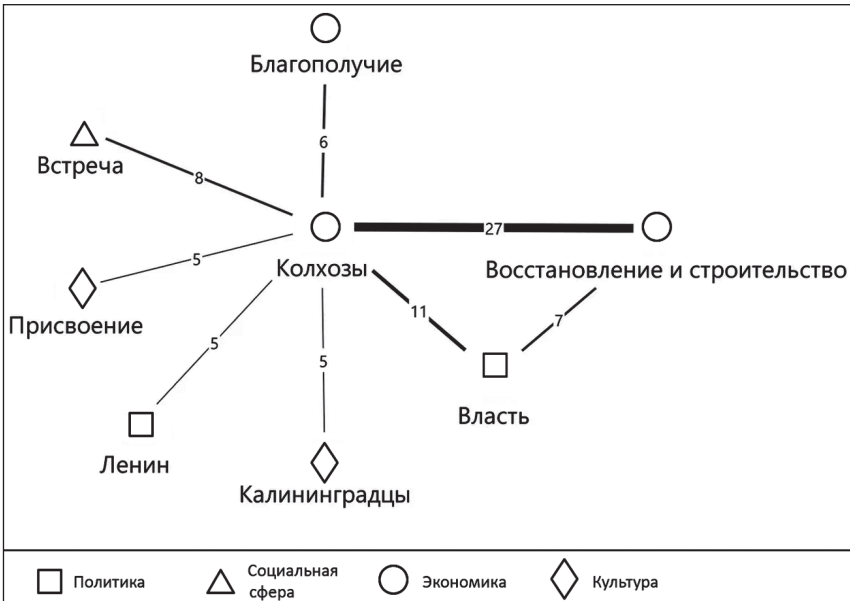

Рис. 3. Результаты визуализации частот совместной встречаемости категорий в 1960–1970-е гг. (порог > 5)

⁵ Мы из Калининграда! // КП. 1949. 7 апр. С. 3.

Описание приезда в Калининградскую область в публикациях сопровождалось подчеркиванием возможностей для благополучной жизни советского колхозника при условии активной трудовой жизни. Это находило отражение не только в исторических справках, но и в прозе, публикуемой в газете, например в рассказе о встрече двух друзей, живших в разных городах: «Базар был в разгаре. Длинные столы ломились от горок яблок, слив, груш, спелых помидоров. Все это было в таком изобилии, что у северянина Лобашова невольно разбежались глаза»⁶.

К 25-летию области в 1971 г. наряду со статистическими данными, свидетельствовавшими об успешном экономическом развитии всех отраслей хозяйства, вышел ряд публикаций об истории отдельных переселенческих семей, а в 1967 г. к 50-летию Великого Октября была написана «История колхоза имени Горького»⁷. Об освоении Калининграда сочиняли стихи: «Был первый старенький трамвай / Был первый плуг, поднявший пашню / Так начинался новый край / И так кончался край вчерашний»⁸.

1980–1990-е гг.

Значительные изменения в историческом нарративе стали происходить в период перестройки приблизительно с 1989 г., когда резко вырос интерес к теме переселения в область (рис. 4).

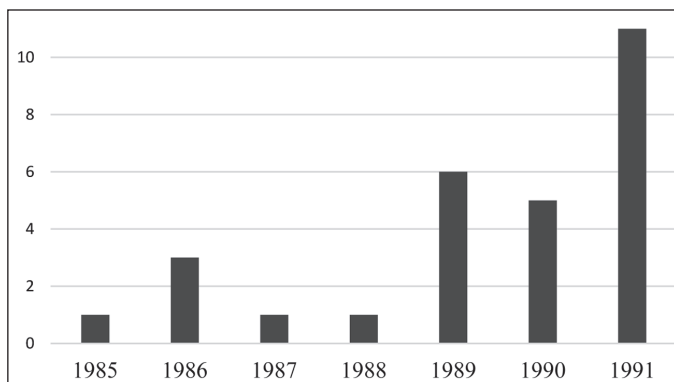

Рис. 4. Динамика публикаций на тему переселения в Калининградскую область в 1985–1991 гг.

⁶ Случевский Г. Встреча // КП. 1961. 23 июля. С. 2–3.

⁷ Летопись трудовой славы // КП. 1968. 7 июня. С. 3.

⁸ Дарьялов А. Весна земли моей // КП. 1971. 8 мая. С. 3.

Как видно из диаграммы на рисунке 5, в период перестройки в целом ослабло количество связей между отдельными частями исторического нарратива, появились новые темы для обсуждения: больше внимания стало уделяться промышленности, вопросам довоенной истории и сведениям о присутствовавшем в первые послевоенные годы немецком населении.

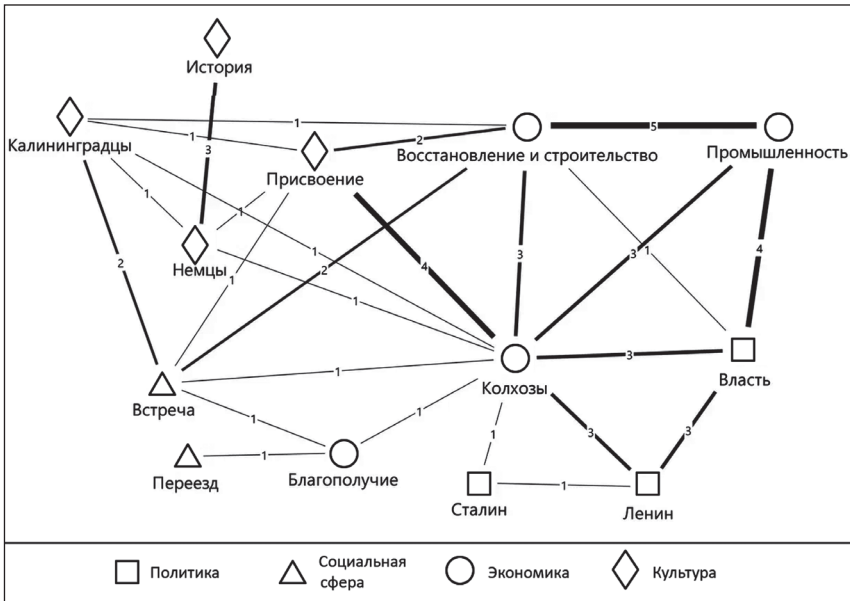

Рис. 5. Результаты визуализации частот совместной встречаемости категорий в 1980–1990-е гг.

В 1990–1991 гг. стали появляться отдельные редкие публикации о лагунах в исторической памяти калининградцев:

Надо сказать, что дефицит объективных первоисточников-документов действительно сказался на информировании калининградцев: даже из экспозиции краеведческого музея «исчезали» целые периоды. Мало изучена и история создания Калининградской области, особой, не имеющей аналогов в составе России. Вплоть до 1948 года коренные жители Кёнигсберга и переселенцы из союзных республик жили и работали вместе⁹.

⁹ Степанов О. Правда трудных лет // КП. 1990. 22 апр. С. 4.

В 1990–1991 гг. появляются публикации писем с воспоминаниями жителей области о переезде под характерными названиями: «История — это люди», «Здесь наши корни», «Живем здесь с 45-го...» и т. д. Одна из главных тем писем — «укоренение» на калининградской земле:

У многих из нас взрослые дети, растут внуки. У меня, например, детей шестеро и уже восемь внучат. Словом, основа жизни, так сказать, наши корни семейные действительно здесь, в калининградской земле, родной для нас, отеческой. И как старожил города равнодушна я к его судьбе, его настроению, облику. Кажется, все бы сделала, чтоб стал он краше, уютнее, чище¹⁰.

В 1991 г. на страницах «Калининградской правды» развернулась дискуссия вокруг темы сохранения исторического наследия города. В московской газете «Мегаполис-экспресс» была опубликована статья под названием «На что нам с тобою чужая земля?», в которой первые переселенцы назывались «временными пришельцами». Читатели газеты отреагировали на данную публикацию с негодованием. На первых полосах появились три большие статьи: «Пусть земля советская будет здесь навек»¹¹, «И всё же обидимся... конструктивно»¹² и «Для кого калининградская земля чужая?»¹³.

Таким образом, тема переселения в Калининградскую область, оставаясь одной из основных в историческом сознании жителей области, до середины 1980-х гг. была ограничена описанием колхозного строительства и успехов по восстановлению объектов промышленности, а интерес к истории переселения в полной мере смог проявиться только в конце 1980-х гг. Вместе с тем на протяжении всего периода лейтмотивом была тема формирования единой общности калининградцев. Начало комплексного подхода к изучению вопросов переселения стало возможным в период перестройки. В октябре 1988 г. в Калининградском государственном университете было создано отделение Всесоюзной ассоциации молодых историков, председателем которого стал заведующий кафедрой всеобщей истории

¹⁰ Коробкова А. Е. Живем здесь с 45-го... // КП. 1990. 5 июня. С. 1.

¹¹ Пусть земля советская будет здесь навек // КП. 1991. 19 июля. С. 1.

¹² И всё же обидимся... конструктивно // КП. 1991. 23 июля. С. 3.

¹³ Гордеев И., Салихов А. Для кого калининградская земля — чужая? // КП. 1991. 24 авг. С. 1.

КГУ Юрий Владимирович Костяшов. Основной задачей организации было определено: «изучение истории становления Калининградской области и истории Прибалтики»¹⁴. Инновацией стало обращение к методам устной истории в изучении первых послевоенных лет в истории края. Уже через год в газете «Калининградский университет» отмечалось: «Одним из направлений научной деятельности этой организации является сбор и обобщение воспоминаний очевидцев событий 1945–1950 гг., связанных с переселенческими проблемами. Собрано 300 анкет и свыше 50 интервью, правдиво отражающих картину первых лет становления области»¹⁵. Ниже приведена опубликованная в газете 18 июня 1991 г. под рубрикой «Краеведение: новые подходы» статья о начале проекта по устной истории в регионе.

О ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ БЕЗ ПРИКРАС

Интерес калининградцев к прошлому своего края не удовлетворялся и даже искусственно гасился долгое время. До известной степени эти идеологические ограничения застойного времени облегчали труд историков, музейных работников, архивистов — всех тех, кто по долгу службы профессионально занимался местной историей, которая началась и, по сути дела, заканчивалась Восточно-Прусской операцией.

Последние годы заставили нас изменить отношение к прошлому области. Благодаря усилиям краеведов и энтузиастов калининградцам стали открываться доселе мало известные страницы истории этой древней земли. Надо, однако, признать, что систематическое изучение исторической эпохи до 1945 г. только начинается. Необходимо собрать, классифицировать и изучить огромный массив источников, критически осмыслить богатейшее наследие немецкой (а также польской, литовской) историографии, попытаться разработать современную концепцию истории края, учитывающую многообразие и сложность происходивших здесь на протяжении веков этнокультурных процессов.

На фоне таких трудных задач разработка послевоенной истории области выглядит вроде бы вполне благополучно. Об этом свидетельствует и внушительный список научных публикаций, среди которых я бы выделил как наиболее значительные работы Э. М. Колгановой и И. А. Фарутина. И тем не менее благополучие это мнимое. Если

¹⁴ *Васильева Н.* Знать историю края // Калининградский университет. 1988. 18 окт. С. 3.

¹⁵ *Клемешева М. А.* Знай свой край // Калининградский университет. 1989. 3 марта. С. 3.

вдуматься, вся написанная история области — это история заводов и колхозов, пятилеток и починов, удоев и уловов. Из нее как-то незаметно выпал человек с его страданиями и радостями, повседневными заботами, обычаями, неустроенным бытом — всем тем, что, собственно, и составляет историю народа. А между тем наша область уникальна: ее население составили переселенцы почти со всей страны. Как взаимодействовали между собой различные уклады жизни, обычаи, традиции, особенно если учесть непривычность новой среды обитания и хоть несколько лет существовавшие контакты с местным немецким населением? К сожалению, к этим проблемам наша историческая наука еще и не подступала.

В 1988 году группа молодых преподавателей и выпускников исторического факультета КГУ взялась за разработку истории заселения Калининградской области. И сразу стало ясно, что традиционные пути исследования — изучение архивов, подшивок газет и т. п. — не позволяют создать полную и живую картину этого переломного события в истории края.

Была разработана специальная программа, которая охватывала все этапы переселения, включая такие вопросы, как вербовка, переезд, обустройство и быт, труд, отдых, отношения переселенцев с немцами и другие.

Однако по-настоящему работу удалось развернуть только с прошлого года, когда областной историко-художественный музей выступил в качестве главного заказчика и стал финансировать все работы по созданию народной (устной) истории становления Калининградской области. За это время под эгидой музея было проведено шесть научных экспедиций по области, записаны воспоминания десятков людей из числа первых переселенцев, а музейные фонды пополнились новыми интересными экспонатами. Всего же за три года опрошено около шестисот человек. Самые интересные интервью, заверенные и соответствующим образом оформленные (а это уже свыше 1200 машинописных страниц), переданы на постоянное хранение в архив областного музея.

Сегодня уже можно говорить о первых научных результатах проведенного собеседования. Новизну и ценность полученной информации можно проиллюстрировать на примере одного из десяти разделов опроса — «Социальный облик переселенцев».

Согласно официальным документам и работам советских историков, в Калининградскую область переселялись квалифицированные специалисты, наиболее добросовестные работники, передовые и трудолюбивые колхозники — люди, полные энтузиазма и желания возродить к жизни новый край. Увы, эта красивая картина была далека от действительности. Опрос со всей определенностью показал, что абсолютное

большинство переселенцев — люди с трудной, часто трагической судьбой. Прошедшие фронт, блокаду, оккупацию, потерявшие на войне родных и близких, лишившиеся крова, оставшиеся без средств к существованию. Для тысяч людей приезд в Восточную Пруссию был едва ли не единственным шансом попытаться наладить свою жизнь, получить работу, хоть какое-нибудь жилье. Это и понятно. Те, у кого были свой дом, работа, налаженное хозяйство, не хотели переселения. Часто главной причиной переселения становилась возможность получить подъемные, паек и другие, не очень значительные, льготы. Ехали в надежде, что здесь смогут выжить, — так тяжело было на родине. Многие наши собеседники отмечали и то, что новая область тянула к себе различного рода авантюристов, кладоискателей, людей с уголовным прошлым.

Особенно тщательно в интервью фиксировалось все, что связано с проживавшим здесь до 1948 года гражданским немецким населением и отчасти военнопленными. В центре внимания были взаимоотношения переселенцев с немцами. Десятки рассказов свидетельствуют о неоднозначности этих отношений, но в то же время дают все основания сделать вывод о преобладании дружелюбия и сочувствия советских людей к местному населению.

Эти исследования продолжаются, а результаты сотрудничества музея и Калининградского университета найдут отражение в новой экспозиции музея.

*Ю. Костяшов,
доцент КГУ*

Список источников и литературы

1. Баранова Е. В., Манкевич Д. В., Маслов В. Н., Стальмакова А. В. Историография послевоенного заселения Калининградской области в контексте советских общегосударственных миграций // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 133–151.
2. Бирковский В. Г., Исупов В. С., Фарутин И. А. История нашего края: пособие для учащихся. Калининград, 1990.
3. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах / авт. введ. Ю. В. Костяшов; сост. С. П. Гальцова [и др.]. СПб., 2002.
4. Дементьев И. О. «Что я могу знать?»: Формирование дискурсов о прошлом Калининградской области в советский период (конец 1940-х — 1980-е годы) // Люди и тексты: ист. альманах. М., 2014. № 6. С. 175–218.
5. История края (1945–1950): учеб. пособие для студентов-историков Калининградского государственного университета / В. Г. Бирковский [и др.]. Калининград, 1984.

6. *Исупов В. С.* На этапе становления: История Калининградской областной партийной организации в период создания и укрепления, 1946–1953 годы. Калининград, 1986.

7. Калининградская правда. URL: <https://gako.name/resursy/predstavlyaem-nashi-dokumenty/kaliningradskaya-pravda/index.php> (дата обращения: 01.09.2024).

8. *Колганова Э. М.* Заселение Калининградской области // Ученые записки Калининградского государственного педагогического института. Калининград, 1962. Вып. 8. С. 154–174.

9. *Колганова Э. М.* Образование и развитие Калининградской области — интернациональный подвиг советского народа // Ленинская национальная политика в действии: сб. ст. Калининград, 1974. С. 37–64.

10. *Костяшов Ю. В.* Изгнание прусского духа: как формировалось историческое сознание населения Калининградской области в послевоенные годы; *Маттес Э.* Запрещенное воспоминание: возвращение истории Восточной Пруссии и региональное сознание жителей Калининградской области (1945–2001). Калининград, 2003.

11. *Костяшов Ю. В.* Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград, 2009.

12. *Костяшов Ю. В.* Заселение Калининградской области (1946–1950 гг.) // Очерки истории Восточной Пруссии / Г. В. Кретинин [и др.]. Калининград, 2002. С. 472–480.

13. *Костяшов Ю. В.* Заселение Калининградской области после Второй мировой войны // Гуманитарная наука в России. М., 1996. Т. 2. С. 82–88.

14. *Костяшов Ю. В.* На колхозном собрании: Штрихи к истории заселения Калининградской области в 1946 году // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 132–138.

15. *Костяшов Ю. В.* О национальной структуре, этнографическом облике и социокультурной адаптации советских переселенцев в Калининградской области (1945–1950 гг.) // Национальные отношения в новое и новейшее время: теория и политическая практика. Калининград, 2000. С. 66–79.

16. *Костяшов Ю. В.* О формировании сельского населения Калининградской области в 1946–1951 гг. // Калининградские архивы: Материалы и исследования. Калининград, 2001. Вып. 3. С. 227–236.

17. *Костяшов Ю. В.* Обратничество в процессе заселения Калининградской области в послевоенные годы // Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград, 2005. С. 211–219.

18. *Костяшов Ю. В.* Формирование сельского населения Калининградской области // История сельского хозяйства Калининградской области / отв. ред. А. Л. Гусев, В. Н. Маслов. Калининград, 2006. С. 39–45.

19. *Мегем М. Е., Манкевич Д. В.* Отечественная и региональная история в зеркале культурной памяти калининградцев: поколенческие различия // Tempus et Memoria. 2023. Т. 4, № 1. С. 32–45.

20. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память. СПб., 1999.

21. Репина Л. П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 9–15.

Об авторе

Ангелина Вячеславовна Саенко — мл. науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград).

ORCID ID: 0000-0003-1285-2342

E-mail: AVSaenko1@kantiana.ru

A. V. Saenko

Settlement of the Kaliningrad Oblast as Reflected in the Newspaper “Kaliningradsкая Pravda” in 1946-1991

The article explores the process of settlement of the Kaliningrad Oblast after the end of World War II through the publications of the “Kaliningradsкая Pravda”, the main newspaper of the region during the Soviet period. The study deals with three stages in the formation of the historical memory of Kaliningraders about the settlement of the region. The author concludes that the full-fledged appeal of the press in the late 1980s to the topic of the history of resettlement was taking place due to the growing interest of Kaliningraders in this issue, as well as to the beginning of a comprehensive study of the history of resettlement at the Kaliningrad State University.

Keywords: first settlers, Kaliningrad, press, content analysis, Perestroika

The author

Angelina V. Saenko, Junior Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

ORCID ID: 0000-0003-1285-2342

Организация карточного снабжения в формирующейся Калининградской области: взгляд на процесс изнутри системы

Рассмотрены обстоятельства организации карточного снабжения продовольствием и промышленными товарами формировавшегося городского населения Калининградской области от момента ее образования весной 1946 г. до отмены карточной системы в СССР в начале 1948 г. Исследование строится на архивных делопроизводственных материалах, отражающих как политику центральных советских властей, так и административные меры местных органов.

Ключевые слова: послевоенная история СССР, Калининградская область, торговля, карточная система снабжения населения

Процесс налаживания мирной жизни в первые годы после окончания Великой Отечественной войны на разоренных в результате военных действий советских территориях не мог быть простым с организационной точки зрения мероприятием. И дело здесь не только в послевоенных лишениях и определенной психологической деформации многих представлений (любая война меняет понимание того, что значимо, а что мимолетно). Готовность применить устоявшиеся довоенные организационные формы сталкивалась как с ограниченностью материальных возможностей, так и с желанием искать простые и универсальные новые рецепты решения многих проблем. Одной из таких проблем можно считать состояние торговли и связанного с ней снабжения — тех форм социально-экономической коммуникации, которые, во-первых, завязаны на базовые потребности любого человека, а во-вторых, плохо вписываются в жесткие управленческие практики, особенно когда породившие их чрезвычайные обстоятельства перестают быть чрезвычайными.

Сказанное в полной и даже в особой мере относится к созданной в 1946 г. на территории бывшей Восточной Пруссии Калининградской области, где советской властью ставилась задача в кратчайшие сроки наладить жизнь для переселенцев из центральных российских и ряда

белорусских областей по советским лекалам — правда, с поправками на специфические обстоятельства. Не вызывает сомнений, что свидетельством такого налаживания являются работающие магазины, в которых можно купить все необходимое. В условиях послевоенного разорения, в особенности там, где сменялась власть, для нормального функционирования торговли необходимы система снабжения важнейшими товарами, элементарный общественный порядок и более-менее стабильное денежное обращение. Последнее, правда, не входит в задачи исключительно региональных властей и в чрезвычайных условиях компенсируется специфической распределительной (карточной или талонной) системой. Решение этих вопросов порождает массу технических мероприятий, которые не кажутся очевидными, но в полной мере реализуются в конкретных обстоятельствах. Именно эти мероприятия предполагается рассмотреть в данной статье.

За точку отсчета удобно взять промежуток между указом об образовании новой области в составе РСФСР 7 апреля 1946 г. и постановлением о начале ее организованного заселения в июле (тогда же область обрела свое нынешнее название). Именно тогда, 4 июня 1946 г., был создан областной отдел торговли, заменивший деятельность Уполномоченного по области от министерства торговли [2, оп. 4, д. 1, л. 1]. Состав жителей выглядел чрезвычайно пестро: значительное количество военных соединений, офицерский состав которых начал перевозить сюда свои семьи; оставшееся немецкое население; значительное количество советского интернированного контингента; демобилизованные из Вооруженных сил, готовые осесть в области; первые направленные для восстановления промышленности и другой инфраструктуры специалисты, к которым со второй половины 1946 г. стали добавляться переселенцы в сельскую местность.

Собственно, торговать уже было для кого, однако данная функция первые месяцы советской истории края принадлежала Военторгу — управлению, которое имело свои структурные подразделения во всех крупных соединениях и продавало не только товары, необходимые военным, и не только военным: многое предназначалось для продажи в розницу за наличные [Там же, д. 19, л. 2]. Далее, область постепенно «обрастала» работниками предприятий, которые следовало восстановить в первую очередь (судостроительный завод, порты, предприятия целлюлозно-бумажной промышленности, электростанции [Там же, л. 3]). Как правило, при предприятиях открывались отделы рабочего снабжения (ОРС), которые имели собственные

магазины, размещавшиеся на заводской территории. Прибывавшие переселенцы (им предстояло стать колхозниками и работниками совхозов) в соответствии с «историческим» постановлением должны были получить от государства помощь в виде продовольственной ссуды и права приобрести ряд промтоваров по фиксированной государством цене¹, однако далее им предстояло жить на доходы от своих подсобных хозяйств и заработков в колхозах и совхозах. Так или иначе, в области складывался контингент советских людей (наряду с сохранявшимся немецким населением), для которых коммерческие цены в открывавшихся магазинах не позволяли отовариваться там на имевшиеся доходы и которые были не вправе рассчитывать на какое-то спецнабавление. Поэтому организация карточного обеспечения по установившейся в воюющей, а затем послевоенной стране схеме стала наиболее приемлемым решением.

Казалось бы, задача не самая сложная: распространить еще на одну территорию уже отработанную методику выдачи и отоваривания карточек. Посмотрим на это глазами управленцев послевоенной поры. Карточки — это документы, предполагавшие разовое использование. Их надо где-то и кому-то отпечатать (и постоянно допечатывать), снабдив хотя бы некоторыми степенями защиты. Требуется организовать пункты их выдачи, определив списки лиц, подлежащих выдаче карточек, а также необходимые документы для их получения. Все это происходит в условиях, когда институт прописки (регистрации) в новой области только налаживается, с немецким населением приходится разбираться на ходу, люди постоянно прибывают (а некоторые и убывают, и не только в командировки). Огромный пласт канцелярской работы ложился на управдомов, кадровиков на предприятиях и вообще на представителей местной власти. Формируется сеть магазинов, к которым постоянно прикрепляются новые получатели продуктов по карточкам, и продавцы в ней должны следить не только за выручкой в кассе, но и за вырезанием соответствующих купонов, которые также подлежат учету перед последующим уничтожением (во избежание повторного использования). Добавим к этому и такую проблему: по карточкам выдается далеко не все необходимое и потребное, неизбеж-

¹ О первоочередных мерах по заселению районов и развитию сельского хозяйства Калининградской области : постановление Совета министров СССР № 1522 от 09.07.1946 г. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_Совета_Министров_СССР_от_09.07.1946_№_1522 (дата обращения: 30.04.2024; далее — Постановление-1522).

но остаются нереализованными какие-то остатки товаров. Резонно в таких случаях предложить людям остатки для реализации по твердым ценам с отовариванием части карточек, нежели дожидаться платежеспособного покупателя и тем более списывать просроченные товары. Подобные здравые решения не могли приниматься руководством магазина — это делалось на уровне исполкомов и управления торговли, что порождало дополнительную учетно-контрольную нагрузку на продавцов и их непосредственных начальников.

Обратим внимание на еще одну сторону процесса. Карточки — примета военного времени, и государство (любое, не только советское) хотело бы в мирных условиях от них отказаться. Первоначально в СССР это планировалось сделать в 1946 г., но случившийся в первый год после Победы неурожай (с недобором 200 млн пудов по сравнению с намеченным планом) [1, оп. 3, д. 10, л. 27] заставил не только отказаться от таких ожиданий, но и ужесточить режим экономии хлеба и отоваривания карточек.

Итак, что же предлагалось по карточкам тем, кто имел право их получать? Прежде всего хлеб. Основная масса рабочих и дети получали 400 г в день, высококвалифицированным рабочим и специалистам полагалось 600 г, неработающим иждивенцам, престарелым и инвалидам — по 300 г. Остальные продукты предполагали месячные нормы снабжения, представленные в таблице 1.

Таблица 1

**Нормы месячного снабжения населения Калининградской области
согласно приказу № 192 Областного управления по гражданским делам
от 1 июня 1946 г., граммы**

Категория снабжаемых	Мясо / рыба	Жиры	Сахар / кондитерские изделия	Крупа / макароны
Высококвалифицированные рабочие и специалисты*	5850	1200	750	3600
Остальные рабочие	1800	400	400	1200
Дети (до 16 лет)	400	300	300	800
Контингент домов престарелых	500	200	200	600

Источник: [1, оп. 1, д. 3, л. 43].

* *Примечание:* этой категории полагалось также 300 г муки, 30 г чая и 900 г соли.

Для домов престарелых (их только организовывали) устанавливались общесоюзные нормы. Иждивенцам, престарелым и инвалидам по карточкам полагался только хлеб [1, оп. 1, д. 3, л. 44]. Для продуктов, которые даны в таблице через косую черту, предполагалось, что получить можно было либо мясо, либо рыбу (разумеется, вес костей учитывался в общем количестве), либо сахар, либо варенье (джем); конкретный вид крупы или макарон могли выдать не по желанию, а по возможности.

Естественно, существовали литерные нормы снабжения и соответствующие книжки, талоны на горячее питание на предприятиях (и отдельно — на второе горячее питание в день), талоны на диетическое питание по медицинским назначениям. Вопрос, достаточно ли этого если не для полноценного, то хотя бы для поддерживающего возможность жить и трудиться питания, не ставился, речь шла лишь о том, что гарантированно могли приобрести обладатели карточек по «пайковым» ценам. Остальное можно было купить на рынке либо по коммерческим ценам в государственных магазинах. В середине сентября 1946 г. в специальных рекомендациях «не для печати» советское государство разослало на места свои соображения по поводу карточной системы и ее будущего [1, оп. 3, д. 10, л. 29]. В них признавалось, что карточная система — это зло, но зло неизбежное, от которого отказаться можно тремя путями: распространить коммерческие цены на все продукты (что сделает их недоступными большинству людей); отдать все продукты по пайковым ценам в свободную торговлю (тогда не будет самих продуктов); избрать третий путь — «прогрессивное выравнивание коммерческих и пайковых цен», снижение первых и повышение последних, что было бы не только самым разумным, но и необходимым в условиях послевоенного неурожая. Именно эти обстоятельства и позволяют нам оценить масштабы первого такого выравнивания (табл. 2), состоявшегося в ночь с 15 на 16 сентября (переписывать ценники было предписано ночью) применительно ко второму ценовому поясу (область относилась к нему).

Таблица позволяет понять, что разрыв между ценами по карточкам и в свободной торговле был огромен и что попытка сократить его приводила к более ощутимому подъему пайковых цен, а не к снижению коммерческих. «Потребуется жертвы», — отмечалось в постановлении, однако предполагалось, что те, кто наиболее пострадает от роста карточных цен, получают компенсацию. Правда, и в этом отношении необходимо сравнение с получаемыми зарплатами. Даже компенсационное повышение низких зарплат и других выплат выглядит

смехотворным: имевшие зарплаты до 300 руб. получали прибавку в 110 руб., до 500 — в 100, до 700 — в 90, до 900 — в 80. Прибавка к пенсиям неработающих пенсионеров и к довольствию всех военнослужащих должна была составить 60 руб., как и к стипендиям в техникумах, вузовским студентам добавляли 80 руб. [Там же, л. 36]. Очевидно, что этим можно было лишь частично компенсировать рост пайковых цен — коммерческие для большинства как были, так и оставались недоступными.

Таблица 2

**Изменения пайковых и коммерческих цен в сентябре 1946 г.
в Калининградской области**

Продукты, кг	Цены до 15.09.1946, руб.		Цены после 16.09.1946, руб.	
	Пайковые	Коммерческие	Пайковые	Коммерческие
Хлеб ржаной	0,65–0,75	8,00	3,20	7,00
Хлеб пшеничный*	1,10–1,50	15,00	4,50	13,00
Мука ржаная	0,90–1,30	15,00	5,00	12,00
Мука пшеничная*	1,60–2,20	20,00	6,50	16,00
Пшено толченое	1,50–1,85	25,00	6,00	13,00
Крупа гречневая	3,80–4,05	45,00	11,50	26,00
Макароны	3,20–3,30	35,00	10,00	22,00
Мясо средней упитанности	10,50–10,80	100,00	28,00	70,00
Масло (живое) соленое	21,50–22,00	240,00	38,00	180,00
Масло подсолнечное рафинированное	13,00	200,00	28,00	130,00
Сыр голландский	14,00	160,00	48,00	110,00
Рыба — судак свежемороженный	4,70–6,00	80,00	10,50	30,00
Сахар колотый (рафинад)	5,00	120,00	13,50	60,00
Соль	0,32–0,48	5,00	1,50	3,00

Источник: [1, оп. 3, д. 10, л. 33–34].

* *Примечание:* пшеничные хлеб и мука — на 85% помола; для мяса, рыбы, макарон и жиров указана цена за 1-й сорт.

Обратим внимание, что речь шла не о каких-то низкооплачиваемых работах. В октябре 1946 г. в области организовывались команды ОРУД (отдел регулирования уличного движения, предшественник ГАИ) —

55 человек в Калининграде и по 27 в Советске и Черняховске. Вот их оклады: 650 руб. — командир взвода, 625 руб. — замполит, 550 руб. — командир отделения (по три на взвод) и 450 руб. — рядовой милиционер [Там же, л. 29]. И это еще не минимум: в том же месяце дому ребенка разрешили создать дополнительные штатные единицы — электромонтера (200 руб.), кучера и истопника (по 160 руб.) и сторожа (120 руб.) [Там же]. Есть сомнения, что с такими зарплатами было доступным растительное масло и по пайковым ценам, но несомненно, что карточки на хлеб и сахар для горожан действительно давали возможность для выживания. В таком случае выдача, хранение у выдающих и сохранность у потребителей данных документов превращались в сверхответственные действия.

Прикрепление к карточному снабжению производилось административной предприятий и учреждений (для военнослужащих — воинских частей, правда, членов семей и военных пенсионеров передали в ведомство соцобеспечения [2, оп. 4, д. 1, л. 76]), неработающих — управдомами. Общее руководство распределением карточек осуществляло карточное бюро. Его штаты были утверждены приказом № 392 областного Управления по гражданским делам: на областное бюро полагалось 14 единиц, 18 — на районные в Калининграде (по 3 на район), по 5 человек в Черняховске и Советске и по 3 во всех остальных районах области [1, оп. 1, д. 5, л. 89]. Понятно, что административно-канцелярской работы у них было с избытком. Один из документов управления сохранил список учреждений (см. приложение), сотрудникам которых выдавали карточки летом 1946 г. по Приморскому (ныне Зеленоградскому) району: для троих штатных сотрудников нагрузки явно многовато.

На каждый месяц граждане получали не только сами карточки, но и стандартную справку — она была документом на получение карточек в дальнейшем при условии ежемесячного заверения в домоуправлении, за ее выписку государство брало пошлину в 5 копеек (10 копеек нужно было отдать за саму карточку и еще 5 — за талон к ней) [Там же, д. 19, л. 3]. Первые карточки печатались с марта 1946 г. в типографии флотской газеты «Во славу Родины» на газетной бумаге без сетки, в октябре 1946 г. их стали печатать централизованно в Московском книгоиздательстве и доставлять через учреждения спецсвязи [Там же, оп. 3, д. 10, л. 57–60]. Последнее объясняется не только тем, что по окончании войны можно было использовать специальные каналы для передачи в том числе такой документации, но и необходимостью усилить контроль за распределением продовольствия.

Постановлением из центра в середине сентября 1946 г. предписывалось осуществлять проверки выдачи карточек и изыскивать возможности для экономии продовольствия [Там же, л. 46]. На деле это должно было означать либо сокращение норм снабжения, либо уменьшение подлежащего снабжению контингента, растущего за счет вновь прибывавших, при том что на уровне официальных заявлений речь могла идти об усилении контроля, борьбе с хищениями и спекуляциями. Экономия могла осуществляться за счет а) повышения нормы припека — темного слоя, увеличивавшего массу буханки, но не за счет использования муки (допуск довели до 1%); б) запрета на выпечку подового хлеба с 1 ноября 1946 г. (распространился на весь СССР, кроме трех прибалтийских республик) [Там же]; в) ограничения коммерческой торговли хлебом: в государственных магазинах его тоже предлагали к продаже не без ограничений. Постановление об этом принял Совет Министров СССР 18 октября 1946 г., на местах устанавливались конкретные показатели: реализацию 75 тыс. т муки через коммерческую торговлю в октябре уменьшить до 35 тыс. т в ноябре и 25 тыс. т в декабре. Соответственно для крупы эти цифры составили 10 тыс., 7 тыс. и 5 тыс. т. Собственно, сокращалась и сама выработка пшеничной муки первого сорта — со 155 тыс. т в октябре до 115 тыс. т в ноябре и 90 тыс. т в декабре, допустимая норма примеси кукурузной, ячменной либо овсяной муки была доведена до 40% [Там же].

Нельзя не заметить, что именно такие меры больше всего ударили именно по малоимущим: те, кто имел средства на покупки в коммерческом магазине, едва ли стали бы обеспечивать свой рацион дополнительным количеством приобретаемого хлеба (его доля, как и картофеля, с ростом доходов в структуре питания обычно сокращается); напротив, хлеб по коммерческим ценам, если не хватает пайка, — самое доступное средство добрать недополученные калории. Сюда же можно отнести сокращение доли пшеничной муки в выпекаемом хлебе, а также замену части выдаваемой крупы или макарон картофелем. И замена не всегда выглядела равноценной. Картофель хранится хуже, чем зерно или крупа. Может быть, и разумнее раздать его по осени, но ведь испорченным он может оказаться и сразу после заготовки. Вдобавок сэкономленную муку запрещалось передавать в распоряжение исполкомов — ее следовало засчитывать в планы снабжения районов, уменьшая при этом централизованные фонды [Там же, л. 80]. Резонный вопрос — ради чего тогда экономить? — не задавался ввиду высоких идейных соображений.

Однако все перечисленное можно рассматривать как паллиативные меры. Вот пример прямой экономии — приказ № 442 Управления по гражданским делам от 30 сентября 1946 г.: снять со снабжения хлебом в городах и рабочих поселках неработающих взрослых иждивенцев за исключением учащихся и осуществляющих уход за детьми до 7 лет, рабочих, служащих и иждивенцев, работающих в подсобных хозяйствах совхозов, предприятий местной промышленности и кооперативной промышленности в сельской местности, рабочих и служащих лесохозяйства; установить нормы снабжения хлебом 300 г для детей и 250 г для иждивенцев; преуменьшить отпуск хлеба на школьные завтраки, а также рейсовых пайков поездным бригадам и плавсоставу [Там же, оп. 1, д. 7, л. 71].

Заметим, что данные шаги способны облегчить работу бюрократического аппарата по организации карточного снабжения, чего не скажешь о проверках. Данные за октябрь — декабрь 1946 г. содержат многочисленные факты выявления недобросовестных работников, у которых найдены запасы карточек и денег от их незаконной реализации, дописывания несуществующих работников и дополнительного количества детей (детских карточек при необходимости 10 тыс. в Калининграде отпечатали и выявили 17 тыс.) [Там же, оп. 3, д. 10, л. 58–59]. Проверка Черняховского районного бюро выявила, что при контингенте в 35 тыс. получателей карточек напечатано было 43 тыс. При этом неиспользованный остаток вместо 418 907 штук дневных талонов на хлеб составил лишь 94 159 (поражает не только масштаб, но и скрупулезность работы комиссии). Что же касается самих карточек, то выявили одновременно и излишек 1532 документов, и недостаток 690 [Там же]. К этому следует прибавить обнаруженные стандартные справки без паспортных данных и подписей ответственных лиц.

Особое возмущение, наверное, должны были вызвать следующие факты. Номенклатурные работники использовали женщин-немок из числа оставшегося населения как домашнюю прислугу, оформляя их на штатные должности на предприятиях с выдачей карточек (и получением пусть небольшой, но зарплаты на государственном предприятии, где они фактически не трудились) [Там же, л. 61]. Однако это лишь отдельные случаи на фоне того, что у уполномоченного по Калининградскому морскому порту было изъято 9882 карточки и талона, у уполномоченной Литейно-механического завода, продавшей на рынке 430 карточек, дома найдено еще 263 и 17,2 тыс. руб. Замначальника Управления по гражданским делам Гвардейского района

не смог объяснить, кому он выдал 146 карточек, уполномоченная портового элеватора за два месяца, подделывая подписи, выдала 7040 талонов на второе горячее питание. Как с этим боролись? 28 человек уволено, «группа в 15 товарищей» арестована, гвардейский руководитель получил строгий выговор [Там же, л. 64].

В документах есть и вычеркнутый абзац об одном из заводов управляющего по гражданским делам (в дальнейшем — руководителя Управления сельского хозяйства области), оформившего своего брата на должность, предполагающую литерное снабжение без реальной работы. Руководитель «отделался» строгим выговором, но должность сохранил [Там же, оп. 1, д. 8, л. 40].

Понятно, что выявление отдельных случаев не решало проблему в целом, и Министерство государственного контроля во главе с Л. З. Мехлисом [4, с. 388] (именно им была утверждена специальная инструкция по проверке карточек 10 сентября) получало ежемесячные сведения о выявленных ресурсах для дальнейшей экономии за счет уточненного учета, не считая пятидневной отчетности об объемах реализации пайкового и коммерческого хлеба. Только в октябре эти меры должны были сократить отпуск зерна на 9,5 тыс. т [1, оп. 3, д. 10, л. 48]. Одним из главных приемов было сличение списков на выдачу карточек с табелями выхода на работу и ведомостями на выдачу зарплаты. Все понимали, что двойной бухгалтерии здесь никто бы не вел. Требования не увольнять без сдачи карточек, не осуществлять прием на работу и прикрепление к карточному снабжению без документов о сданных карточках, фиксировать факты прикрепления и открепления прибывавших в санатории и начинавших получать там питание (в Калининградской области уже в 1946 г. действовали курорты! [Там же, оп. 1, д. 8, л. 1]) показывали, с одной стороны, что ресурсы для экономии еще есть, а с другой — что и возможностей «погреть руки» (а может, просто выжить самому и помочь в этом кому-либо) также немало. Показательны в этом отношении требования по карточному снабжению командировочных, которым полагалось несколько более усиленное питание в дороге. При командировке на декаду полагалось 600 г мяса либо рыбы, 130 г жиров, 400 г крупы или макарон, 130 г сахара или кондитерских изделий и 500 г хлеба на день. Если командировка длилась до 5 дней, то полагался только хлеб (вероятно, предполагалось, что все остальное можно получить по месту прикрепления) [Там же, д. 19, л. 25]. Талоны требовали специальных штампов при погашении и сдавались вместе с командировочным удостоверением.

Эти строгости объясняются не желанием ограничить чье-то потребление (речь не идет о том, что получивший «лишний кусок» лишил тем самым кого-то другого «последнего куска»), а стремлением уменьшить возможности распоряжаться неучтенными остатками. Именно поэтому вводились запреты на отоваривание хлебных карточек за прошлые дни (допускалось на день вперед), а также на прием карточными бюро оправдательных документов на отпуск хлеба, муки и крупы по всем видам дополнительного питания. С нового, 1947 г. устанавливался порядок представления отчетности: на 3-е число каждого месяца представление сведений о снабжаемых, на 5-е — общих сведений о контингенте в облторготдел и к 10-му числу — утверждение отчета [Там же, д. 8, л. 177]. Запрещено было принимать человека на место уволенного, если предшественник не сдал карточкой; общее количество выдаваемых карточек не должно было превышать плановое для контингента работников, а для иждивенцев — вписываться в лимит. За превышение контингентов с 10 января вводилась судебная (по существу, уголовная) ответственность [2, оп. 4, д. 1, л. 16].

Ко всему этому следует добавить использование талонов на спецпитание для вредных цехов, сухие пайки для туберкулезников, усиленное диетическое питание (не всегда по врачебным рекомендациям), талонов на «второе горячее питание» (специальное решение СНК от 27 сентября 1942 г.), а также литерное питание (такое же решение от 27 февраля 1943 г.) [1, оп. 1, д. 19, л. 39], различных литерных книжек (позволявших покупать товары по льготным ценам в соответствии с распоряжением СНК № 289 от 18 марта 1944 г.; использование отменено 16 сентября 1946 г. без предварительного оповещения [Там же, оп. 3, д. 10, л. 36]).

Не забудем, что значительное количество непродовольственных товаров также продавалось по талонам. Небезызвестное постановление, с которого началось заселение Калининградской области, предполагало, что переселенцам продадут по низким ценам пальто, обувь, ткань, керосин и спички (Постановление-1522). Подобные решения означают, что определенный запас товаров у государства имеется или его рассчитывают подвезти. На одежду и обувь также действовали твердые и коммерческие цены, которые в дальнейшем предполагалось снижать. Так, в число официально подешевевших товаров в сентябре 1946 г. попали ситцевые и сатиновые ткани (на 6 и 10 руб. за м соответственно), шерстяные сортов шевиот и бостон (на 35 и 100 руб. за м), шелк (на 35 руб.) мужские костюмы, кепи и полуботинки, женская кожаная обувь, мужское трикотажное белье

и женское шелковое, детские хлопчатобумажные чулки, носки мужские, резиновые галоши, паровые самовары (на 200 руб. за штуку) и алюминиевые кастрюли (на 10 руб.) [1, оп. 3, л. 10, л. 34–35]. Однако это не означало, что у государства образовались излишки товаров, которые оно было готово продать со скидками. Распределение фондов товаров между различными торгующими системами (в Калининградской области главными были военторг, универсалторг и ОРСы) не всегда обеспечивало не только относительно дешевый, но и вообще нужный ассортимент товаров.

В следующем, 1947 г. это породило интересные комбинации взаимозачетов одних товаров за другие. Например, из приказа № 87 по Управлению торговли: в 3-м квартале отпускать мыло хозяйственное (кусок 400 г) по талонам № 1 и 2 с зачетом 2 условных единиц (у. е.), мыло туалетное (100 г) по талонам № 3 и 10 с зачетом за 1 у. е., нитки — по талонам № 4, 5 и 6 по 2 катушки на талон за 1 у. е., керосин — по талонам № 7, 8 и 9 по 2 литра на талон. Или оригинальный отпуск по карточкам (то есть по предъявлению), но без вырезания талона № 1 на 400 г соли, без талона № 2 — 3 коробка спичек и без талона № 3 — 25 г чая для служащих и иждивенцев [2, оп. 4, д. 1, л. 28]. Безусловно, нумерация талонов без привязки к конкретному товару снижала бюрократическую нагрузку на учет карточек, но создавала неизбежные сложности при учете самих товаров, которые могли быть реализованы как по пайковым, так и по коммерческим ценам (не говоря уже о возможностях прямой спекуляции). Сами карточки подлежали сожжению (но не во дворах и прочих открытых местах); акты об уничтожении предполагалось хранить (в конечном варианте их утверждал заведующий облторготделом) [1, оп. 1, д. 19, л. 9]. Последнее еще раз доказывает, что важнейшим элементом карточной системы снабжения оставалась степень добросовестности тех, кому был поручен контроль за оборотом этих документов.

Как известно, отмена карточной системы произошла под конец 1947 г. вместе с денежной реформой (деноминация с обменом банкнот) и уравниванием пайковых и коммерческих цен (первые были повышены, а вторые понижены примерно в три раза, но зарплаты деноминации не подлежали) [3, с. 307]. Последним бюрократическим мероприятием, связанным с карточками, стало создание 5 февраля 1948 г. комиссии по приему документации ликвидируемого областного карточного бюро [2, оп. 4, д. 9, л. 19].

Давая оценку функционированию карточной системы в первые два года существования Калининградской области, следует обратить

внимание на два важных момента. Во-первых, карточное распределение товаров во всей стране было наследием войны, и нет ничего удивительного в том, что на новую область, перешедшую под юрисдикцию СССР, эта система была распространена, а затем так же централизованно свернута. Во-вторых, в стране существовало несколько систем специального снабжения, ориентированных на особый контингент, на столичные города и на особые территории, предполагавшие режимный характер пропуска и пребывания. Калининградская область находилась в таком режиме до 1956 г. и в первые годы своего существования пользовалась определенным вниманием властей, когда речь шла о специальных выделяемых фондах товаров. Однако она оказалась слишком велика (по сравнению, например, с всесоюзным ядерным центром или его полигонами), чтобы обеспечить свое растущее за счет переселенцев население до достаточного уровня. Все это и обусловило типичные для плановой экономики проблемы снабжения, обострившиеся в условиях послевоенных трудностей.

Приложение

Перечень учреждений Замландского (Приморского) района Калининградской области, сотрудники которых получали карточки на продукты питания в августе — сентябре 1946 г. [1, оп. 1, д. 19, л. 38]

1) Средняя школа г. Гранц [Зеленоградск]; 2) неполная средняя школа совхоза № 3 Мясополтреста; 3) Леспромхоз; 4) Санаторий ЦК Союзхозторга; 5) Совхоз ОРС Калининградэнерго; 6) Санаторий ЦК Союза медсантруда; 7) Райкомхоз; 8) Домоуправление г. Гранц; 9) Районо [отдел народного образования]; 10) ОРС леспромхоза; 11) Аптека; 12) Курортное управление Гранца; 13) курортное управление г. Нойкурун [Пионерский]; 14) Прокуратура; 15) Кирпично-черепичный завод пос. Пальмникен [Янтарный]; 16) Санаторий ВЦСПС; 17) рыбзавод пос. Зеркау [пос. Лесной на Куршской косе]; 18) рыбзавод пос. Пайзе [пос. в черте г. Светлого]; 19) рыбзавод Нойкуруна; 20) курортное управление Георгенсвальде [пос. Отрадное в черте г. Светлогорска]; 21) райздравотдел; 22) немецкий дом престарелых в пос. Побетен [пос. Романово]; 23) дорожный отдел гражданского управления; 24) Нойкурунский рыбкооп; 25) Артель промысловой кооперации; 26) МТС (машинно-тракторная станция);

27) Кирпично-черепичный завод г. Гранц; 28) управление по гражданским делам (районное); 29) райфинотдел; 30) опергруппа МГБ; 31) земельный отдел (районный); 32) отдел торговли совхоза универсалторга; 33) совхоз № 4 Мясомолтреста; 34) начальная школа г. Ной-курен; 35) детский дом пос. Побетен.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-298 (Управление по гражданским делам Калининградской области).
2. ГАКО. Ф. Р-404 (Калининградское областное управление торговли).
3. *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология. М., 1975.
4. *Коржихина Т. П.* Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 — декабрь 1991 г. М., 1994.

Об авторе

Павел Петрович Полх — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград).

ORCID ID: 0000-0002-8099-2614

E-mail: pav-polkh@yandex.ru

P. P. Polkh

Organization of rationing in the emerging Kaliningrad Oblast: a glance at the process from within the system

The article examines the circumstances of the organisation of rationing of food and industrial goods for the emerging urban population of the Kaliningrad Oblast since its formation in the spring of 1946 until the abolition of the rationing system in the USSR in early 1948. The study is based on archival office materials reflecting both the policy of the central Soviet authorities and the administrative measures of local authorities.

Keywords: post-war history of the USSR, Kaliningrad Oblast, trade, rationing system for the population

The author

Pavel P. Polkh, Dr. (History), Associate Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

ORCID ID: 0000-0002-8099-2614

Дети в колхозе «Новая жизнь» Правдинского района (1946–1991)

На основе архивных источников и материалов правдинской районной прессы изучается советская детская сельская повседневность (школьная жизнь, свободное время, трудовое воспитание) на примере колхоза «Новая жизнь» Правдинского района Калининградской области. Сделан общий вывод о том, что тематика отразившихся в источниках сведений весьма ограничена (успеваемость детей, их дисциплинированность и воспитание, подростковый досуг и труд) и не показывает жизнь советского ребенка его глазами. Несмотря на это, отмечена перспективность исследования тематики детства в ходе реконструкции прошлого Янтарного края.

Ключевые слова: микроистория, история детства, история повседневности, колхоз, Калининградская область, школа, «Новая жизнь»

История детства — сравнительно новая исследовательская сфера в исторической науке, зародившаяся в 1960-е гг. Ее возникновение связано с именем французского историка Ф. Арьеса, перевод книги которого [2] в определенной степени способствовал развитию этого направления в России. В XXI в. по истории детей и детства появились монографии [17; 18] и кандидатские диссертации (в том числе основанные на локальном материале: [3; 7]), регулярно выходят научные статьи, сборники документов, проводятся конференции и семинары (см.: [15; 16]).

Со стороны калининградских историков «детская тема» пока не получила пристального внимания. Исключением можно считать публикации о становлении и развитии в регионе системы школьного образования в советские годы. Их авторы в первую очередь останавливались на изучении проблем реализации в Калининградской области государственных реформ в сфере образования, рассмотрении материально-технической базы учебных заведений и их кадрового состава [8; 11; 12; 21].

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть некоторые аспекты советской детской сельской повседневности на материалах

колхоза «Новая жизнь» Правдинского района (предприятие было основано в 1946 г., в разное время также именовалось «Большевик» и «Поречье»). Источниками для проведения исследования послужили архивные материалы (протоколы общих собраний колхоза и заседаний его правления, протоколы собраний первичной и районной партийных организаций, стенограммы сессий депутатов Пореченского сельсовета и его исполкома) [1; 5], а также публикации правдинской районной газеты [4; 6; 9; 13; 14; 19; 20].

Школа и детский сад

Внутреннюю часть населения поселков, входивших в состав колхоза, составляли дети. Например, в 1968 г. из 597 жителей всех населенных пунктов 149 (25%) были детьми до 12 лет [5, ф. Р-139, оп. 10, д. 258, л. 1 об.]. Они могли обучаться на селе только первые четыре класса — в школах Поречья и Киселёвки. Некоторое время школа существовала еще в Лукино, но она была закрыта в 1958 г. [13].

После четвертого класса дети обучались в средней школе города Правдинска. Подвоз учеников из Дальнего, Холмогорья, Киселёвки и Октябрьского осуществлял школьный автобус, а вот из Поречья и Лукино приходилось добираться рейсовым транспортом [5, ф. П-145, оп. 1, д. 24, л. 92–93]. Протоколы колхозных собраний показывают, что оба вида автобусов не всегда выходили на маршруты — крестьяне объясняли плохую успеваемость тем, что «ходить далеко 10 км, а поэтому дети и плохо учатся» [Там же, д. 8, л. 48–49 об.], и просили наладить движение транспорта [1, ф. 28, оп. 1, д. 213, л. 1 об. — 3 об.].

Еще одной проблемой был недостаток педагогов. Так, к началу 1952/53 учебного года в районной газете была опубликована статья о Пореченской начальной школе. В наполненном идеологическими штампами тексте упоминается, что на четыре класса приходилось лишь два учителя [6]. Для первого послевоенного десятилетия такая ситуация в целом была типичной для всей области, но и в дальнейшем заведующие школой и колхозники обращали внимание на эту сложность и даже просили «прислать специалиста из Черняховского педучилища» [1, ф. 28, оп. 1, д. 213, л. 2 об.].

Несмотря на кадровый дефицит, учителя периодически подвергались критике со стороны лиц, далеких от системы образования, например партсекретаря и председателя, попрекавших педагогов за недостаток воспитательной работы, отсутствие какой-либо

деятельности во время летних каникул (см., напр.: [5, ф. Р-1059, оп. 2, д. 36, л. 18 об.]) и даже за слабую методическую подготовку [Там же, ф. П-145, оп. 1, д. 2, л. 33].

Иногда на партийные собрания приглашали родителей неуспевающих учеников. Обычно собрания проходили в присутствии заведующей школой и учителей. Родителям поручали принять меры к исправлению положения и подумать о причинах его возникновения. Так, в ноябре 1964 г. колхозник Соловьёв списал «маленькие отклонения в учебе детей» на свое временное отсутствие в колхозе, а колхозница Букштан переложила ответственность на отца детей, который «не следит за ними нисколько» [Там же, д. 5, л. 149–150]. Кроме того, беспартийных родителей неуспевающих учеников периодически вызывали на заседания женсовета, а родителей-коммунистов — на собрания партбюро [Там же, д. 37, л. 71].

Пожалуй, наиболее животрепещущей темой, связанной с Пореченской школой, было состояние здания, в котором она располагалась. Заведующая Балобешко забила тревогу еще летом 1953 г. По ее словам, сооружение было «малым и сырым», но из-за нехватки средств ремонт отложили [Там же, д. 2, л. 38–39].

В дальнейшем просьбы помочь регулярно (и безрезультатно) звучали на сессиях депутатов Пореченского сельсовета (см., напр.: [5, ф. Р-693, оп. 1, д. 36, л. 15 об., 55 об., 60 об.]). «Школа находится в аварийном состоянии... воздух отравлен всевозможными запахами: здесь и гараж колхоза, и бензохранилище... и даже случка животных происходит на глазах у школьников», — сетовала заведующая Балагурова в 1963 г. Она выдвинула предложение построить в поселке новую школу, но сессия в очередной раз решила, что можно ограничиться ремонтом [Там же, д. 66, л. 3 об. — 4 об.], который, по уже сложившейся традиции, не был сделан. Подвижки последовали только спустя два года, когда по поручению председателя «Новой жизни» Тимофеева в Поречье начался ремонт школы и клуба [Там же, д. 67, л. 22].

Также о школе говорили в связи с принятием на самом высоком уровне очередного постановления в сфере образования. Например, в январе 1984 г. на повестку общего собрания было вынесено обсуждение проекта постановления ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы». Членами «Новой жизни» после вступительного доклада были озвучены самые разные предложения: «затраты на обучение второгодников относить на родителей», «ввести проведение экзаменов с 4-го класса»,

«уменьшить количество учеников в классах до 25», «преподавать уроки сельского хозяйства», «учить художественному образованию и формировать у детей чувство прекрасного» [1, ф. 28, оп. 1, д. 213, л. 1 об. — 3об.]. Остается только догадываться, было ли реализовано хоть что-то из предложенного. Как правило, подобные инициативы не получали практического воплощения, оставаясь лишь на страницах протоколов собраний.

Детские ясли при колхозе длительное время были сезонным явлением: их открывали исключительно на период напряженных сельхозработ — уборочной или посевной. Детского сада не существовало вовсе. Это вызывало недовольство со стороны селян, порой перераставшее в бойкотирование некоторых работ. Например, колхозница Букштан отказалась заниматься выращиванием свеклы, объяснив это тем, что «детей не с кем оставить» [5, ф. П-145, оп. 1, д. 7, л. 63 об.].

Уже в 1970-е гг. для всех детей дошкольного возраста был организован детский сад. Было задокументировано два случая обсуждения его работы колхозным начальством и коммунистами. Первый из них (1980 г.) свидетельствует о том, что заведующая Масло получила выговор за отсутствие творческого подхода и некачественную организацию питания [Там же, ф. Р-1059, оп. 2, д. 189, л. 9–9 об.]. Второй эпизод (1982 г.) наглядно показывает имевшийся в хозяйстве дефицит трудовой силы, вследствие которого правление перевело часть персонала детсада на работу в животноводство [1, ф. 28, оп. 1, д. 205, л. 23].

Организация досуга

Рука об руку с проблемами работы школ шли вопросы организации детского и подросткового свободного времени. Собственно, начальная школа и была основным центром досуга благодаря наличию кружковой и секций. Также на летних каникулах сельские дети могли воспользоваться возможностью получить оздоровительный отдых в пионерском лагере Правдинска. Кроме того, имелся план детско-юношеских мероприятий при колхозном клубе и библиотеке (выставки и конкурсы рисунков, утренники). Впрочем, фельдшер Иванова подметила, что «завклубом расписывается в заработной плате», не проводя никакой работы, из-за чего «ребят можно видеть в пьяном виде» [5, ф. П-145, оп. 1, д. 24, л. 92–93].

Неофициальные формы проведения досуга действительно привлекали подрастающее поколение, что приводило к инцидентам, иногда

вполне безобидным. Так, например, в конце 1964 г. колхозница Семёнова в письме в районную газету «Верный путь» сообщила, что юные пореченцы вместе с другими жителями приходят в клуб посмотреть телевизор, но «уходят из клуба последними, обычно это бывает уже в двенадцатом часу ночи» [19]. В ходе разбирательства партийцы признали факты, отмеченные в газете, но предлагать альтернативные способы проведения свободного времени для детей не стали, пойдя по простому пути — при клубе организовали обязательное дежурство членов профкома и родительского комитета [5, ф. П-145, оп. 1, д. 6, л. 3].

А вот осенью 1965 г. в колхозе случился уже настоящий скандал: после воскресника «была организована коллективная пьянка, притом в пьянке участвовали школьники Правдинской средней школы». Разбор полетов на партийном собрании позволил выяснить, что на «мероприятие» школьников пригласили взрослые колхозники. Заведующий орготделом Правдинского райкома КПСС обвинил в произошедшем руководителя «Новой жизни» Тимофеева, но пореченские партийцы убедили его не наказывать председателя [5, ф. П-145, оп. 1, д. 6, л. 134–135 об.].

Особенно отчетливо проблема досуга детей и подростков встала в 1980-е гг. С одной стороны, ее связывали со слабым вниманием родителей к воспитанию. Как отмечал коммунист и бригадир Щемелев, родители не прививают детям никаких ценностей, а «больше внимания уделяют материальной стороне: мопеды, мотоциклы — во всем нет отказа» [Там же, д. 37, л. 69].

С другой стороны, эта проблема вытекала из общей запущенности сферы культуры на селе. Пореченский дом культуры пребывал в ветхом состоянии и не вел практически никакой работы. Каких-либо подвижек в разрешении этой сложности не возникало [Там же, ф. Р-693, оп. 1, д. 227, л. 71]. Спортивные площадки во многих поселках либо отсутствовали, либо не были пригодны для игр (хотя комсомольская организация и проявила старания, организовав футбольные и волейбольные площадки в поселке Дальнее [Там же, ф. П-145, оп. 1, д. 37, л. 71]). Городская средняя школа и организации дополнительного образования ввиду своей удаленности не могли обеспечить сельским детям полноценное времяпрепровождение.

Такая ситуация была характерна не только для «Новой жизни». Начальник паспортного стола районного ОВД Любимцева весной 1985 г. призывала «серьезно работать над организацией досуга людей и особенно молодежи, чтобы им было интересно в клубе, в ДК и не

тянуло к водке, к хулиганству» [Там же, ф. Р-693, оп. 1, д. 227, л. 45], а заведующая отделом народного образования Правдинского райисполкома Неряйнен в апреле 1988 г. отмечала, что школьники комсомольской и пионерской организациям предпочитают «неформальные объединения», и призвала не только вернуть в район кружки и клубы, но и проявлять «больше демократии и уважения к ребенку» [Там же, ф. П-122, оп. 57, д. 2, л. 129].

Трудовое воспитание

Важным был вопрос трудового воспитания подрастающего поколения. Если на колхозных собраниях заходила речь о детях, то во многих случаях кто-то из ораторов высказывался о необходимости приобщения их к общественному труду. Этого пытались добиваться различными способами. В частности, школьников поощряли за участие в сельхозработах путем организации экскурсий. Например, юных селян, помогавших заготавливать сено, премировали выездом в Брест (см., напр.: [1, ф. 28, оп. 1, д. 221, л. 24 об. — 25]). Иногда из колхозного бюджета выделяли средства на покупку подарков или денежные поощрения для работавших во время каникул школьников [Там же, д. 229, л. 31; 9].

Тем не менее к труду в колхозе школьников привлекали не только на добровольной основе. Глава профкомитета «Новой жизни» Загоржельская в 1984 г. просила секретаря первичной партийной организации разрешить проблему, заключавшуюся в том, что школьники во время каникул участвовали в работе колхоза, но не получили за это никаких поощрений [5, ф. П-145, оп. 1, д. 31, л. 81].

Иногда инициатива по задействованию детей на колхозных работах исходила от правления сельхозартели. Например, для преодоления общеобластной проблемы дефицита кормов [10, с. 29] руководство «Новой жизни» в 1966 г. обязало выходить на их заготовку всех членов семей колхозников, включая школьников [5, ф. П-145, оп. 1, д. 6, л. 63–63 об.].

Любопытно, что на заготовку кормов, отвлекавшую от основной деятельности, некоторые колхозники осознанно отправляли вместо себя детей. «Настала пора заготовки кормов, а людей нет, дети только выходят на работу, а взрослые укрываются от работы... с детьми мы корма не заготовим» [Там же, ф. Р-1059, оп. 2, д. 63, л. 53 об.], — описывал возникшее положение колхозник Карпенко летом 1967 г.

Во время напряженных полевых работ, таких как уборочная, детей задействовали на общественных работах наиболее интенсивно. На уровне исполкома Пореченского сельсовета пытались противостоять привлечению школьников к трудовой деятельности во время учебного года. Так, на его заседании в сентябре 1962 г. было выдвинуто требование к правлению колхоза «Поречье» немедленно освободить школьников от любой работы в колхозе для соблюдения Всеобуча [Там же, ф. Р-693, оп. 1, д. 61, л. 5]. Исключением были специально организуемые мероприятия с участием обучающихся школ. Например, в сентябре 1950 г. состоялся массовый выезд правдинских школьников в колхоз — собирать горох помогали 350 учеников вместе с классными руководителями [4].

На каникулах детей, напротив, призывали трудиться. Так, например, в 1965 г. младшие школьники помогали на сортоучастке, а старшеклассники выращивали капустно-брюквенный гибрид [5, ф. Р-693, оп. 1, д. 66, л. 25 об.]. Эта практика была распространена на весь район [Там же, ф. П-122, оп. 26, д. 1, л. 5].

В период летней жатвы 1950 г. в «Колхозной правде» колхоз был раскритикован за ее плохую организацию. Среди прочего автор статьи рекомендовал председателю Филиппчику привлечь к уборочной и юное поколение, поскольку на сборе колосьев могли бы принять участие «40 человек подростков, пионеров и школьников» [14].

Эта история получила продолжение — несколько дней спустя на уборку колосьев вышла группа учеников Правдинской средней школы под руководством учительницы Зинаиды Васильевны Куприяновой. Об этом тоже сообщили в районной газете, но не без порции критики — автор заметки выразил недовольство тем, что в мероприятии участвовали младшие школьники, а «некоторые комсомольцы — учащиеся старших классов не хотят помогать колхозу» [20].

В завершение следует отметить, что в статье показана лишь самая малая часть советской детской повседневности, реконструированная на основе специфических источников. В них отразились связанные с юным поколением вопросы, волновавшие в первую очередь взрослых: посещаемость и успеваемость в школе, воспитание детей, организация их внеурочной деятельности. Фактически это материалы, в которых нельзя услышать голос самого ребенка.

Гипотетически расширить картину детской повседневности возможно благодаря материалам устной истории и источникам личного происхождения, в том числе весьма своеобразным, созданным самими

детьми, — дневниковым записям, школьным сочинениям (подобный подход был применен А. А. Сальниковой [18]), но решение задачи по их нахождению, безусловно, выглядит практически нереальным. Тем не менее доступные источники (архивные дела, материалы периодической печати) вполне позволяют приоткрыть дверь в практически не изученный историками мир калининградского ребенка советской эпохи. Автор рассматривает свою статью как приглашение исследователей к изучению этой, несомненно, интересной тематики.

Список источников и литературы

1. Архивный отдел администрации муниципального образования «Правдинский городской округ».
2. *Аръес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с фр. Я. Ю. Старцева. Екатеринбург, 1999.
3. *Ашенова К. К.* Советское детство: повседневная жизнь детей Омска: 1961–1980 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2018.
4. *Вишняков А.* Помощь школы колхозу // Колхозная правда. 1950. 10 сент.
5. Государственный архив Калининградской области.
6. *Евсеев М.* Здравствуй, школа! // Колхозная правда. 1952. 3 сент.
7. *Ермолова А. И.* Советская детская повседневность: факторы влияния и конструирования (на материалах города Томска. 1961–1985 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2021.
8. *Зорькина Л. А., Кретинин Г. В.* Организация реформы школьного образования 1984 г. в Калининградской области // Перспективы науки. 2018. № 8 (107). С. 125–134.
9. *Исакова А.* Школьники помогают колхозу. 1957. 26 июня.
10. История сельского хозяйства Калининградской области / отв. ред. А. Л. Гусев, В. Н. Маслов. Калининград, 2006.
11. *Кретинин Г. В.* Создание школьной сети в Калининградской (Кёнигсбергской) области в 1945–1947 годах // Наука. Общество. Оборона. 2022. № 1 (30). С. 4.
12. *Кретинин Г. В.* «Учиться, учиться, учиться»: система народного образования // «Советский народ» на крайнем западе России (1945–1991): теория и практика формирования «новой исторической общности» в Калининградской области. Калининград, 2022. С. 95–110.
13. *Куручкин М.* Ни школы, ни клуба // Колхозная правда. 1958. 31 окт.
14. *Лохин Н.* В колхозе «Большевик» не берегут хлеб // Колхозная правда. 1950. 2 авг.
15. *Ромашова М. В.* Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2013. № 2 (22). С. 108–116.

16. Ромашова М. В. Занимательное источниковедение: история детства // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2012. № 3 (20). С. 172–179.

17. Сальникова А. А. История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку. М., 2011.

18. Сальникова А. А. Российское детство в XX в.: история, теория и практика исследования. Казань, 2007.

19. Семёнова З. Детям — свое // Верный путь. 1964. 27 дек.

20. Собрано более центнера колосьев // Колхозная правда. 1950. 11 авг.

21. Фуксон Л. М., Кретинин Г. В. Сразу после войны. Создание и становление системы народного образования Калининградской области в 1945–1950 гг. Калининград, 2005.

Об авторе

Максим Викторович Филёв — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград).

ORCID ID: 0000-0003-4217-6197

E-mail: tsvachim03@mail.ru

M. V. Filev

Children in the “Novaya Zhizn” collective farm in Pravdinsky district (1946–1991)

Through archival documents and materials from the Pravdinsky district press, the article studies everyday life of children in Soviet rural areas (school life, free time, labor education) by way of the example of the “Novaya Zhizn” collective farm in Pravdinsky district of Kaliningrad Oblast. The general conclusion is that the topics covered in the sources are very limited (children’s academic performance, their discipline and upbringing, teenage leisure and labor) and do not show the lives of Soviet children through their own eyes. Despite this, the study notes prospects for studying the topic of childhood in the course of reconstructing the past of the Amber Region.

Keywords: microhistory, history of childhood, history of everyday life, collective farm, Kaliningrad Region, school, “Novaya Zhizn” collective farm

The author

Maksim V. Filev, Dr. (History), Associate Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

ORCID ID: 0000-0003-4217-6197

**«Мы не только новый город строим,
мы делаем политику»: отражение проблемы
застройки Калининграда в повести
А. М. Старцева «Притча о счастье»**

Рассмотрена история создания и публикации повести советского калининградского писателя А. М. Старцева «Притча о счастье». Особое внимание уделено интерпретации главного исторического сюжета произведения — дискуссии о судьбе руин Кёнигсбергского замка. Сделан вывод об особенностях отражения исторической действительности в повести и их связях с культурной памятью.

Ключевые слова: репрезентация, советская история, градостроительство, художественная литература, Калининград

На рубеже 1990–2000-х гг. на стыке исследований памяти (*memory studies*) и исследований медиа и массовой коммуникации (*media studies*) возникло междисциплинарное поле *media memory* [22, с. 376]. Авторы, специализирующиеся в этой сфере научного знания, помимо прочего изучают особенности передачи культурной памяти, которая, по мысли Я. Ассмана, опосредована и «не распространяется сама собою, а нуждается для этого в специальной заботе» [1, с. 57]. Вслед за Я. Ассманом ведущая специалистка *media memory* А. Эрлл и ее коллега А. Ригней полагают, что культурная память конституируется различными посредниками (*media*), которые обладают своим «особым способом запоминания и оставляют свой след в создаваемой им памяти» [31, р. 389]. Перечень таких посредников широк. Среди них авторы называют художественную литературу [31–32] и архитектуру, которая обладает способностью репрезентировать, транслировать и формировать память [27; 33; 35].

В изучении истории Калининградской области, унаследовавшей после Великой Отечественной войны культурный ландшафт бывшей немецкой провинции, который отличался от других советских территорий и отражал вехи чужой истории, подходы *memory studies* применяются так же плодотворно. Так, подробно изучены несколько

советских художественных произведений [9; 18; 29], в которых интерпретировались история края, и дискуссии об архитектурном облике Калининграда [2; 13; 30], напрямую связанные с политическим курсом на советизацию области и сокрытие проявлений немецкого прошлого. Как правило, коммеморативный потенциал художественной литературы и архитектуры исследуется специалистами раздельно. Однако в истории художественной прозы Калининградской области есть прецедент, когда советский автор, которого интересовали в первую очередь социальные вопросы, решил поместить героя в центр дискуссии о важном для Калининграда архитектурном решении 1960-х гг.

Автор и сюжет

Андрей Максимович Старцев (1926–2008) переехал в Калининград из Архангельской области в 1964 г. Первое время он работал в газете «Калининградская правда» литературным сотрудником сначала отдела советской работы, затем — партийной жизни; позже был назначен главным редактором, а впоследствии — директором местного книжного издательства [16, л. 1].

С 1974 по 1980 г. А. М. Старцев плавал на судах флота рыбной промышленности Калининградской базы экспедиционного флота в должности помощника капитана [11, с. 81]. Впоследствии ответственный секретарь Калининградского отделения Союза писателей РСФСР Ю. Н. Иванов в письме к начальнику базы В. К. Офицерову и секретарю партийного комитета В. А. Копотову сообщил о творческих причинах, побудивших автора радикально сменить сферу трудовой деятельности: «А. М. Старцев ставил перед собой задачу собрать материал о промысловом флоте, жизни и труде рыбаков, их интернациональных связях и написать на эту, важную для советской литературы тему, книгу» [8, д. 28, л. 14].

Кроме сбора материала по морской тематике, автор работал над отчасти биографической¹ повестью «Черный ячмень» — о повседневности расположенного в прифронтовой полосе совхоза в первые военные годы, когда рабочие, как пересказывал автор газетной статьи Ю. Кочкуров, «решили спасти от надвигающейся гитлеровской армады хлеб и тракторы» [14].

¹ После начала Великой Отечественной войны пятнадцатилетний А. М. Старцев поступил на работу учетником-заправщиком в бригаду трактористов колхоза им. Розы Люксембург в Ростовской области. В 1942 г. эвакуировался с бригадой в Астраханскую область.

В сентябре 1979 г. писатель заключил контракт с московским издательством «Современник» на сборник, куда кроме повести «Черный ячмень» должны были войти несколько рассказов [8, д. 28, л. 3]. По договору с издательством А. М. Старцеву следовало предоставить текст до 1 марта 1980 г., однако сроки сдачи отдалались по техническим причинам и из-за нечеткой внутренней организации самого издательства. В результате книга, включившая в свой состав две повести, вышла из печати только в 1982 г. [24].

Помимо произведения, давшего название книге, в сборник вошла повесть «Притча о счастье». Причем, как заметил в письме одному из редакторов издательства А. М. Старцев, он возлагал «мало надежд» на то, что повесть примут с первого раза, поскольку «материал сложный, вероятно, будут замечания, потребуется доработка, а может быть, вообще эта вещь не придется вам (редактору. — С. Ф.) по душе» [8, д. 28, л. 21]. Беспокойство автора вызвала деликатность темы, затронутой им в повести: застройка центра Калининграда в 1960-е гг. и дискуссии о сохранении руин Кёнигсбергского замка.

По сюжету молодой главный архитектор города Вадим Лепнин едет в столичный Госстрой с тем, чтобы центральный орган государственного управления, руководивший строительным комплексом СССР, разрешил в вымышленном городе Западноморске строительство зданий повышенной этажности. Будучи в Москве, Лепнин подает заявление на развод и, находясь в разъездах, предается воспоминаниям о романтических переживаниях, в результате которых он, пытаясь забыть институтскую любовь Беллу, спонтанно женился на малознакомой ему девушке Марине. Всплывающие из толщи памяти воспоминания заставляют Лепнина задуматься о своем профессиональном становлении, которое происходило синхронно развитию личной драмы.

О том, что под именем Западноморска² в повести скрывается Калининград, автор в сам упоминает в деловой переписке [Там же, л. 160 об.]. Тем не менее и без документального свидетельства образ Калининграда в тексте «Притчи» угадывается безошибочно. А. М. Старцев не скупился на описание как уникальных следов прошлого (кирпичного форта, крепостной башни, красночерепичных крыш, готических шпилей кирпичи), так и достопримечательностей, типичных для

² Это не первый случай в истории калининградской литературы, когда авторы используют вымышленные названия для обозначения Калининграда. Например, в «Золотой жиле» Ф. И. Ведины город назван Прибалтийском, а «Ветре с океана» С. А. Снегова — Светломорском.

советской эпохи (эстакадного моста, дворца спорта, почтамта, площади с памятником В. И. Ленину и трибунами). Между тем наиболее явно в Западноморске выдаются Калининград его история, которая «ведет свой отсчёт от войны» [24, с. 136], упоминание в черновиках реальных географических названий (например, Рагнита) и событий (например, Восточно-Прусской операции), а также подробное, хотя и не всегда точное, описание перипетий послевоенной дискуссии о судьбе руин замка. Именно сравнение последнего сюжета с невымышленными историческими фактами позволяет разобраться в сложном нелинейном повествовании с множественными внутренними ретроспекциями, которое, впрочем, по мнению автора рецензии на повесть Ю. Кочкурова, делает повествование «гибким, динамичным» [14].

В прологе местом действия становится центр города в последний день штурма. Капитан Сергей Лепнин, изучая оборону крепости, рассуждает о визуальной непривлекательности сооружения: «Давит на весь город, как стопудовый валун, никакой эстетики!» [24, с. 112]. В разговоре со своей женой Верой (по совместительству — санитарным инструктором), он высказывает убеждение, что при восстановлении города «крепость снесут»³, а на ее месте должно будет оказаться «здание с иным архитектурным решением — высокое, легкое, солнечное...» [Там же, с. 112]. Далее следует описание боевых действий, преимущественно глазами Веры. На исходе военной операции ее муж трагически погибает от взрыва вражеской гранаты.

После войны Вера с малолетним сыном Вадимом переезжает из Архангельска в Западноморск. Руинированный город и внешний облик замка 1950-х гг.⁴ предстают перед читателем в перспективе Лепнина-младшего. Мальчик впервые видит крепость из трамвая, в котором едет с матерью: «...грубо раздирая небо, встала коричневая стена, местами разрушенная, покрытая серым мхом, она дышала недоброй, враждебной мощью... “Здесь убили папу?” — шепотом спросил он. — “Да, сынок, твой отец убит здесь, запомни это проклятое место!”» [Там же, с. 131].

³ В одной из черновых версий повести непосредственно Лепнин-старший упоминает о необходимости «взорвать» замок.

⁴ Вероятно, речь идет о 1956 г. — в одной из черновых версий повести Старцев упоминает, что Лепнин-младший приехал в город одиннадцатилетним мальчиком.

Около 1960-х гг. Лепнин, выучившийся по наставлению матери⁵ на архитектора, устраивается работать в институт «Гражданпроект». Именно в это время актуализируется вопрос судьбы замка и застройки центра города. В 1963 г.⁶ по инициативе главного архитектора города и давнего наставника Лепнина Мариевского⁷ власти Западноморска приглашают на рекогносцировку зодчих из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Вильнюса. Мариевский планирует организовать конкурс архитектурно-планировочных решений центра и сохранить остатки замка. Презервация руин становится главной точкой расхождения взглядов учителя и ученика. Лепнин, горячо поддерживаемый матерью, считающей замок «памятником, не имеющим исторической ценности» [Там же, с. 174], готовится высказать на собрании коллег непопулярное мнение о необходимости ликвидации руин. Однако герою не удается этого сделать из-за смерти матери. Принятие окончательного решения при этом переносится на несколько лет вперед.

Не собираясь отступать, Лепнин готовится ко второму совещанию, состоявшемуся в повести в 1966 г.⁸ В одиночку он месяцами разрабатывает проект нового здания на площади в центре города — «светлого и радостного, символизирующего время, дух эпохи» [Там же, с. 196]. Его коллеги благосклонны к плану молодого архитектора, но стараются не обнадеживать его попусту — ведь даже если его вариант «будет самым талантливым, судьба у него одна — корзина... <...>. Почему? Общий настрой — в пользу развалин» [Там же, с. 194].

Тем не менее, несмотря на ощутимое сопротивление, за счет поддержки председателя горисполкома Турандина идеи Лепнина ложатся

⁵ В ранней версии повести Лепнин после школы собирался поступать в «рыбный институт», но мать переубедила его в пользу архитектурного, поскольку обещала мужу привести сына на этот профессиональный путь.

⁶ На одной из версий черновика повести сохранилась пометка автора: «1963 г. — первое совещание (лето) окончание МАРХИ (Московский архитектурный институт. — С. Ф.)» [8, д. 22, л. 57 об.].

⁷ Основная сюжетная арка персонажа Мариевского была заимствована Старцевым из реальности — его прототипом стал В. В. Ходаковский, занимавший должность главного архитектора Калининграда в 1961–1965 гг. Это проявилось уже в ранних черновиках, где А. М. Старцев использовал фамилию «Ходоровский» [8, д. 22, л. 59]. Как и Ходаковский, Мариевский на исходе дискуссии о замке написал протестное письмо в Москву (Ходаковский — лично Л. И. Брежневу), а затем подал в отставку.

⁸ На одной из версий черновика повести сохранилась пометка автора: «1966 г. — второе совещание архитекторов (середина года) Уход Лепнина из Института» [8, д. 22, л. 57 об.].

в основу плана застройки центра города, в результате чего «дождливым осенним утром два гулких взрыва превратили башни [замка] в груды щебня» [Там же, с. 228]. Вскоре Мариевский слагает с себя полномочия, Лепнин становится главным архитектором, а в начале 1970-х гг. на месте, где некогда стоял замок, бульдозеры выравняют площадку [Там же, с. 129].

Главный герой добивается разрешения от Госстроя на строительство высотных зданий и, следуя подсказке Турандина, апеллирует к тому, что строительство города тесно связано с политикой: «мы не только новый город строим, мы делаем политику» [Там же, с. 127]. Кроме того, Лепнин признаётся Марине в любви и отказывается от развода.

Творческий процесс и восприятие аудитории

Автору статьи не удалось найти объяснения тому, что подвигло А. М. Старцева взяться за нетипичный для его творческого пути сюжет. Однако включение в текст исторических фактов, прототипов персонажей, корректное описание процессов прошлого говорит о том, что автор был глубоко погружен в события кулуарных столкновений или по крайней мере хорошо осведомлен об их деталях.

Вместе с тем в тексте повести он сознательно старался избегать доподлинного изображения прошлого. Так, в рабочей переписке с сотрудниками издательства в декабре 1981 г. А. М. Старцев сообщал, что после размышлений «снял упоминание о Восточной Пруссии, которое вписал было, — в документализации нет никакой необходимости» [8, д. 28, л. 19].

Вероятно, это решение было связано не с творческим поиском, а скорее с опасениями иного характера. На обратной стороне одного из черновиков повести, сохранившегося в областном архиве, можно разобрать набросок недатированного письма, адресованного ведущему редактору издательства «Современник» Н. Н. Антохину. А. М. Старцев писал, что на новом витке работы над сборником «начал с наиболее сложного и трудоемкого» — написания совершенно новой повести, черновик которой он хочет «отдать почитать в горком и м[ожет] б[ыть] в обком». Необходимость такого шага автор объяснял тем, что произведение «строится на местном материале», поэтому «разумно заранее апробировать (следующий фрагмент фразы зачеркнут. — С. Ф.) в этих авторитетных органах дабы не наломать дров, т[ак] к[ак] Кал[ининград]ская наша область — особенная (неразборчиво. — С. Ф.) много всяких нюансов» [Там же, л. 160 об.]. Писатель действительно

«отдал почитать» повесть заместителю заведующего отделом обкома партии А. Г. Хмурчику и главному архитектору Калининграда Е. А. Попову. Они, как писал А. М. Старцев, «высказали ценнейшие замечания, которые обязательно будут учтены при доработке, в том числе и по проблеме разрушенной в войну крепости» [Там же, л. 24].

Писатель использовал «Притчу о счастье» как запасной вариант после того, как издательство «Современник» отказало ему в печати повести «Иди своей дорогой»⁹ из-за отсутствия «социального звучания» [Там же, л. 21]. Вероятно, чтобы избежать нового отказа, в черновиках «Притчи о счастье» он затронул много социальных тем, большинство из которых впоследствии было смягчено или изъято из финального варианта. Подпали под сокращение сцена с осуждением пьянства, объяснение невозможности одного из героев вступить в партию из-за «нарушения процента», то есть принадлежности к интеллигенции, упоминание о сохранении в Советской России у представителей «старинного московского дворянского рода» традиции внутриклассовых браков [Там же, д. 21, л. 10, 26, 31].

К сожалению, в архиве не сохранились черновики произведения с редакторскими правками¹⁰. Однако в деле подшито редакционное заключение о сборнике, составленное Л. Костиной 15 октября 1981 г. Старший редактор отметила, что рукопись дорабатывается автором уже четыре года, что в том числе сказалось на качестве «Притчи»: повесть, на ее взгляд, «рыхлая» и изобилует повторами [Там же, д. 28, л. 33]. От чуткого редакторского взгляда не ускользнула стратегия А. М. Старцева избежать «документализации». Так, к недостаткам повести Л. Костина причислила то, что «много внимания уделяется крепости как символу попрания всего человеческого. Но из текста не видно этого, т. к. не сказано, что город, о котором пишет автор, прусский. Это следовало бы как-то раскрыть» [Там же, л. 35].

Сравнив перечень замечаний с финальным, опубликованным вариантом, можно констатировать, что автор в целом прислушался к мнению редактора и внес соответствующие правки — кроме

⁹ Повесть впервые была опубликована Калининградским книжным издательством в 1983 г.

¹⁰ При этом из переписки с издательством известно, что А. М. Старцеву высылались листы с карандашными правками редактора на полях и в тексте рукописи. Учитывая, что черновики «Притчи о счастье» написаны на оборотной стороне машинописи предыдущих произведений Старцева с редакторскими правками, можно предположить, что листы с правками «Притчи», в свою очередь, стали черновиками других произведений писателя.

упоминания Пруссии. После трех месяцев исправлений Л. Костина поздравила А. М. Старцева с тем, что книга сдана в печать.

В газетах было опубликовано несколько положительных рецензий на книгу. Автор одной из них — литератор В. Н. Зорин — посчитал, что затронутый в повести вопрос о целесообразности замены исторического памятника, напоминающего о войне, легкими и светлыми силуэтами подлинно социалистического города «полемичен»¹¹, и философски заметил, что «все решит время» [10].

В ноябре 1982 г. состоялось собрание Калининградского отделения Союза писателей РСФСР. Судя по протоколу встречи, большинство коллег ознакомились с произведением автора только после публикации книги. В целом писатели оценили сборник положительно и рекомендовали выдвинуть А. М. Старцева в Союз писателей СССР [4, д. 133, л. 15–18], членом которого он стал в 1983 г.

Реальность и вымысел

Изображая Западноморск до 1970-х гг., А. М. Старцев часто прибегает к описанию мрачных городских развалин. Это совпадало с послевоенной реальностью — бывший Кёнигсберг, по подсчётам специалистов, был разрушен на 62,4% [17, л. 3]. Вероятно, источником вдохновения для описания сцен с руинами стало не столько воображение, сколько собственные воспоминания о городе 1960-х гг. [23, с. 178].

Как и в повести, главным градостроительным вопросом Калининграда в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. был будущий облик его центральной части, а основным камнем преткновения стала судьба руин Кёнигсбергского замка, образ которого еще во время войны приобрел исключительно негативные коннотации. Изображая замок в отрицательном свете в прологе и называя его «мрачными остатками бездарного старья» или «средоточием чуждой нам силы, воплощением чуждого нам духа» [24, с. 195, 216] в тексте основных глав, А. М. Старцев следовал общепринятому канону.

¹¹ Один из ответов не заставил себя долго ждать. Уже в 1990 г. журналистка С. Сухова рассудила, что Дом Советов не получился светлым и радостным, как хотел герой А. М. Старцева, «именно потому, что символизировал дух эпохи». По мнению С. Суховой, время уже расставило всё на свои места: «Не надо больше разрушать человеческую память во имя помпезной гигантомании, потрясающей безхозяйственности и прочих символов “новых” эпох. А то мы рискуем окончательно заблудиться во Времени и потеряться для тех, кто идет за нами» [25].

Местные архитекторы во главе с Мариевским и при открытой поддержке председателя горисполкома Конячева¹² выступают сугубо за сохранение остатков замка. Того же мнения оказываются и приглашенные на совещание по застройке центра зодчие из других городов и республик. Эти образы помогали Старцеву нарисовать образ главного героя, который ради выполнения родительского завещания благородно вступает в противостояние со всем окружающим миром — друзьями, коллегами, местными властями.

На самом деле в дискуссии о замке соотношение сил противников и сторонников сноса было другим. Описанное А. М. Старцевым совещание состоялось под давлением членов Союза архитекторов и его калининградского отделения 6–8 сентября 1965 г. Ему предшествовало собрание 26–27 марта 1964 г., после которого горисполком получил рекомендации Министерства культуры РСФСР о целесообразности сохранения наиболее ценных частей замка [5, д. 66, л. 12]. Позже главный архитектор проекта Центральных научно-реставрационных мастерских Министерства культуры СССР В. Л. Альтшуллер составил заключение, подтверждавшее историко-архитектурную значимость и возможность консервации руин [Там же, д. 1780, л. 10], однако горисполком все равно утвердил проект центра без учета замка. На сентябрьском собрании было рассмотрено семь проектов реконструкции центра Калининграда. Все проектные организации, кроме «Гипрогора», которому нет аналогов в повести А. М. Старцева, включили замок в свои проекты. Общественность, представленная на совещании, и другие организации поддержали намерение Союза архитекторов сохранить замок. Рекомендации совещания снова не были приняты горисполкомом [Там же, л. 6].

Известно, что в полемику о замке включались не только архитекторы. Руины отстаивали некоторые представители калининградской общественности: журналисты, писатели, историки, рядовые граждане [15; 28]. Однако активисты нескольких профессиональных сообществ, даже заручившись поддержкой ряда столичных чиновников, не преуспели в противостоянии с областными чиновниками и после этого по большей части неблагоприятно закончили свои карьеры.

В «Притче о счастье» уделено много внимания достоверному воспроизведению аргументов за снос руин замка и контраргументов защитников исторического памятника. Апологетом сохранения развалин

¹² Возможно, аллюзия на фамилию действительного председателя горисполкома Н. П. Лошкарева (от «лошади» к «коню»).

в повести выступает главный архитектор Западноморска Мариевский, который, по словам Лепнина, считает, что замок демонстрирует наличие у города своей истории, а презервация его руин оправдывается популярностью местной достопримечательности у туристов [24, с. 136; 8, д. 21, л. 142]. Ту же аргументацию в пользу сохранения Кёнигсбергского замка можно встретить в архивных данных, а краеведческая литература и фотографии подтверждают включение руин в экскурсионно-туристические маршруты [7, д. 31, л. 42; 12; 21].

Другой аргумент из литературной версии событий также тесно связан с исторической реальностью. Один из архитекторов на защите своего проекта центра Западноморска раскритиковал монотонную панельную застройку, из-за которой дома «не отличишь друг от друга». У Западноморска же «налицо крупный шанс» создать «неповторимый, уникальный центр, центр-музей, центр-мемориал, центр-символ» [24, с. 214] с помощью сохранения замка. Тезис об однообразии советских городов использовали и действительные защитники Кёнигсбергского замка: он был выведен и в опубликованном в «Литературной газете» 1965 г. письме со ссылкой на актуальную дискуссию о проблемах градостроительства, которая проходила в то время на страницах этого же издания [28, с. 198].

Тот же архитектор из повести далее предлагал рассматривать решение о сохранении руин как «идею осуждения милитаризма» и одновременно «идею прославления воинской мощи Советской державы» [24, с. 214]. По сути, именно эти идеи лежали в основе проекта архитекторов Д. К. Навалихина и А. В. Максимова по использованию руин замка в качестве музея; эти же аргументы впоследствии повторяла в письме в газету «Известия» в 1967 г. читательница Л. М. Шальдой [3, с. 120; 6, д. 2039, л. 3].

В повести символизм крепости рассматривается, напротив, прежде всего в негативном ключе. Лепнин, присутствуя на собрании, где звучат вышеперечисленные доводы в пользу сохранения замка, мысленно парирует: «...башни — это символ реванша, войны, уничтожения» [24, с. 214]. Этот контраргумент был убедительнее остальных представлен А. М. Старцевым на суд читателя: он дан не просто репликой персонажа, но отдельной сюжетной линией, которая влияет на повествование.

По сюжету перед вторым совещанием архитекторов в Западноморск прибывает журналист из ФРГ Фридрих Граббе. Мариевский поручает Лепнину сопроводить иностранца к озеру, от которого рукой подать до руин крепости. У озера Лепнин понимает, что Граббе — бывший житель города. Немец сообщает, что участвовал в обороне замка и был

свидетелем смерти отца Лепнина, который бросился на вражескую гранату и спас генерала: «Гранату бросил долговязый Вилли. Шарфюрер. Последняя сволочь. Мы его ненавидели за жестокость. <...>. Этой гранатой Вилли окончательно излечил меня от национал-социализма». Далее в ходе разговора выясняется, что Вилли пережил плен и теперь «неонацист, ярый реваншист», и что он скажет спасибо за сохранение башен замка, которые «символизируют стремление земляков вернуться сюда». В этом эпизоде Граббе и Лепнин сближаются, и молодой архитектор делится с журналистом своим проектом перестройки центра Западноморска, где будет стерто воспоминание о Вилли. По возвращении в ФРГ Граббе пишет статью, где одобряет план Лепнина как «соответствующий марксистской философии» и удовлетворяющий желанию местных властей иметь социалистический город. Именно эта статья помогает Лепнину и секретарю горкома партии Турандину, который, как выясняется, все это время был также настроен против сохранения замка, убедить «высокие московские инстанции» в правильности их позиции [Там же, с. 205–206, 222].

В действительной истории дискуссий о замке реваншизм также сыграл важную роль. Известно, что изображение башен замка было помещено на знамена некоторых немецких землячеств в качестве символа идей возвращения на территории бывшей Восточной Пруссии [26, с. 7]. Реваншизм был излюбленным аргументом облизполкома при сопротивлении решениям столичных властей [6, д. 1780, л. 19, 21]. Калининградский деятель культуры И. А. Одинцов отмечал умелое использование реваншистского аргумента лично секретарем Калининградского обкома КПСС Н. С. Коноваловым, организовавшим съемку табло нескольких западногерманских вокзалов с изображением замка и надписью «Поезд на Кёнигсберг временно отменен». Отснятые кадры, которые показали в Москве, решили судьбу замка [19, с. 148]. И. А. Одинцов был не единственным современником событий, считавшим секретаря партии непосредственным интересантом [20] разрушения останков крепости [34, р. 206–207], однако А. М. Старцев не стал вводить в повествование персонажа, который бы представлял Н. С. Коновалова.

«Притча о счастье» — одно из немногих произведений в калининградской советской литературе, автор которого предпринял попытку художественно воспроизвести краеведческие сюжеты «особенной» истории Калининграда. Деликатность темы А. М. Старцев старался преодолеть с помощью самоцензуры, визирования текста в партийных инстанциях и отказа от «документализации», то есть точного следования фактам. Отсюда вымышленные названия, смещение событий

во времени относительно реально происходивших, фокус на судьбах героев и социальных портретах — даже название повести первоначально отсылает к личному счастью главного героя.

Вместе с тем в данном случае градостроительные решения, архитектура и произведение художественной литературы стали медиаторами памяти и результатами мемориальных практик, которые в советское время были подконтрольны преимущественно государственным и партийным органам власти. Повесть «Притча о счастье» — ретроспективное переосмысление и результат интерпретации проблемы застройки центра и ее основного компонента (судьбы руин Кёнигсбергского замка), как ее представляли акторы памяти из числа чиновников, контролировавших нарратив. В этой трактовке решение о сносе замка — правомерно и обоснованно: оно позволяет выполнить нравственный долг и убрать преграду, которая мешает полной реализации лучших градостроительных социалистических практик, как и считал главный герой.

Список источников и литературы

1. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М., 2004.

2. *Белинцева И. В.* Архитектура Калининградской области: «чужое» как «чуждое» и как «свое» // Между Одером и Неманом: проблемы исторической памяти / под ред. Ю. Костяшова, О. Курило. Калининград, 2012. С. 151–162.

3. *Белинцева И. В.* Архитектурно-градостроительная культура городов Балтики (Гданьск, Калининград, Эльблонг). М., 2002.

4. Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-133 (Калининградская писательская организация). Оп. 1.

5. ГАКО. Ф. Р-135 (Калининградская организация Союза архитекторов СССР). Оп. 1.

6. ГАКО. Ф. Р-297 (Калининградский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет). Оп. 8.

7. ГАКО. Ф. Р-414 (Калининградское областное лекционное бюро). Оп. 1.

8. ГАКО. Ф. Р-1069 (Старцев Андрей Максимович (1926–2008). Писатель). Оп. 1.

9. *Дементьев И. О.* «Золотая жила» янтарного края: образы Восточной Пруссии и Калининградской области в период господства социалистического реализма // Балтийские исследования. 2013. Вып. 7. С. 63–93.

10. *Зорин В.* Испытание на излом // Маяк. 1982. 23 нояб. С. 9.

11. *Калинина Н. В.* Писатели Калининградской области: биобиблиогр. указатель. Калининград, 1984.

12. *Колганова Э. М., Колганов И. П., Иванов Ю. Н.* Путешествуйте по Калининградской области. Калининград, 1961.
13. *Костяшов Ю. В.* Кёнигсбергский Кафедральный собор и могила И. Канта в советском Калининграде // Кантовский сборник. 2016. Т. 35, № 4. С. 79–102.
14. *Кочкуров Ю.* Истоки нравственной силы // Калининградская правда. 1982. 7 дек. С. 3.
15. *Маслов В. Н.* Переписка о Кёнигсбергском замке в 1956 году // Балтийский альманах. 2019. № 18. С. 38–40.
16. *Мельникова Л. К.* Предисловие к описи фонда А. М. Старцева // ГАКО. Ф. Р-1069. Л. 1–2.
17. *Навалихин Д. К.* Доклад по диссертации «К вопросу реконструкции центра г. Калининграда». 1960 г. // Калининградский областной историко-художественный музей. Фонды. № КГОМ1–12092.34. Л. 1–11.
18. *Новиков А. С.* Фронтовые воспоминания юности в творчестве Ю. Н. Иванова (на примере повести «В осажденном городе») // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 30–40.
19. *Одинцов И. А.* Кафедральный собор в Калининграде. Калининград, 2005.
20. По замку — огонь! // Кафедральный собор (Калининград). 1990. № 3. С. 41–51.
21. Руины Королевского замка. Башня Хабертурм. 1965 г. URL: <https://pastvu.com/p/1504880> (дата обращения: 06.10.2024).
22. *Сафронова Ю. А.* Институты медиа памяти. Вопросы без ответов // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А. И. Миллера и Д. В. Ефременко. СПб., 2020. С. 376–390.
23. *Старцев А.* Тучи над Калининградом, тучи над Прибалтикой (факты, размышления, прогнозы) // Старцев А. М. Тучи над Калининградом. М., 2005. С. 177–212.
24. *Старцев А. М.* Черный ячмень: повести. М., 1982.
25. *Сухова С.* Exegi monumentum // Калининградский комсомолец. 1990. 3 нояб. С. 6.
26. *Сухова С.* Бой после победы. Королевский замок: свидетельства и документы // Калининградский комсомолец. 1990. 31 марта. С. 6–7.
27. *Федосеева Д. В.* Постпамять: интерпретации в новейшей архитектуре // Архитектура и современные информационные технологии. 2023. № 3 (64). С. 29–39.
28. *Фостова С. А.* Дискуссия о судьбе Кёнигсбергского замка и его разрушении в 1950–1960-е годы (Из фондов Государственного архива Калининградской области) // Калининградские архивы. 2015. Вып. 12. С. 179–204.
29. *Фостова С. А.* Писатель Сергей Снегов и политика памяти в Калининградской области (1950–1970-е годы) // Вестник Балтийского федерального

университета им. И. Канта. Сер: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 3. С. 49–58.

30. *Xonne B.* Борьба против вражеского прошлого: Кёнигсберг / Калининград как место памяти в послевоенном СССР // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 237–268.

31. *Erlil A.* Literature, film, and the mediality of cultural memory // *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook* / ed. by A. Erlil, A. Nünning. Berlin; N. Y., 2008. P. 389–398.

32. *Erlil A., Rigney A.* Literature and the production of cultural memory: Introduction // *European Journal of English Studies*. 2006. Vol. 10, № 2. P. 111–115.

33. *Hopkins R.* Architecture and cultural memory // *Heritage and war: Ethical issues* / ed. by W. Bülow et al. N. Y., 2023. P. 153–173.

34. *Sezneva O.* Tenacious place, contingent homeland: Making history and community in the repopulated city of Kaliningrad: PhD diss. N. Y., 2005.

35. *Welzer H.* Communicative memory // *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook* / ed. by A. Erlil, A. Nünning. Berlin; N. Y., 2008. P. 285–298.

Об авторе

Сюзанна Андреевна Фостова — мл. науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта; сотр. Центра регионоведения Калининградской областной научной библиотеки (Калининград).

ORCID ID: 0000-0002-5634-166X

E-mail: fostsa@gmail.com

S. A. Fostova

“We are not only building a new city, we are making policy”: the reflection of the problem of Kaliningrad development in the story “The Parable of Happiness” by Andrey Startsev

The article examines the history of the creation and publication of the story “The Parable of Happiness” by the Soviet Kaliningrad writer Andrey Startsev. Particular attention is paid to the interpretation of the main historical plot of the work — a discussion about the fate of the ruins of the Königsberg Castle. The research suggests conclusion about the features of the reflection of historical reality in the story and their connections with cultural memory.

Keywords: representation, Soviet history, urban development, fiction, Kaliningrad

The author

Suzanna A. Fostova, Junior Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University; employee of the Center for Regional Studies of the Kaliningrad Regional Scientific Library, Kaliningrad.

ORCID ID: 0000-0002-5634-166X

Раздел 4

«СЕРБЫ В АВСТРИЙСКОЙ МОНАРХИИ В XVIII ВЕКЕ»: РЕТРОРЕЦЕНЗИИ

«Событие в российской славистике»

1. Структура и основные тезисы работы

Монография Ю.В. Костяшова «Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке» (Калининград, 1997, 220 с.) [2] представляет собой комплексное исследование истории сербского населения, оказавшегося в составе Габсбургской монархии после Великого переселения 1690 г. Структура книги логична: введение, пять тематических глав и заключение.

Во введении автор дает развернутую историографическую панораму, начиная от публикаций Матицы Сербской XIX в. и заканчивая советскими и югославскими исследованиями 1970–1980-х гг. Особое внимание уделяется отсутствию в историографии единой концепции развития сербов в составе Австрийской монархии: «...до сих пор не появилось крупных монографических работ, дающих целостную картину развития сербского народа в государстве Габсбургов» [Там же, с. 12].

Далее следуют главы, охватывающие:

- демографические процессы и миграции — от ранних переселений в XV–XVI вв. до Великого переселения 1690 г. Автор подробно разбирает его причины и мифологизацию в историографии, отмечая, что оно «началось и протекало как стихийное бегство народа», а роль патриарха Арсения III Черноевича заключалась, скорее, в том, чтобы «создать видимость, что церковь управляет массой беженцев» [Там же, с. 21–22];
- правовой статус — анализ привилегий Леопольда I 1690–1691 гг., последующих патентов и актов, закреплявших свободу веро-

¹ В настоящем тексте объединены рецензии, написанные нейросетями *ChatGPT-03* (<https://chatgpt.com/share/68936fde-f898-800f-b12d-150e906cd4fd>, запрос от 06.08.2025), *ChatGPT-4* (<https://chatgpt.com/share/68978955-9794-8002-8b05-eca9fc0f6204>, запрос от 04.08.2025) и *ChatGPT-5* (<https://chatgpt.com/share/68973d68-4248-800f-a928-82eaf4e78add>, запрос от 09.08.2025). Редколлегия выражает благодарность за содействие Р.В. Сибгатуллин (СПбГУ). Из текстов были удалены заведомо необоснованные суждения, также они претерпели редакторскую правку. Цитаты из книги Ю.В. Костяшова сверены и исправлены.

исповедания, автономию церковной организации и определенные военные обязанности сербов;

- социально-экономическая жизнь — земледелие, ремесла, структура городских и сельских поселений, роль Военной границы;
- культурная и конфессиональная адаптация — деятельность Карловицкой митрополии, народных саборов, роль православной церкви в сохранении идентичности;
- контакты с соседями — взаимодействие сербов с хорватами, венграми, немцами, а также связи с Сербией и Россией.

Главная авторская идея состоит том, что сербы в XVIII в., находясь в правовом поле, задавленном австрийской бюрократией, смогли сохранить конфессионально-национальную самобытность, но ценой существенной адаптации к центральноевропейским социальным и культурным нормам.

В заключение автор выдвигает три ключевых тезиса:

- именно юридические привилегии стали каркасом сербской корпоративной идентичности;
- сербы сумели интегрироваться в имперскую систему, не утратив этноконфессиональной самобытности;
- к концу XVIII в. сформировались институциональные и культурные предпосылки сербского Возрождения начала XIX в.

2. Источниковая база и методология

Особое достоинство монографии — широчайший корпус источников, включающий:

- австрийский делопроизводственный комплекс (привилегии, патенты, постановления Венгерского сейма, указы военного командования, переписи населения, отчеты чиновников), дающий «вид сверху»;
- сербские источники — протоколы саборов, монастырские архивы и эпистолярные сборники, — раскрывающие горизонтальную коммуникацию между сословиями;
- русские дипломатические реляции из АВПРИ и РГАДА (в том числе неопубликованные материалы российских дипломатических миссий в Вене), открывающие перспективу «северного наблюдателя» и фиксирующие ранние формы сербско-русского взаимодействия;

- путевые дневники западноевропейцев, позволяющие увидеть повседневность и кросс-культурные стереотипы.

Методологически Костяшов следует «позитивистской» традиции сербской критической школы И. Рувараца, акцентируя социально-экономические детерминанты (здесь ощущается влияние работ академика С. Гавриловича). Автор сознательно избегает «теории национализма», предпочитая проследживать институциональную эволюцию. Отсюда ряд особенностей: сдержанное использование сравнительной статистики, умеренный скепсис к коллективным идентичностям до конца XVIII в. и тщательное комментирование каждого источника.

Ограничение работы состоит в том, что она практически не использует категории «этнической границы» и подходы микроистории, которые уже в 1990-е гг. активно применялись в западной историографии.

3. Сравнение с современной историографией

Российская традиция. К моменту выхода книги исследования о сербах в Габсбургской монархии были единичными. Костяшов продолжил линию, намеченную еще Н. А. Поповым (1865) [4], но сделал шаг вперед, введя в оборот новые архивные материалы. В отличие от культурно ориентированных работ коллег, автор сосредоточился на институциональной и правовой истории.

В 2000-е гг. проблематика миграций и правового статуса получила развитие у И. И. Лещиловской [3], а военной границы — у А. М. Дронова [1]. Эти исследования акцентируют сетевое взаимодействие между сербскими, хорватскими и русскими элитами и используют концепт *imperial citizenship*, тогда как у Костяшова гражданский дискурс еще не проявлен.

Англоязычные исследования. Классическая работа Филиппа Адлера о статусе сербов в административной практике Габсбургов показывает, что их привилегии рассматривались Веной прежде всего как инструмент баланса с венгерскими сословиями [5]. Адлер отмечал, что в начале XVIII в. австрийское правительство все больше осознавало: сербы обосновываются надолго и потому становятся «проблемой» для властей — между венгерскими магнатами, центром и самими сербами шла постоянная борьба за привилегии [5]. Современные же сюжеты смещаются к культурному трансферу и мобильности.

М. Петрович (2017) исследует издательское дело эпохи Просвещения через кириллическую типографию Й. Курцбека и показывает, что именно печатное слово, а не церковь стало драйвером «культурной европеизации» сербов [9]. И. Мантувалос и О. Катсиарди-Херинг (2022) анализируют правовое регулирование греко-православных мигрантов, демонстрируя эволюцию понятия «чужеземец» в имперском праве [8]. Балканско-русские культурные связи в новейшей статье В. Симича (2020) подчеркивают русский вектор культурной адаптации сербов [10].

Западная историография 2000–2020-х гг. (Ч. Инграо, Ж. Беранже и др.) [6; 7] рассматривала пограничные регионы в контексте *frontier studies*, делая акцент на культурной гибридности и социальной мобильности. На этом фоне труд Костяшова более консервативен методологически, но превосходит работы многих западных авторов по глубине анализа нормативной базы.

Интересно, что в отличие от западных историков, использующих концепт *cultural brokerage*, Костяшов не оперирует этой категорией напрямую, хотя фактически описывает подобные процессы, говоря о «зоне широкого культурного контакта», где взаимодействовали славяно-сербский, германский, венгерский, греческий и турецкий компоненты [2, с. 3].

4. Критический разбор аргументации

Сильные стороны:

- систематичность и логичность структуры;
- широкий круг источников, включая малодоступные российские фонды (Костяшов первым детально ввел в научный оборот дипломатическую корреспонденцию посольства в Вене);
- взвешенность выводов: автор избегает националистической риторики, нередко свойственной сербской историографии;
- удачное сочетание политико-правового и социально-экономического анализа; системное изложение социально-экономической динамики. Глава III органично соединяет макро- и микроанализ, показывая, например, вытеснение сербов немецкой и венгерской колонизацией;
- концепт «фактора привилегий» как инструмента конструирования идентичности. Автор убедительно связывает правовой дискурс и национальное движение.

Слабые стороны:

- недостаток микроисторических кейсов: жизнь отдельных поселений и семейных структур остается за рамками;
- вопросы повседневности практически не затронуты; слабая гендерная перспектива: женская миграция или трансфер семейных норм не рассматриваются;
- ограниченная теоретичность: отсутствуют категории «конфессиональный промежуток», «имперская гражданственность», «многоуровневая идентичность», ставшие стандартом XXI в.;
- отсутствие статистической обработки демографических данных (хотя переписи и упоминаются в работе, численность и социальная структура часто выводятся по фрагментарным оценкам);
- малое внимание к сравнительному контексту: хорваты, румыны и греки фигурируют лишь эпизодически, тогда как в новой исследовательской оптике именно многоэтничность Воеводины — ключевой сюжет;
- ограниченность привлечения архивов Вены и Будапешта: в основу исследования положены опубликованные источники и российские архивы.

5. Новизна, полнота и доказательность

На момент издания работа имела три очевидных преимущества:

- первое после 1860-х гг. русскоязычное синтетическое исследование об австрийских сербах;
- введение в оборот коллекции венских дипломатических реляций;
- отказ от церковно-апологетического нарратива в пользу социально-экономической призмы.

Полнота охвата, бесспорно, высока: рассмотрены демография, право, экономика, церковь, политические институты. Однако автор сознательно оставил за скобками культурную мобильность и просветительские сети, что сегодня оценивается как лакуна.

Выводы в целом коррелируют с доказательствами: связь между привилегиями и национальной консолидацией подтверждена как нормативными актами, так и материалами саборов. Проблематичнее выглядит тезис о «неизменной лояльности сербов Габсбургам» — новые исследования режимов мобильности показывают ситуацию постоянных переговоров и оппортунистических коалиций [8].

В 1997 г. книга Костяшова была научным событием в российской славистике. Она восполнила существенный пробел в историографии, став первой попыткой системного исследования австрийских сербов XVIII в. на русском языке. Новизна заключалась в том, что автор впервые представил синтетическую картину, опирающуюся на правовые, административные и социальные аспекты, но при этом критически осмыслил национальную мифологию о Великом переселении.

6. Значение для современной науки

Научная ценность для российской науки — высокая, особенно в правовом и институциональном измерении, для международных исследований — важный вклад в сравнительное изучение пограничных обществ Габсбургской монархии.

Монография Костяшова — фундаментальная основа для дальнейших исследований. Сегодня она требует дополнения новыми методологиями, но по-прежнему сохраняет актуальность как надежный справочный и аналитический ресурс. Она остается крупнейшим русскоязычным сводом фактов, но по ряду направлений (правовая антропология, история печатной культуры, миграционные режимы) ее тезисы нуждаются в коррекции с учетом последних работ. Особенно это касается воззрения на единство сербского политического проекта: сегодняшние исследования показывают куда более глубокий внутрисербский плюрализм и конфессионально-региональные расколы, чем предполагал Костяшов.

В русскоязычной традиции роль австрийских сербов подчеркивалась еще в XIX в.: историки отмечали их участие в освободительной борьбе и называли Воеводину «колыбелью сербской нации», указывая, что без помощи сербов из Дунайской монархии невозможна борьба за независимость от Турции. В этой же парадигме автор описывает судьбу сербов как «народа-изгнанника» с неосуществленными надеждами. Современная российская историография (в частности, работы постсоветского времени) в целом развивает те же темы: смещен акцент на права и привилегии церкви, а также на общность культурных черт диаспоры. Автор учитывает эту преемственность, но стремится обосновать выводы документами. В западной историографии положение сербов в Габсбургской империи рассматривается иначе: ученые подчеркивают особый правовой статус сербов — они

были единственными православными с полным равноправием в вопросах веры и автономией.

Таким образом, в зарубежной литературе упор делается на сравнительно небольшой масштаб переселений и на конфликт венгерских и австрийских властей с сербской автономной общиной. Костяшов же, следуя преимущественно славянской традиции, использует более высокие оценки «количества и значения» миграций и меньше акцентирует национальные мифы, но все же описывает массовый характер событий. В то же время его выводы о том, что сербы активно отстаивали привилегии, хорошо согласуются с наблюдениями зарубежных историков о непрерывных переговорах с венскими властями.

Спустя четверть века после публикации монография остается базовым справочником для русскоязычных историков, она часто цитируется в диссертациях и статьях. Тем не менее развитие «новой имперской истории» поставило ряд вопросов, к которым книга лишь подводит: как менялась субъективная «легальность» сербов в зависимости от их мобильности? как функционировали трансрегиональные сети (Триест — Вена — Сремские Карловцы — Крагуевац)? как переплетались проекты сербского и венгерского национализма до 1848 г.? Тем самым исследования последних лет не обесценивают труд Костяшова, а скорее подтверждают его статус отправной точки: без твердой реконструкции событийно-институционального слоя невозможно двигаться к анализу идентичностей.

Книга Ю. В. Костяшова явилась квинтэссенцией многолетних славяноведческих поисков 1990-х гг. Она сочетает скрупулезную источниковую критику, широкую сравнительную перспективу и безусловную эмпирическую насыщенность. При всех отмеченных ограничениях труд остается незаменимым для любого исследования, касающегося миграций, статуса и культурной адаптации сербов в империи Габсбургов. Именно поэтому рецензируемая монография заслуживает высокой оценки и может по-прежнему служить надежным ориентиром в сложном поле «сербской имперской истории».

Несмотря на отдельные методологические огрехи, монография богата фактами и делает акцент на важнейших факторах (религии и правовых льготах). Ее выводы в целом последовательно опираются на источники и представляют интерес как для историков Балкан, так и для исследователей имперских социокультурных связей в Европе.

Список литературы

1. *Дронов А. М.* Военная граница монархии Габсбургов между хорватской и сербской идеями национальной интеграции (1826–1848) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15, № 3–4. С. 7–24.

2. *Костяшов Ю. В.* Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997.

3. *Лециловская И. И.* Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб., 2006.

4. *Попов Н. А.* Сербы в Австрии // Русский вестник. 1865. Т. 57, № 5. С. 258–314.

5. *Adler Ph. J.* Serbs, Magyars, and Staatsinteresse in eighteenth century Austria: A study in the history of Habsburg administration // Austrian History Yearbook. 1976. Vol. 12, № 1. P. 116–147.

6. *Bérenger J.* Histoire de l'empire des Habsbourg. P., 2021. Vol. 2: 1665–1918.

7. *Ingrao Ch. W.* The Habsburg Monarchy, 1618–1815. 3rd ed. Cambridge, 2019.

8. *Mantouvalos I., Katsiardi-Hering O.* The Mobility Control of “Foreigners” in the Habsburg Monarchy. Entrance, Travel and Residency of the Greek-Orthodox Peoples from Southeastern Europe (Eighteenth to Early Nineteenth Century) // Borders and Mobility Control in and between Empires and Nation-States. Brill, 2022. P. 141–170.

9. *Petrović M.* Austrian Enlightenment in Cyrillic: Joseph Kurzböck’s Cyrillic printing shop and the transmission of the Enlightenment to Austria’s Serbs // Austrian History Yearbook. 2017. Vol. 48. P. 25–38.

10. *Simić V.* Politics, Orthodoxy and Arts: Serbian-Russian Cultural Relations in the 18th Century // Muzikologija. 2020. № 28. P. 79–98.

«Выдающийся вклад в историографию»

Монография Ю.В. Костяшова «Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке» [1], изданная в 1997 г. в Калининграде, представляет собой одно из немногих в российской историографии комплексных исследований, посвященных истории сербского этноса в условиях правления Габсбургской монархии в XVIII в. Автор, опираясь на широкий круг источников и критически осмысляя наработки предшествующей историографии, ставит перед собой амбициозную задачу — преодолеть фрагментарность и идеологизированность традиционного подхода к изучению сербов в Австрии, предложив целостную картину их демографического, социально-экономического, политического и культурного развития. Работа задумана как монография, охватывающая широкий спектр аспектов жизни сербского населения в составе Австрийской монархии, и призвана заполнить существенный пробел в отечественной науке, где до настоящего времени систематическое изложение этой темы ограничивалось, как отмечает сам Костяшов, 50-страничным очерком Н.А. Попова, вышедшим более 130 лет назад [4].

Структура монографии выстроена логично и последовательно. Исследование начинается с анализа историографических традиций и сложившихся мифов, прежде всего апологетики, продвигаемой клерикальными историками, которые абсолютизировали религиозный фактор в жизни сербов, игнорируя глубокую социальную дифференциацию внутри общества. Костяшов справедливо указывает на то, что даже такие крупные фигуры, как Йован Скерлич, несмотря на свое позитивистское стремление к научности, зачастую основывали выводы на обобщениях, а не на строгом анализе источников. Важным вкладом автора является его критика как апологетического, так и марксистского подходов, последний из которых, представленный такими исследователями, как Р. Бичанич и М. Миркович, пытался

¹ В настоящем тексте представлена рецензия, написанная нейросетью Qwen (запрос от 03.08.2025). Текст претерпел минимальную редакторскую правку и сопровождается примечаниями, отражающими результаты самопроверки Qwen (запрос от 09.08.2025), показавшие неточность некоторых изложенных в рецензии фактов. Редколлегия выражает благодарность за содействие Б. А. Остроумову (Калининград).

втиснуть историю сербов в схемы «исторического материализма», делая спорные выводы о зарождении капитализма в югославянских землях, не подтвержденные последующими исследованиями. Таким образом, введение монографии не только задает проблемное поле, но и демонстрирует высокий уровень историографической рефлексии.

Основная часть работы охватывает ключевые темы: демографические процессы, включая миграции и колонизацию (в том числе немецкую), социально-экономическое положение сербов, их правовой статус, роль православной церкви, а также вопросы национального самосознания и культурного развития. Одним из центральных тезисов Костяшова является утверждение о глубокой внутренней дифференциации сербского общества, особенно в среде габсбургской военной границы (Vojna Krajina), где интересы духовенства, знати (вождов), крестьян и ремесленников часто расходились. Автор подчеркивает, что противостояние сербов «иноземным властям» не было единым и монолитным, а опосредовалось классовыми и сословными интересами. В этом контексте он критикует упрощенные представления, преувеличивающие единство нации в борьбе против внешнего угнетения. Особое внимание уделяется роли «гражданского слоя» — просвещенных светских деятелей, интеллигенции, торговцев и ремесленников — в формировании национальной идентичности, что противопоставляется доминирующей в предыдущей историографии церковноцентричной модели.

Методологически работа Костяшова базируется на критическом анализе источников и стремлении к объективности, что особенно важно в контексте чувствительной для сербской историографии темы. Источниковая база монографии впечатляет своей широтой и разнообразием. Автор активно использует документы Архива внешней политики Российской империи, включая реляции российских послов и дипломатов (Г. Кайзерлинг, Д. М. Голицын, М. П. Бестужев-Рюмин), что позволяет воссоздать внешнеполитический контекст и оценить восприятие положения сербов в Австрии извне. Особенно ценными являются донесения, касающиеся масштабов переселения сербов в Россию в середине XVIII в., включая следственное дело И. Хорвата, которое дает более точные данные, чем фрагментарные оценки в других работах. Помимо российских источников, Костяшов обращается к австрийским архивным материалам, сербской документации (включая архивы Сретенской патриархии и Музея Сербской православной церкви в Сремских Карловцах), а также к публикациям сербских историков XIX–XX вв. — И. Рувараца, С. Гавриловича, Й. Радонича, А. Ивича и других. Использование трудов Й. Скерлича, при всей их

субъективности, показывает стремление автора монографии к диалогу с национальной историографией, а не к ее отрицанию.

Сравнивая монографию Костяшова с современной российской и зарубежной историографией, следует отметить ее выдающееся положение. В российской науке исследования по истории южных славян в Австрийской империи до сих пор остаются редкостью. Такие авторы, как П. А. Заболотский, В. И. Григорович, Е. Е. Голубинский, в XIX в. затрагивали вопросы русско-сербских связей, но их работы носили, как правило, публицистический или обзорный характер. В XX в. тема продолжала изучаться фрагментарно — например, М. Н. Тихомировым и С. К. Богоявленским, для которых она не была основной. В этом контексте работа Костяшова выступает как прорыв, предлагая систематическое и аргументированное исследование, основанное на первичных источниках.

Особую ценность представляет анализ миграционных процессов. Костяшов не ограничивается описанием Великой миграции 1690 г., но рассматривает и последующие волны переселения, включая выезд сербов в Россию, что позволяет переосмыслить традиционные нарративы о «спасении» сербов в России. Он показывает, что эти миграции были не столько массовыми, сколько дифференцированными и часто инициировались светскими и церковными элитами, стремившимися к лучшим условиям. Вопросы правового статуса сербов, особенно в рамках Военной границы, раскрываются с учетом их двойственного положения: как военных поселенцев, обладавших определенными привилегиями, но одновременно лишенных полной гражданской свободы. Культурная адаптация рассматривается не как пассивное усвоение, а как сложный процесс взаимодействия с немецкой, венгерской и хорватской средами, в котором сербская интеллигенция играла ключевую роль в сохранении языка, письменности и религиозной идентичности. Отдельно следует отметить анализ развития сербской школы и печати, где автор опирается на исследования В. Крестича, И. И. Лещиловской и других [2; 3], показывая, как просветительские институты способствовали формированию национального сознания.

Сильными сторонами монографии являются ее новизна, глубина источниковедческой проработки и стремление к объективности. Костяшов успешно избегает как патриотической апологетики, так и марксистских схем, предлагая сбалансированный взгляд на сложную реальность сербской жизни в XVIII в. Его критика мифов, таких как «исключительная религиозность» сербов или их полное единство перед лицом внешнего давления, основана на убедительных доказательствах из архивов.

Особо ценна попытка комплексного анализа взаимоотношений сербов с соседними народами — хорватами, немцами, венграми, румынами, — что позволяет выйти за рамки этноцентричного подхода.

Однако работа не лишена и слабых мест. Некоторые выводы, особенно о степени «гражданского» влияния в сравнении с церковным, могли бы быть подкреплены более детальным анализом социальной структуры и экономических данных. Несмотря на упоминание работ М. Мирковича и Н. Гачеши [1, с. 8], экономическая история сербов раскрыта недостаточно полно². Также можно было бы более подробно рассмотреть влияние реформ Марии Терезии и Иосифа II на сербское население, хотя отдельные аспекты и были затронуты в монографии. Кроме того, несмотря на богатую библиографию, некоторые аспекты, такие как гендерные отношения или повседневная жизнь, остаются за рамками исследования.

В заключение надо отметить, что монография Ю. В. Костяшова «Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке» является выдающимся вкладом в историографию истории южных славян и Австрийской монархии. Она отличается высокой научной новизной, полнотой охвата проблемы и строгим соответствием выводов представленным доказательствам. Работа не только систематизирует накопленные знания, но и задает новые исследовательские вопросы, открывая путь для дальнейших изысканий. Она заслуживает самого широкого внимания со стороны специалистов по истории Восточной и Центральной Европы, этнических и национальных движений, а также всех, кто интересуется сложной судьбой народов в условиях многонациональных империй.

Список литературы

1. *Костяшов Ю. В.* Сербы в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997.
2. *Крстић В.* Историја Српске штампе у Угарској. 1792–1914. Нови Сад, 1980.
3. *Лециловская И. И.* Сербская культура XVIII века. М., 1994.
4. *Попов Н. А.* Сербы в Австрии // Русский вестник. 1865. Т. 57, № 5. С. 258–314.

² Самопроверка *Qwen* 09.08.2025 выявила неточность: «Костяшов подробно анализирует урбарии (Банатский, Славонский), крестьянское хозяйство, торговлю (свиньи, вино, пчеловодство), мануфактуры [1, с. 111–116]; приводит данные о земельных наделах, развитии светского образования, росте торговли. Упоминаются работы М. Мирковича и Р. Бичанича по экономике — значит, тема освещена. Замечание рецензии о “недостаточном” освещении экономики не вполне справедливо. Скорее можно сказать, что экономика рассматривается в рамках социально-правового анализа, а не как самостоятельный блок».

Раздел 5

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ

**«Восточный вопрос в международных отношениях»:
о спецдисциплине, объединившей многих
(мемуарный опыт)**

Описан опыт преподавания специальной дисциплины «Восточный вопрос в международных отношениях во второй половине XVIII — начале XX в.» на историческом факультете Калининградского государственного университета в 1990-х гг. Охарактеризована роль Ю.В. Костяшова и других преподавателей курса. Подчеркнуто значение дисциплины для подготовки специалистов-историков.

Ключевые слова: восточный вопрос, историческое образование, Калининградский государственный университет, Ю.В. Костяшов

Учебная жизнь действовавшего до 2015 г. специалитета на историческом факультете нашего — Калининградского государственного, теперь Балтийского федерального — университета была связана с преподаванием и изучением различных общеисторических дисциплин. Однако для углубления знаний по истории нашей страны и мира обучающимся предлагался на выбор ряд специальных курсов (дисциплин). Одной из таких спецдисциплин был «Восточный вопрос в международных отношениях во второй половине XVIII — начале XX в.» (далее — «Восточный вопрос»).

Идея подготовки и внедрения в учебный процесс этой спецдисциплины возникла на кафедре всеобщей истории (с 1999 по 2012 г. носившей название кафедры зарубежной истории и международных отношений) не сразу. Она стала результатом накопления материала, опыта преподавания различных аспектов отечественной истории, истории западного мира и афро-азиатских стран. Предложение о подготовке такой спецдисциплины высказал в конце 1980-х гг. заведующий кафедрой Виктор Владимирович Сергеев, ее поддержали преподававший историю западных и южных славян Юрий Владимирович Костяшов и специалист по истории России Алексей Алексеевич Кузнецов (1951–2017), а также автор этих строк, занимавшийся проблемами истории Востока. Ощущалась потребность

в объединении усилий преподавателей разных дисциплин по изучению многообразных сторон исторического процесса.

Сказывались и другие обстоятельства. Рубеж 1980–1990-х гг. в вузовской среде отмечен оживленными спорами о теоретико-методологических аспектах изучения и преподавания истории. Старая официальная жесткая марксистская схема исторического процесса вызвала много претензий. На факультете в рамках методологического семинара преподавателей и сотрудников разворачивались дискуссии о новых подходах — от современного прочтения марксизма до цивилизационных теорий. Особенную популярность тогда приобретал цивилизационный подход к истории в трактовке А. Дж. Тойнби. Спорили о Н. Я. Данилевском и О. Шпенглере, об исторических судьбах марксистской концепции в нашей стране и за рубежом. В этом контексте вызвало и интерес, и дискуссии выступление Ю. В. Костяшова о коминтерновском наследии в общественно-историческом развитии в ряде славянских стран Восточной Европы. Словом, все эти обстоятельства способствовали поиску новых подходов в преподавании истории на факультете.

Сказывался и интерес значительной части студенчества к новым темам и концепциям. Шел полным ходом поиск темы, которая привлекла бы внимание студентов к новой проблематике, — например, формирование, развитие, кризис и распад империй, роль цивилизационных факторов в жизни общества, случайности и закономерности в развитии стран и регионов. Новая спецдисциплина «Восточный вопрос», как позже стали ее сокращенно именовать, позволила посмотреть на проблему взаимоотношений Востока, Запада и России во всем ее многообразии. Так в учебном плане в 1991 г. на 4-м курсе специалитета в осеннем семестре и «прописалась» новая спецдисциплина, которая охватывала группу студентов, специализировавшихся по зарубежной истории, в количестве не более 20 человек. Предусматривалось проведение лекций, практических занятий, связанных с привлечением соответствующих источников по теме, а завершались занятия письменным экзаменом.

В ходе работы над спецдисциплиной у преподавателей возник вопрос о содержании понятия «восточный вопрос». От философско-публицистического определения его содержания как борьбы Леса и Степи коллеги пришли к совместному пониманию необходимости учета международных геополитических факторов, внутренних процессов, то есть комплексного подхода к проблеме. В результате восточный

вопрос стал определяться авторами спецдисциплины как комплекс проблем, связанных с кризисом, постепенным ослаблением и распадом Османской империи, национально-освободительным движением населения ее народов и соперничеством великих держав за «турецкое наследство». Такой подход позволил включить в ткань изложения материалы не только о политике великих европейских держав в отношении дряхлеющей Оттоманской Порты, но и о процессах, происходивших в недрах османской монархии и на подвластных ей территориях, в первую очередь балканских. В связи с этим сложилась и периодизация, содержащая основные этапы развития восточного вопроса: от конца XVIII в. до завершения Крымской войны, 1856–1890-е гг., а также время от рубежа XIX–XX столетий до Первой мировой войны и международно-правового урегулирования вопроса в начале 1920-х гг.

Были привлечены исследования отечественных и зарубежных авторов, в первую очередь В. Н. Виноградова, К. Б. Виноградова, Ю. А. Петросяна, Ю. А. Писарева, Е. В. Тарле, В. И. Шеремета, Г. Киссинджера, Э. Хобсбаума и других. Также был задействован значительный массив исторических источников по теме, опубликованных в XVIII–XX столетиях. Наконец, использовались работы самих авторов спецдисциплины, например учебные пособия по внешней политике западноевропейских стран В. В. Сергеева [3; 4], монография Ю. В. Костяшова, посвященная сербам под властью австрийских Габсбургов [1]. Широко привлекались публикации ведущих исторических журналов «Вопросы истории», «Восток», «Новая и Новейшая история». По мере накопления опыта преподавания спецдисциплины коллектив авторов оформил свои наработки в учебное пособие, вышедшее в издательстве нашего университета в 1997 г. и содержавшее наряду с авторским текстом фрагменты важнейших источников по предмету изучения [2].

Некоторые занятия преподаватели спецдисциплины проводили вместе, что позволяло выявить разные аспекты восточного вопроса. Так, на первом занятии определялось содержание понятия «восточный вопрос», рассматривались его историческая география, периодизация, проблемы изучения. Кстати, спецдисциплина стимулировала обращение студентов к географии восточного вопроса, способствовала изучению на новом уровне важнейших регионов Османской империи, втянутых в соперничество великих держав, — от Причерноморья и черноморских проливов до районов Ближнего Востока, Балкан, Северной Африки, самой Турции.

По ключевым сюжетам дисциплины педагоги также проводили совместные занятия, где пытались выявить дискуссионные проблемы, привлекая студентов к их обсуждению и тем самым стремясь стимулировать у ребят формирование своей точки зрения на тот или иной аспект проблемы. Так, рассматривая политику держав в отношении восточного вопроса, Ю. В. Костяшов считал действия западных участников «реактивными» — отвечающими на активную политику России. В свою очередь, А. А. Кузнецов отстаивал обратную точку зрения, прибегая к другим аргументам. Такие же споры происходили по поводу истоков Крымской войны 1853–1856 гг.: В. В. Сергеев привлекал внимание студентов к соотношению причин и повода в возникновении международных кризисов на примере спора держав о христианских святынях в Палестине, разрушавшего европейский «концерт». А. А. Кузнецов и Ю. В. Костяшов с разных сторон анализировали роль общественного мнения в России, панславистских идей, славянских комитетов в ходе Великого восточного кризиса и Русско-турецкой войны 1875–1878 гг. Слушатели обращали внимание на различные факторы, сыгравшие роль в восточном вопросе, — от действий правящих элит до активности политических партий, общественных и религиозных деятелей. Привлекался материал российской и западной истории, но также восточной, прежде всего турецкой. В частности, восточный вопрос рассматривался и с точки зрения части османских элит, заинтересованной в модернизации Порты с опорой на ряд западных стран, в том числе с учетом их противоречий с Россией. Острые споры вызвала проблема роли восточного вопроса в происхождении Первой мировой войны: преподаватели активно пытались подключить знания студентов по историографии происхождения войны в этом контексте, от работ М. Н. Покровского до исследований современных авторов.

Погружение в тему дополнялось и активным обращением к источникам, важнейшими из которых стали дипломатические документы. Ведь ключевые события «Восточного вопроса» часто сопровождались подписанием международно-правовых актов, соглашений, обменом официальными нотами, письмами. Изучение подобного материала помогало студентам освоиться в сложной «кухне» дипломатического взаимодействия держав — участников восточного вопроса, причем не только великих. Анализируя сербские документы с Ю. В. Костяшовым, студенты знакомились со становлением дипломатии балканского государства — Сербии, а привлечение

турецких дипломатических актов позволяло посмотреть на проблему отношений Порты с державами с османской стороны. Дипломатические документы рассматривались на фоне изменений международной обстановки, определенного этапа развития восточного вопроса, включения в него новых участников, например Германской империи на рубеже XIX–XX вв. Особенно активно обсуждались документы, связанные с попыткой держав в ходе Первой мировой войны разрешить восточный вопрос путем заключения договоренностей о разделе Османской империи. В связи с этим особое внимание уделялось соглашениям Англии и Франции в феврале — марте 1915 г. по поводу передачи России черноморских проливов. Здесь В. В. Сергеев предлагал дискуссионный вопрос по следующему сюжету: произошло ли бы это в реальности в случае победоносного для России завершения войны? Ответы были разные, но большинство участников обсуждения считали, что едва ли эта передача состоялась бы, так как Англия и Франция видели в России скорее серьезного конкурента, нежели постоянного союзника. Конечно, история не терпит сослагательного наклонения, но обсуждать возможные альтернативы событий с опорой на факты видится делом, полезным для историка.

В ходе изучения спецдисциплины не осталась без внимания связь внешней политики с экономикой, военными, этническими, религиозными, идеологическими аспектами прошлого. Этот сюжет рассматривался на фоне истории Балкан конца XIX — начала XX в., где эти факторы активно проявлялись в виде экономической, дипломатической, военно-политической конкуренции держав на фоне растущих внутрибалканских противоречий Сербии, Болгарии, Румынии.

Отдельное внимание уделялось влиянию восточного вопроса на судьбы Австро-Венгерской и Османской империй, когда сложные внутренние этнополитические противоречия, усиленные их участием в мировой войне на стороне Германии, способствовали развалу имперской государственности и полному сложностей процессу формирования независимых стран на их развалинах.

Восточный вопрос с точки зрения его содержания, по мнению авторов спецдисциплины, ушел в прошлое с поражением в Первой мировой войне Османской империи и ее распадом в ходе этой войны. Однако многие проблемы, существовавшие ранее, сохранялись и в последующее время. Это этнорелигиозные, территориальные и политические

противоречия, свойственные балканским государствам и другим странам, образовавшимся на развалинах Османской Порты. Указанные сюжеты обсуждались со студентами в ходе заключительного занятия, связанного с международно-правовым урегулированием восточного вопроса после окончания Первой мировой войны. Занятие подкреплялось разбором соответствующих документов.

Спецдисциплина завершалась письменным экзаменом по предложенным вопросам. Следует отметить, что под влиянием темы на кафедре за несколько лет было защищено более десятка дипломных работ, связанных с проблематикой курса, что свидетельствует об устойчивом интересе части студентов к восточному вопросу.

В итоге спецдисциплину изучили десятки студентов. «Восточный вопрос» не только расширил их (как, кстати, и преподавателей) исторический кругозор, но и способствовал освоению навыков анализа разнообразных исторических источников, знакомству с неоднозначными точками зрения ученых. Нет сомнений, что материал спецдисциплины углубил осознанное понимание будущими историками сложных и многообразных процессов взаимодействия западного и восточного миров, а также места нашей страны в этих процессах.

Список литературы

1. *Костяшов Ю. В.* Сербия в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997.

2. *Костяшов Ю. В., Кузнецов А. А., Сергеев В. В., Чумаков А. Д.* Восточный вопрос в международных отношениях во второй половине XVIII — начале XX в.: учеб. пособие / под ред. В. В. Сергеева. Калининград, 1997.

3. *Сергеев В. В.* Внешнеполитическая история Запада от Тридцатилетней до Франко-прусской войны (1618–1871): учеб. пособие. Калининград, 2007.

4. *Сергеев В. В.* Международные отношения от Франко-прусской войны до Первой мировой войны (1871–1914): учеб. пособие. Калининград, 2011.

Об авторе

Александр Дмитриевич Чумаков — доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: aziafrika@mail.ru

A. D. Chumakov

**“The Eastern Question in international relations”:
on a special discipline that united the many
(memoir experience)**

The essay describes the experience of teaching the special discipline “The Eastern Question in international relations in the second half of the 18th — early 20th century” at the Faculty of History of Kaliningrad State University in the 1990s, including the recollection of the role of Yuri Kostyashov and other teachers of the course. The author emphasizes the importance of the discipline for training historians.

Keywords: Eastern Question, historical education, Kaliningrad State University, Yuri V. Kostyashov

The author

Alexander D. Chumakov, Associate Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

Проводник в мир истории культуры XX века

Охарактеризованы методические аспекты преподавания курса «История художественной культуры Запада» на историческом факультете Калининградского государственного университета на рубеже 1990–2000-х гг. Раскрыто содержание форм и методов, направленных на активизацию познавательной деятельности студентов.

Ключевые слова: Ю. В. Костяшов, западная культура XX в., методика преподавания истории культуры, Калининградский государственный университет

Как известно, областью научных интересов профессора, доктора исторических наук Юрия Владимировича Костяшова является история международных отношений в Новое и Новейшее время, а также история разных стран и регионов — Сербии в XVIII в., Польши, современной Восточной и Юго-Восточной Европы, Восточной Пруссии и, конечно, Калининградской области [1, с. 85; 2, с. 165; 3, с. 40]. Неоспорим тот весомый вклад, который внес Юрий Владимирович в изучение истории становления Калининградской области, исследуя повседневность и применяя возможности устной истории [1, с. 33–34; 2, с. 86]. С 1981 г. студенты-историки в университете постигают знания по истории южных и западных славян от Средних веков по Новейшее время под чутким, но требовательным контролем со стороны профессора [1, с. 85; 3, с. 85].

Вместе с тем важно учитывать, что в широком диапазоне научных интересов Юрия Владимировича есть еще одна область — история культуры Запада XX столетия. На протяжении долгого времени он преподавал эту часть истории мировой культуры в рамках общего курса «История художественной культуры Запада» для студентов. Также Юрий Владимирович вел спецкурсы «Утопия и антиутопия в мировой художественной литературе» и «Зарубежная литература XX века» [1, с. 52; 2, с. 165; 3, с. 85], последний из которых был введен в 1989 г. [1, с. 44].

Благодаря необыкновенной эрудиции и обширным познаниям, особой манере преподавания и способности профессора Ю. В. Костяшова доступно объяснять достаточно непростые явления и процессы, связанные с интенсивно развивающимся западным искусством прошлого столетия, он сумел привить стойкий интерес к истории художественной культуры Запада XX в. нескольким поколениям студентов исторического факультета. В бытность студенткой на 4-м курсе мне посчастливилось прослушать цикл лекций и посетить семинарские занятия Юрия Владимировича по этому предмету и на личном опыте ощутить процесс передачи и накопления знаний.

Юрия Владимировича отличало стремление в своей преподавательской деятельности использовать такие приемы, формы и методы, которые позволяли студентам усваивать материал, реализовывать свои творческие способности и, наконец, размышлять о сложных культурных феноменах и социокультурных проблемах, характерных для Новейшей истории западного мира. В рамках той части курса «Истории художественной культуры Запада», которую преподавал Ю. В. Костяшов, студенты знакомились с художественной литературой, изобразительным искусством, архитектурой, киноискусством, театром и музыкой XX в. [4, с. 30–31]. Юрий Владимирович доступно объяснял специфику видовых и жанровых форм художественного освоения действительности и был заинтересован в том, чтобы студенты получили представление обо всех особенностях современной культуры. Он необыкновенно интересно рассказывал о ярких и неординарных творческих личностях, тщательно выбирал факты их биографий для раскрытия особенностей авторского стиля и способа художественного творчества. Юрий Владимирович покорял своей эрудицией и обширными знаниями в таких областях, как западное киноискусство, живопись, литература.

И еще один важный момент. Поскольку курс «История художественной культуры Запада» предполагал непосредственную демонстрацию иллюстративного материала по живописи, скульптуре и архитектуре, то на занятиях Юрий Владимирович всегда использовал возможности техники, идя в ногу со временем и учитывая ход технической эволюции и развития информационно-коммуникационных технологий в 1980–2000-е гг. В разное время применялись фильмоскоп, кинопроектор, магнитофон, диапроектор (слайд-проектор), кодоскоп, мультимедийный проектор, компьютер [1, с. 25, 48].

Включение указанной техники в учебный процесс, безусловно, было одним из эффективных способов активизации познавательной деятельности обучающихся и обеспечивало их неподдельный интерес к предмету.

Но и самих студентов Юрий Владимирович нацеливал узнавать больше об изучаемом периоде истории культуры Западной Европы и Соединенных Штатов Америки, о творческих личностях, а также разбираться в особенностях многостилья, видах и формах современного искусства. На это были ориентированы задания для самостоятельной работы. Например, чтобы лучше ознакомиться с западной художественной литературой XX в., каждый студент в течение семестра должен был прочитать в обязательном порядке два произведения из предложенного списка литературы. В него входили «Процесс», «Превращение», «Замок» Ф. Кафки, «Доктор Фаустус» Т. Манна, «Посторонний» и «Чума» А. Камю, «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера, «Сто лет одиночества» Г. Маркеса и другие. Студент выбирал два произведения по собственному желанию. Затем Ю. В. Костяшов обсуждал со студентом прочитанные им произведения в форме собеседования — индивидуального, а иногда и коллективного [4, с. 32]. Юрий Владимирович умел ставить вопросы и вызывать на дискуссию, которая стимулировала дальнейшее самостоятельное размышление о сложных общественных и социальных проблемах и явлениях западного общества.

Еще одним заданием для самостоятельной работы студентов при освоении материала по истории художественной культуры Западной Европы и США в Новейшее время стало изучение произведений крупнейших художников XX в. [1, с. 52]. На аудиторных занятиях и самостоятельно обучающиеся знакомились с репродукциями картин живописцев с целью выработки умения распознавать стили и направления в изобразительном искусстве, узнавать манеру письма отдельных художников [4, с. 32]. Перечень художников и их произведений был достаточно большим. В него были включены такие мастера, как А. Матисс, А. Дерен, А. Модильяни, Ж. Брак, П. Пикассо, Э. Мунк, Л. Кирхнер, Ж. Руо, С. Дали, А. Руссо, И. Генералич, В. В. Кандинский, П. Мондриан, Дж. Поллок [4, с. 30].

Накопление знаний, как водится, не было легким процессом. Требовалось читать рекомендованную специальную литературу, визуально запоминать большое количество картин художников, их названия, даты или период создания и т. д. А это предполагало

посещение библиотек, кропотливую работу с литературой по искусству в читальных залах, так как книги и альбомы по истории культуры зачастую были библиографической редкостью — по одному экземпляру на библиотеку. С улыбкой вспоминается, как иные предприимчивые студенты на рубеже XX–XXI вв. шли на хитрость: чтобы не делать выписки и не запоминать необходимые картины из альбомов по искусству, работая в читальном зале библиотек, пользовались фотоаппаратами и фотографировали все нужное. Но мало было собрать все необходимые материалы — важно было запомнить большое количество картин, быстро и точно называть всю информацию об авторах и их произведениях. Поэтому нередко студенты готовились к этому заданию в паре или объединившись в группы из нескольких человек, проверяя друг у друга как знание биографии и творчества конкретных художников, так и правильность определения картин «на глазок».

Подготовившись, каждый из студентов по согласованию с Юрием Владимировичем в оговоренное время приходил для оценки полученных знаний в области живописи XX в. Задание считалось выполненным в том случае, если из десяти предложенных студенту репродукций картин тот определял не менее семи, то есть указывал всё, что требовалось: имя и фамилию художника, название картины, дату или период ее создания, стиль, течение или направление, в котором была выполнена картина. Соответственно, нужно было узнать манеру письма художника. Это задание для самостоятельной работы было трудным, и не все студенты с первого раза с ним справлялись, отправляясь на пересдачу. Во время собеседований Юрий Владимирович проверял и общий кругозор студентов в рамках обсуждаемой проблематики или периода.

Однако несмотря на то, что требовалось освоить большой объем материала по истории художественной культуры Западной Европы и США Новейшего времени и серьезно подготовиться к заданиям в ходе самостоятельной работы, погружаться в обещающий открытия мир истории культуры было, без сомнения, увлекательно.

Можно сказать, что в значительной степени Юрий Владимирович стал для нескольких поколений студентов проводником в мир современного западного искусства. Он поощрял стремление к знаниям и, если смотреть шире, учил относиться к культуре с особым вниманием, выявлять межпредметные связи. На основе тех знаний, которые

были получены на замечательных занятиях профессора Ю.В. Костяшова, у большинства студентов формировался стойкий интерес к истории не только художественной культуры Запада XX в., но и мировой культуры в целом.

А задание, которое ввел Юрий Владимирович с целью выработки умения распознавать стили, течения и направления в изобразительном искусстве (определение картин крупнейших художников XX в.), сохраняется и теперь при преподавании дисциплины «История мировой и отечественной культуры» усилиями автора этих строк. Так сложилась хорошая традиция, начало которой положил профессор Ю.В. Костяшов.

Список литературы

1. 07.00.03: К 25-летию кафедры зарубежной истории и международных отношений КГУ / авт.-сост. И. О. Дементьев. Калининград, 2003.

2. Бежит время: к 50-летию исторического образования в Балтийском федеральном университете имени Иммануила Канта: сб. материалов / сост. И. О. Дементьев. Калининград, 2023.

3. Исторический факультет Калининградского государственного университета / отв. ред. В. И. Гальцов. Калининград, 2004.

4. История художественной культуры Запада: рабочая программа для студентов-историков II–IV курсов / сост. Ю. В. Костяшов, В. В. Сергеев, М. В. Тихонова; под ред. В. В. Сергеева. Калининград, 1998.

Об авторе

Елена Николаевна Тишакова — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

ORCID ID: 0000-0001-8646-2959

E-mail: elenatishakova@rambler.ru

E. N. Tishakova

Guide to the world of history of culture of the 20th century

The article discusses the methodological aspects of teaching the course “History of Western Arts” at the Faculty of History of the Kaliningrad State University at the turn of the 1990s and 2000s. The essay reveals content of forms and methods aimed at activating students’ cognitive activity.

Keywords: Yu. V. Kostyashov, Western culture of the 20th century, methods of teaching cultural history, Kaliningrad State University

The author

Elena N. Tishakova, Dr. (History), Associate Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

ORCID ID: 0000-0001-8646-2959

Научное издание

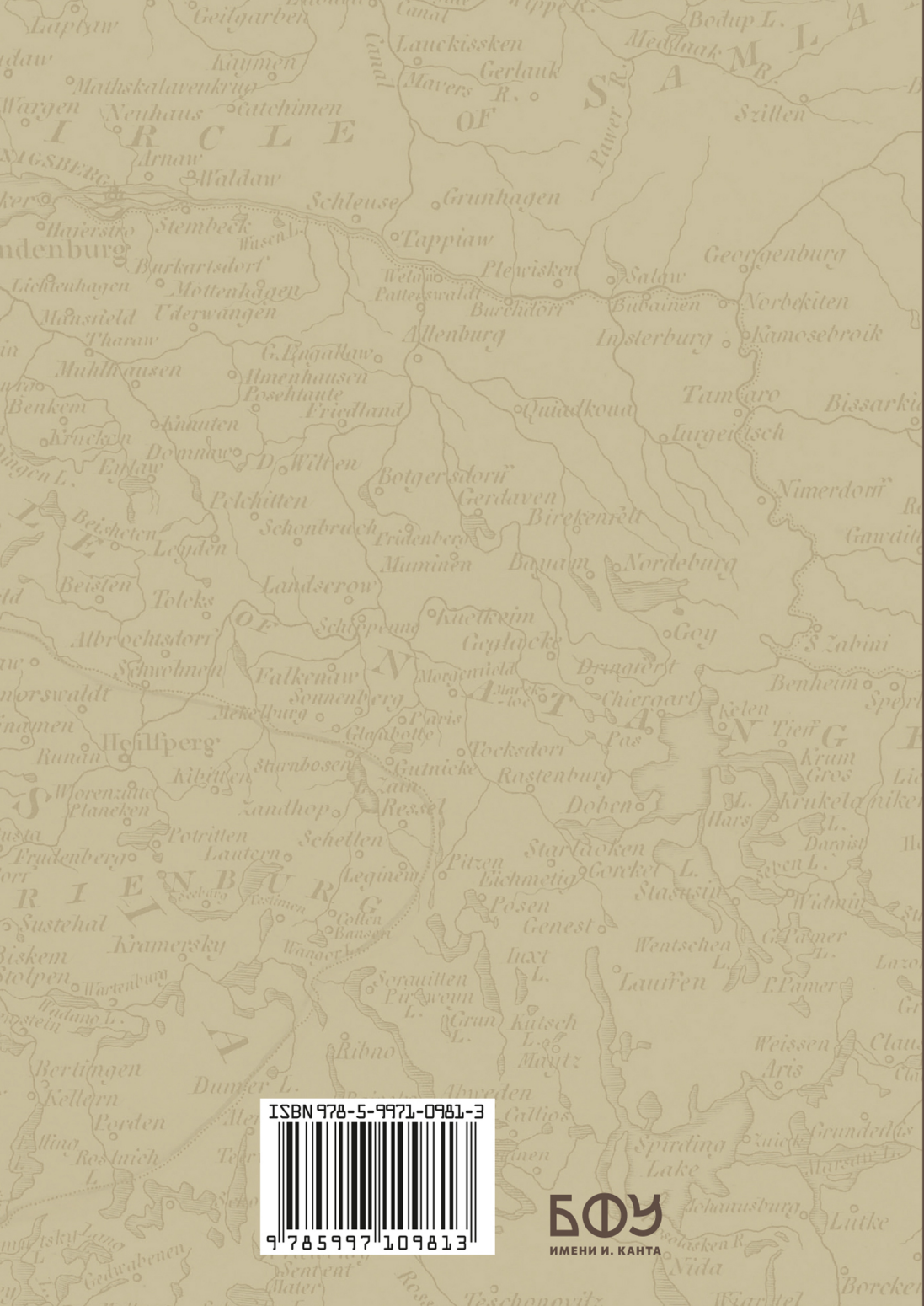
**ОТ БАЛКАН ДО БАЛТИКИ
К ЮБИЛЕЮ ЮРИЯ КОСТЯШОВА**

Оригинал-макет подготовил *А. А. Галат*
Редактор *Д. А. Малеваная*

Подписано в печать: 10.10.2025. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 100 экз.). Усл. печ. л. 16,5.
Заказ № 1004

Издательство Балтийского федерального университета
имени Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. Александра Невского, 14

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134
E-mail: 9450922@gmail.com

ISBN 978-5-9971-0981-3

9 785997 109813

БФУ
ИМЕНИ И. КАНТА